

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 6 раз в год

Учредитель и издатель
Ю. Мандрика

№4 **(14)**

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84

Возрождению краеведения в последнее десятилетие Тюменский край обязан Югории, ее замечательному жителю Валерию Константиновичу Белобородову, который своим журналом «Югра» заставил всех нас оглянуться назад, пошуршать страницами прошлого, вспомнить имена тех, кто много сделал для Тобольской губернии.

И сегодня неудивительно, что Югория помогает краеведческому журналу. Пусть акция и проводится в рамках 70-летия автономного округа. Это подтверждение тому, что

краеведческая традиция у югорчан по-прежнему сильна.

Настоящий выпуск, как и два последующих, будут выпущены при поддержке комитета по СМИ и полиграфии администрации ХМАО. Хотелось бы надеяться, что часть материалов трех «Лукичей» будут хорошим подспорьем для тех краеведов, кого интересует история нашего края. А администрации округа от имени читателей хочется сказать огромное спасибо за руку помощи, поданную журналу.

Ю. Мандрика, редактор журнала

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

Л. Ветрова. «Первый снег, как первый грех...».
Стихи 3

ПРОЗА

Г. Дмитриев-Садовников. Экскурсия по р. Сосве и др.
в 1919 г. *Дневник экспедиции* 6

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

В. Макаров. Через тернии в... параллельность? 64

КРАЕВЕДЕНИЕ

ЗАМЕТКИ КРАЕВЕДА

С. Пархимович. Последняя экспедиция
Дмитриева_Садовникова 61

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

С. Кубочкин. Над вечным покоем: *Из истории*
тюменских кладбищ 67

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

В. Кулемзин. Михаил Бонифатьевич Шатилов.
«Ваховские остяки» 93

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Н. Гондатти. Предварительный отчет о поездке
в Северо-Западную Сибирь 96

СООБЩЕНИЯ

В. Белобородов. Прабабушка югорских библиотек 145
В. Темплинг. «Еще могу сделать орудию...» 150

TRIVIA (мелочи)

С. Белов. Кулачные бои в Тюмени в 1920-е годы 158
Суета вокруг «Лукича»: Два письма 159

В следующем номере

к юбилею округа

- Материалы дела о расстреле Михаила Плотникова
- Окончание публикации работы Н.Л. Гондатти «Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь»

Людмила Ветрова родилась в Казахстане. Окончила Алма-Атинский педагогический институт. Работает в Советском училищем русского языка и литературы. Автор книги стихов «Ведьмин круг», изданной в Советском в 2000 году. На последнем окружном семинаре рекомендована в Союз писателей России.

**«Первый снег,
как первый грех...»**

Не отвечай вопросом на вопрос
И не впадай
в нехитрое коварство.
Наивный. Ты душе моей принес
Под сладким медом
горькое лекарство.

Не надо. Не обманывай меня,
Не уменьшай числа
своих поклонниц
И не страшись бесовского огня
В глазах моих, безумных
от бессониц.

Я ничего не стану говорить.
Приму твое наивное коварство.
Мне так легко
и сладко будет пить
Тобю сотворенное лекарство.

Переболев тобой, перекрещусь
И обрету свободу от безумья,
А если нет, то в кошку обращусь
И девять раз
погибну в полнолуние.

Сон эмигранта

Он предал друга, взяв его жену.
Он предал женщину,
уйдя без объяснений.

Он предал нищую
и горькую страну,
Встав перед сытой жизнью
на колени.

Он, никогда
не знавший передрыг,
Крещен попом угрюмым
по старинке.
И первый вздох его, и первый шаг
Раскрашены,
как детские картинки.

Чего желать еще? К его ногам
Удача падала сама, как девка.
Ему, уставшему не по годам,
Покой сулила золотая клетка.

И он вошел в нее, звеня ключом.
Она посверкивала и молчала.
И под густым задумчивым плющом
Его поры и совесть укачала.

И видел он тревожный белый сон,
В нем женщина
металась и кричала,
Когда готовый к жизни эмбрион
Младенцем стал.

Душа в него упала

Сиянием хрустально-голубым.
Он счастлив был.

Еще бы полминуты...

Проснулся под забором золотым
От холода, отчаянья и смуты.

Кольцом забор.

Он в клетку заключен

Сияньем теплым,
золотым и жутким.

О чем же плачет этот «эмбрион»,
Когда кругом покой и незабудки?

О том, что предал друга и жену?
О том ли, что на волю нет возврата,
Как нет возврата в нищую страну,
В ту, над которой хохотал когда-то?

О чем молчит, качаясь под плющом,
Пытаясь выйти

из-под прутьев узких?

Зачем звенит

бессмысленным ключом

Счастливым первенец
простых немых русских?

Ты отрекаешься? Не надо,
Не стоит сил.
Я буду рядом. Буду рядом,
Как ты просил.

Когда стихам моим родиться
Наступит срок,
Ты будешь тем уже гордиться,
Что ты листок.

Ты будешь тем уже гордиться,
Храня стихи,
Что смог руки моей добиться,
Хотя б руки...

Но ты, бессильем обозленный,
Не подождешь.
И этой злобой опьяненный,
Себя сожжешь.

Кусая свои губы с болью,
Сожжешь судьбу.
А я к тебе твоей же кровью —
Через губу.

Ты отрекаешься? Не надо.
Мне хватит сил
За нас двоих
Я буду рядом, как ты просил.

* * *

У судьбы два имени: Он, Она.
Две дороги и пыльные
без дождей,
Но судьба всесильная, как весна,
Приготовит третью еще трудней.

У судьбы два времени: было, есть,
А узнать о будущем не дано.
Календарь изорванный
не прочесть,
Прошлое не выбросить за окно.

У судьбы два голоса: крик и смех,
С криками рожденные,
в крик уйдем.
Захочем грозами, но для тех,
Кто однажды встретится
под дождем.

У судьбы два прозвища:
доля, жизнь.
Но куда б нелегкая ни несла,

Хоть и за соломинку, но держись.
И меня соломинка та спасла.

У судьбы два имени: Он, Она.
У судьбы два времени: было, есть.
Но во все столетия — времена
У судьбы две радости:
жизнь и смерть.

Первый снег

Первый снег, как первый грех,
Всеми узанный.
Неожиданный для всех,
Необузданный.
Словно не было ему
Роду-племени,
Словно ранний гость в дому
Не ко времени.
И плевать ему на всех,
Он пошел плясать
И на этих, и на тех
Белый пух бросать.
Как юродивый плясал
И не прятался,
Что-то главное познал
И расплакался.
И пророчил, и грозил
Лютым холодом,
И по лужицам скользил
Тонко скованным.
Лишь одно и понимал,
Что свободен.
А когда кружить устал,
Умер в полдень.

* * *

Любимый! Когда бы судьба
тебе плыть
В неоглядном просторе,
Я — море.
Когда ты устанешь,
о жизни молить

Не осмелишься просто,
Я — остров.
Когда же, тебя измотав
и отхлынув,
Волна расплеснется,
Я — солнце.
Когда, умирая от зноя,
ты клясться начнешь,
Что невинен,
Я — ливень.
Я все, что захочешь, я все,
Что ты сможешь принять.
Я — клятва твоя. Так клянись же,
Клянись, что невинен.
Прощаю тебя. А иначе
Я — море опять!

* * *

Благодарю судьбу за непокой,
За боль мою, свободу и смятенье,
За трепетное первое волненье
И первые рассветы над рекой,
За долготу осеннего тепла,
За сок брусники
на губах горячих,
За то, что я всегда собой была
И не ждала, как милости, удачи.

Спасибо за спасительный костер.
Войду в него без боли
и сомненья.
Я принимаю этот приговор
И не прошу ни слова,
ни прощенья.

Еще за то судьбу благодарю,
Что все грехи отпущены
мне богом,
За то, что я, невинная, сгорю,
Смеясь в лицо ханжам
и недотрогам.

Многие научные материалы, накопленные Григорием Матвеевичем Дмитриев-Садовниковым в последние годы жизни, исчезли бесследно. Однако не все: видному югорскому краеведу В.К.Белобородову удалось отыскать затерявшуюся часть архива тобольского самородка в РГА-ЛИ. Среди обнаруженных документов оказался и «Дневник экспедиции по р.Сосве, Ляпину, Сёргынье, Манье и Щекурье 1919 года»*.

Публикацией этого дневника наш журнал продолжает акцию по ликвидации «белых пятен» в истории края, а также в биографии этого подвижника сибирского краеведения и знакомит читателей с его творческим наследием.

Экспедиция по р.Сосве и др. в 1919 году Дневник экспедиции

27 июня

27 июня 1919 года в 11 ч. вечера в составе 4-х человек: я, П.Л. Низковский, В.И. Иванов и 12–14-летн. мальчик, племянник Низковского, отправились на земском пароходе «А. Станкевич».

«Станкевич» шел в Саран-Палуй. На нем нам губернским земством были предоставлены бесплатно места 1 класса и провоз грузов.

Выход «Станкевича» был назначен на 26, днем, но случился недостаток нефти, более суток занимались ее розыском,

нашли; потом дожидались разрешения от земства на выход; наконец вышли, ведя на буксире небольшую баржу-гусянку.

Пассажиров было много, особенно в III и II классах. С нами в первом классе ехали: остяк-самоедский князь В.И.Тайшин, возвращающийся с губернского земского собрания, его толмач и Н. Кислицкий, вновь назначенный начальник Березовской милиции, с женою и др.

Погода — холодная, дует N** ветер.

* На форзаце тетради, в которой велся дневник, два заглавия. Одним из них и названа данная публикация.

** Здесь и далее автор при обозначении сторон света прибегает к аббревиатурам, используя английские варианты написания терминов: S (south) - юг, N (north) — север, W (west) — запад, E (east) — восток. Отсюда: ES — юго-восток и т.д.— Все примечания к дневникам, кроме специально оговоренных, принадлежат С. Пархимовичу.

28 июня

Утром проснулись часов в 10. Холодный N, пасмурно.

Во время чаю разговорились с князем. Низковский выпрашивал у него о местонахождении красок, которыми прежде, да и в н. в., пользуются остяки и самоеды.

Князь рассказал (см. запись на листках). Низковский преподнес ему в подарок немного бобровой струи. Князь поблагодарил и сказал, что когда Н. будет у него в гостях, он ему также преподнесет подарок.

Ниже с. Нового встретили «Марию» — Плотникова. На ней из Тобольска должна отправиться экспедиция Котельникова.

На пристанях все дорого: кринка молока — 2–3 руб., яйца — десяток 7–10 руб.; язь — 5 руб. штука.

Часов в 9 вечера были в Демьянске.

29 июня

Холодная погода — N; полуморочно*. Пароход идет быстро: до 15 верст в час. Вечером были в Самарове.

30 июня

Солнечный день, средний N; ветт теплом. К вечеру мы были в Кондинске.

На Оби все еще прибывает вода**. Рыбы нет.

На пароходе, во втором классе, едут спекулянты с мануфак-

турой; цены — 22, 32 рубля за аршин легкого ситца.

В Кондинске нам отпустили, из хлебозапасного магазина, по разрешению председателя управы, 20 ф. дробы, по 4 руб. за фунт, тогда как в Тобольске дробь 15 руб. фунт.

1 июля

Часов в 12 дня были в Нарыкарах. Средний N; ясно. Промысла нет: не пришел вонзь.

В Нарыкарах, на рыболовном заведении, — лавки; сушки — 3 р. 50 коп. (дешевле, чем в Тобольске), масло — 10 руб. фунт.

В 8 часов вечера были в Березове. Тихий, прохладный вечер.

Здесь также нет промыслов, но ожидают со дня на день хода рыбы. В прошлом году в это время уже был промысел.

Вода убывает. Она на $\frac{1}{2}$ аршина не достигла прошлогодней прибыли. Следовательно — в это время вода прибывает, начиная от Самарова, по всей Оби — по ее же притокам — сбывает.

Березов весь высыпал встречать пароход. Пришла и администрация: управляющий уездом, Берянинко, Ямзин, секретарь управляющего, и др. Здесь мы узнали, что пароход, по причине мелководья, не пойдет в Саран-Пауль, а дойдет лишь до Сартыньи, находящейся верстах в 250 от Саран-Пауля; дальше поедет в каюках***

* Морочно — облачно, пасмурно.

** Вода — средняя. — (Прим. автора дневника).

*** Каюк — большая крытая лодка. Надстройка — из досок и бересты в виде двускатной крыши и каюты на корме.

за паровым земским катером.

«Станкевич» оставлял здесь баржу, далее же должен был пойти с двумя каюками, один из которых администрация предназначила для нас. Каюк был довольно больших размеров; нам дали бумагу в Саргынское волостное правление предоставить в наше распоряжение, если найдется, более удобный местный каюк.

До отхода «Станкевича» бродили с Низковским по городу. На яру нашли уже известные березовские пушки. Их две, средних размеров. Одна валяется на поверхности земли, другую уже стало засасывать в яму. На них — литые надписи.

1740: г:
С. Б: Р:
К. С. П. Е.

Посетили близ церкви могилу Остермана. Крепкая ограда и крепкий крест с надписью из двух букв, над которыми — корона.

Зашли в высшее нач. училище, инспектор которого ведет метеорологические наблюдения, чтобы сверить с местным показание своего барометра, но инспектора не оказалось дома.

Осмотрели довольно ветхую метеорологическую будку, с дождемером около. Дождемер обкла-

ден почти доверху горбылями. Зонд полуразломан, нет ведра.

В Березове — тишина, потому ли, что народ на пристани, или потому, что тишина — особенность глухих городков Севера.

На другой стороне Сосвы, против города, лесопильный завод и мукомольная мельница. Мельница работает, смальвая в свой 10-час. рабочий день до 200 пудов зерна. На днях хотят пускать в ход лесопилку. Завод принадлежит частному т-ву, членом которого — местный городской голова — Равский.

Ночи — нет; опять не хочется спать до 2-3 часов ночи.

В 12 часов «Станкевич» отправился в путь.

2 июля

Мы едем по Сосве. Теплый, средний SW.

Ширина Сосвы саженой 200–300. Она разбилась на протоки. Цвет воды — темновато-серый.

Растительность мне напоминает Вах в среднем течении: те же хвойные елово-кедрово-лиственные гривы, плохи* (здесь наз. *перевесья***) в них, невысокие яры*** и пески****.

Часов в 8 вечера мы приехали в Саргынью, на левом берегу Сосвы. Здесь выгрузили багаж в один из каюков, разбили

* Плоха (*перевесье*) — просека или место в лесу, удобное для ловли дичи перевесами (сетями).

** Слова, подчеркнутые автором дневника, при публикации выделены курсивом.

*** Яр — здесь и далее имеется в виду глубокое место в русле реки, располагавшееся обычно под высоким коренным берегом (яром).

**** Песок (*пески*) — песчаная отмель в пойме реки, часто — на изгибе речного плеса. Удобна для рыбной ловли.

на берегу палатку и остановились на ночлег.

Нам встретился (рекомендовал князь Тайшин) один из самоедов, бывший оленевод, знающий хорошо Урал; он не прочь был наняться в проводники. Условиться решили завтра, в управе.

Вечером были у местного торгового, Бешкильцева. Он нам рассказывал о рыбных промыслах, о боях «белогвардейцев» с красными в Саран-Пауле.

Пробовали купить у него 4 костыля*, но не купили: 17 1/2 рубля запросил.

Направление Сосвы у Сартыньи — с Е на W.

Ночи — нет; белый день; прохладно; густая роса.

3 июля

Утро тихое, теплое, жарко к полудню; часов в 6 с SW надвинулась туча, с сильным ветром с SW.

В полдень ходил собирать растения, близ села, немного ниже по течению, на левом берегу Сосвы, в плоховой гриве.

Ждем парохода.

Приехавшие из Няксимволя говорят, что до дому из Сартыньи им придется ехать дней 20.

Из Сартыньи в Няксимволь и обратно ходит, по мере надобности, приблизительно

но раз в месяц, между селениями почта.

Место, где собирали мы с Ивановым растения, представляет возвышенную гриву, до 2 саж. высотой; саженой за 20 до реки — грива круто снижается — идет покрытое хвойно-лиственным (кедр, ель, береза; отчасти ива) пространство.

Грива — средней мощности; ее пересекает плоха, по которой — болотный ручеек.

Деревья гривы, ветви затянута мхами, которые, по всей вероятности, сильно препятствуют развитию кроны и губят лес. Павшие деревья сплошь покрыты мхами и лишаями, встречаются древесные грибы.

Почва — супесок, по берегам болота-ручейка — глубокий торф. Все заросло багульником, брусничником, встречается княжница.

Село Сартыньинское расположено на левом берегу Сосвы, шириною в этом месте саженой до 800 (см. описание села). Оно расположено большей частью на возвышенном увале, до 2–3 саженой высотой. Жилых домов (есть приличные) — до 30.

В Сарт. волости 700 платежей. душ. Населения — около 3-х тысяч.

В Сартынье несколько человек занимаются пилкой леса на плахи и тес**.

* Костыль — рыболовное устройство, представляющее собой изгородь изогнутой формы из шестов, сплетенных между собою. Устраивалась в речных ямах.

** Тексты, опубликованные в рамочке, — это записи на полях дневника.

Есть церковь, волостное правление, училище (одноклассное), хлебозапасный (один на весь Сосвинский район) магазин, пороховой погреб. При волостном правлении — аптека. Из торговцев — Бешкильцев. Место, благодаря своему нахождению в центре инородцев, удобно для открытия потребительского общества.

Церковь и школа — новые, крепкие здания, крытые железом.

Кругом села — преобладает хвойный лес.

4 июля

К полудню довольно сильный SW; тепло. Пришел земский, окортомленный* у Бешкильцева, пароходик «Сартынья», завода Опарина в Тобольске. Пароход часто ломается; выход был назначен к 9 часам вечера. Мы погрузились в один из каюков и дожидаемся отхода.

На пароходе приехал зырянин, Петр Лызлов, лет 30, разговорились. Я еще до этого слышал, что он незаконнорожденный сын писателя Носилова.

Он — машинист-самоучка, работал, до прихода за Урал большевиков, на Печоре, на собственном катере, своей работы. Большевики отобрали, национализировали его вместе с хозяином. Более месяца он работал для большевиков; потом улучил удобную минуту, разобрал ма-

шину, спрятал в лес какие только возможно части и сбежал.

В марте большевики покинули Печору; катер лишь слегка попортили. Вернувшись, он исправил его, собрал машину. Нынешней весной он поднялся на нем вверх, к притокам Сосвы, нанял за 1¹/₂ тысячи перевезти его на приток Сосвы. Часть машины уже перевезена, но котел перевезут зимою.

Лызлов рассчитывает работать на нем по Сосве. Сейчас же он нанялся по 400 руб. в месяц на хозяйство содержанцем к Бешкильцеву.

Носилов посылал деньги на его воспитание, но лет 10 он уже ничего не слышал о нем. Он просил меня, если встречу с Носиловым, передать ему привет.

Вместе с ним, на барже Алексеева, торговца Саран-Пауля, приехали несколько семей зырян, беженцев с Печоры. Они передают, что на Печоре — сильный голод, мрут люди. Жители постепенно переходят в Тобольскую губернию, на Ляпин.

Уже второй день с запада небо к вечеру начинает покрываться сплошными облаками; начинает то ровный, то прерывистый SWW; западает и дует снова (прошлая ночь была тихая), начинает накрапывать

Сосвинско-Ляпинская волостная земельная управа.

* *Окортомленный* — взятый в аренду. От коми-зырянского «кортом» — аренда.

дождь. Пред заходом солнца — запад проясняется.

5 июля

Мыдвигаемся в каюке за «Сартыней». Двигаемся средней скоростью — 5–7 верст в час. Тот же SW средней силы ветер; полужасно.

К *Сартыне* и выше, почти до устья Ляпина, по берегам мало резко выраженных яров: с обеих сторон подходят пески. По берегам встречаются сосновые гривы; лес — полустроевой.

Кедр по берегам малоплодоносен: чащевой, гривный кедр. По реке — масса островов, с лиственной, а иногда и хвойной растительностью. По берегам в хвойных гривах перевесья. Юрты — редки. Вода — малая, течение слабое. Говорят, что при большой

В Сосве — темная вода, в Ляпине — светло-зеленоватая.

устья — саженей 50. Здесь уже резко выраженные яры; маленькие круглые пески из «няши». В ярах то и дело выходы торфяника. Растительность по берегам — лиственная: невысокие таловые и березовые гривы, осинник, черемуха, отчасти рябина; иногда — подходят хвойные гривы: лес — плохо развившийся, достигает полустроевого.

Выше Рахтыньи — более выраженные пески, хотя и незначительные по пространству.

К вечеру — стихло; холодно; на небе — полумесяц; ночь — светлая.

6 июля

Утро — ясное, тихое; холодноватое. У юрт *Межи*, встретили пароход Чечеткина, который ходил в Саран-Пауль за зерном.

С нами едут несколько остяков до ближайших юрт. Они мало чем отличаются от обских: косы, одежда, только разница в наречии, да большинство — с усами и бородами.

Строевой лес — далеко от берега; нет сенокосных мест.

воде — течение быстрое. Прибыль воды бывает после 2–3 дней ненастья. Она вредно отзывается на сенокосах: стапливает копенину, стога, иногда, когда «застойная» — или стапливает сенокосы, или трава не успевает вырасти на освободившемся пространстве.

Часа в 4 доехали до устья Ляпина. Здесь Сосва пошла влево. На левом берегу ее, саженях в 800 от устья Ляпина, рыболовный станок Бешкильцева;

* Станок (стан) — в данном случае — рыбацкий домик или небольшой поселок, устроенный в естественной гавани и использовавшийся во время путины для отдыха.

От юрт Хурум-Пауль вдали видны, отдельными холмистыми вершинами, Уральские горы.

Река стает шире, встречаются мысы галечника, уходящие под воду; местами — камни болотного железняка. Часто встречаются плоховые просеки. По берегам — еловые гривы. Масса цветущего шипишника.

В реке попадаются остатки мордьяных заграждений*. Встречаются табунки 6–10 штук голей, пролетают гагары, крохали, матицы-вострохвосты.

Птица здесь, так же, как и в Тобольске, к Петрову дню уже взрослая.

Остановились в юртах Мункас. Народу мало. Вообще, большинство инородцев сейчас в низовьях Сосвы и на Оби.

В Мункасах остяк выносил продавать постельного гуся**^{*}; просил 400 руб. Здесь готовят колыданки***^{*}. Встретил небольшой амбарчик из еловой коры. В юртах есть коровы.

Выше юрт встречаются довольно значительные пески, небольшие соры****^{*}.

В последних пред Саран-Паулем юртах, Ханлы, мы видели 3 коров.

Зимние юрты выжжены большевиками.

Вечер морочный, холодно.

7 июля — понедельник

Часов в 8 утра — в Саран-Пауле. Морочно, моросит дождь. Мы остановились на квартире у Ивана Ефимовича Истомина, которого не было дома: квартира препоручена частному лицу. Квартиру нам отвел милиционер. Пока мы выгружались и прибирались, в местной сельской управе был собран сход для найма нам проводников и рабочих.

Наняли: Вакуева, участника экспедиций Иловайского, англичан и др.; Витязева, Артеева и Репина.

Жалование — по 500 руб. в месяц на нашем содержании.

Много хлопот вышло с лодкой: было несколько подходящих, но не уступили, другие были неподходящи для нас: нам необходим был каюк с плоскодонным дном, пудов на 100, предлагаемые же были слишком велики для быстрых горных речек.

Наконец, купили в собственность новую лодку, еще некон-

Винная лавка существовала здесь лет 15. Прекращ. в 1914 году.

* Речь идет о сложном рыболовном устройстве: речка перегораживалась щитами из жердей, таловых дранок или сосновых лучин, переплетенных лыком или веревками; между щитами в нескольких местах оставались узкие проходы для рыбы, в которых стояли морды — плетеные ловушки.

** Гусь — мужская верхняя меховая одежда. Использовалась и в качестве постели.

*** Колыданки (калданки) — небольшие лодки для ловли рыбы наплавными сетными ловушками в виде мешков (калданами) на больших реках.

**** Сор — в данном случае — большой неглубокий залив в пойме реки.

«Остяк» Четчикина увез до 30000 пудов зерна — в Чердынь, через Тюмень. «Остяк» пришел во 2-й раз сюда 8-го июня.

ченую, но которую взялись в 2–3 дня кончить и сделать крышу; заплатили 600 руб.

В Саран-Пауле — много беженцев. Пред нами пришла партия человек в 50. Они много вытерпели дорогой: взявшиеся вести их проводники сбежали дорогой, оставив их на произвол судьбы. Через болота, речки и горы они на 10 день пришли в Саран-Пауль. Они шли голодные: за Уралом, по Печоре, нет хлеба; взятых ими запасов хватило ненадолго; дороною питались пучками*; последние 3 дня голодали; дороною встретили самоедский чум, купили у них оленей и слегка оправившись от голода. В Саран-Пауль едва пришли, схоронив дороною умершую от голода старуху.

Часть беженцев гибнет дороною от голода; иные доходят как тени, оборванные, голодные, отлежавшись и подкрепившись, ходят по миру, Христа ради.

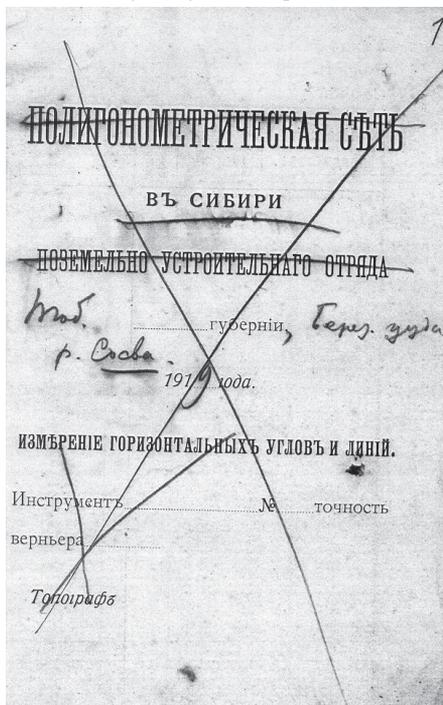
В Саран-Пауле хворают тифом, оспой и «испанкой», как они ее здесь называют. Медицинская помощь отсутствует. Я написал о болезни и беженцах в редакцию «То-

больского народного слова».

Большевики еще с осени посылали сюда, как говорят жители, разведчиков. О том, что они будут сюда за мукой — были определенные сведения. Доносили в Березов о необходимости выслать сюда отряд, но просьбы были тщетны. Местные жители, в боль-

Вот в такой тетради и вел карандашом дневниковые записи Г. Дмитриев-Садовников. 132 страницы с оборотом сохранились в РГАЛИ (Ф. 1235. Оп. 2. Д. 30).

Публикуется впервые.

* Пучка — травянистое растение со сладковатой сочной сердцевинкой.

Лодки строят из кедрового леса; на дрова — кедр.

шинстве бывшие солдаты-зыряне, организовали свой отряд численностью 40 чел. Высланы были вперед разведчики: зырянин Тереньев Алексей Гермогенович и самоед Иван Андреев Хатанзеев, они долго несли свою ответственную службу; но потом попали в руки большевиков и были убиты. Наконец, 23–24 ноября заявился передовой отряд большевиков. Местный отряд устроил окопы и встретил большевиков залпами. С первых залпов свалились человек 7 красных. Патронов было по 10–15 штук на человека. Пришлось разбежаться: большевики открыли пулеметный огонь.

Большая часть жителей Саран-Пауля разбежалась. Из шести сот населения осталось человек 100.

Следом за первым отрядом большевиков пришел 2-й отряд, численностью — всего около 200–250 человек*. Приехал комиссар, из евреев, Мантенбаум.

Большую частью были сожжены с. Щекуринское (остались лишь церковь, причтовый дом) и юрты Хапли (зимние). В Саран-Пауле были сооружены окопы: между домами Алексева и кругом селения.

На рытье окопов выгонялись оставшиеся местные жители, за исключением только «не могущих ходить».

Из Саран-Пауля большевики вывозили хлеб. Всего было вывезено до 25 тысяч пудов: тысяч 12 мукой, остальное зерном. Вывозили на ямщиках с Печоры. Население грабилось: брали имущество, резали скот (до 20 коров), брали все, что понравится и — не платили денег.

С заводов на большевиков наступал отряд князя Вяземского, но потерпел поражение и отступил (они несколько часов держали за собой с. Щекуринское).

Наконец стал приближаться и наш Тобольский северный отряд.

По выражению местных жителей — он мало чем отличался от большевиков: трусость, издевательство, пьянство, доведшие отряд даже до того, что в одном месте они приняли своих за красных, открыли перестрелку, обошедшуюся не без убитых и раненых. Отряд только и держался офицером Лушниковым.

В ночь на 5 января в страшный холод отряд приблизился

Белыми сожжены дома: Алексеева и Шахова.
Красными — юрты Ясонтские и Тайлы.

к Саран-Паулю. Большевики спали. Отряд стал совещаться: наступить или отступить. Лушников настоял на наступлении.

В это время раздался выстрел. Наступление велось с нескольких сторон. Красные, застигнутые врасплох, бежали, оставив 7 человек убитыми.

* Большинство были вычегодские зыряне. — (Прим. автора дневника).

Когда весной не хватает сена, зыряне кормят коров корою рябины, которую возят возами. Утверждают, что от рябинового корма у коров улучшается молоко.

Заняв Саран-Пауль, отряд оставался в нем только до утра. Он не кинулся преследовать красных, убежавших пешком, кто в чем есть, частью замерзших по дороге, а, опасаясь сам, как бы не вернулись красные, двинулся обратно, захватив награбленное большевиками у местных жителей и объявляя все это своей военной добычей, которую и распродавал по дороге. Продавали зырянские сарафаны, швейные машины и проч.

Подчас и тянули: в Саргынье Иван Михайлович Бешкильцев передавал, что сестра милосердия из отряда стянула на земской квартире 2-х соболей, которые позже у ней были, однако, отобраны.

Опасаясь нового прихода большевиков, жители запросили присылки отряда. Пришли около сотни солдат. Опять началось что-то полуграбительское: потащили малицы, тулупы. Потом отряд ушел. Осталось весновать несколько офицеров и солдат. К нашему приезду в селении был лишь милиционер.

Ляпинский район идет от речки Рахтыньи. Покося находятся на левом берегу Ляпина, против Саран-Пауля, и выше и

Шитьем малиц, пимов и шапок занимаются почти все.

ниже по течению, переходя и на левый берег. Страда начинается с Прокопьева дня; косят преимущественно горбушами, хотя некоторые употребляют и литовки.

Саран-Пауль — зырянское селение — расположено по правому берегу р. Ляпина, шириною в этом месте до 200 саж. Берег — крутой, обрывистый, с мысами выходящей в реку мелкой гальки, среди которой падаются и значительной величины валуны. Местами яр высотой до 2 саж.; состоит из супеска, торфяников.

Строения одноэтажные, часто со светелками, выстроены из местного кедрового леса. Частью на очищенных от торфяников холмах, в девств. виде которые окружают его и с др. сторон. Дома — довольно приличные снаружи, но тесные внутри. Размеры: <...> Окна — с наличниками; дома окружены дворами, с загородью из жердей, тесу в решетку; есть сплошные.

Параллельно реке село пересекает извилистая улица, пересеченная неглубокими, выходящими на реку оврагами. Вглубь берега, по выдающимся в болото торфяниковым хребтам,

Поля — крашенные, частью охрой из Уральских гор; стены оклеены обоями, на стенах — фотографии и картины, приложения к журналам.

также расположены дома.

Среди села — большой разукрашенный крест, с крышей, иконами, обнесенный оградкой.

За селом выше деревни — остов деревянной походной церкви: ко времени приезда из Щекурьи священника, остов покрывается брезентами и палатками: в церкви совершается богослужение.

Из правительственных учреждений — в селении Саран-Паульская сельская земская управа, лавка Алексеева.

Домов 100, жителей 660, из которых: сапожников — 1, портных — 1, кузнецов — 1 (есть кузница), слесарей — 1. Жители — почти все зыряне, из Ижмы, начавшие переселяться сюда лет 80 тому назад.

Саран-Пауль построен на очищенных от торфа увалах, подобно торфяникам настоящего времени, расположенных с лесной стороны близ селения.

На крышах некоторых из домов, на князьке*, над главным входом, оленье рога: здесь живут оленщики.

Лошади здешних крестьян и коровы приобретены из-за Ура-

Из Саран-Пауля хорошо видны Уральские горы; на них, в лощинах, еще лежит снег. Саран-Паульская управа образована в 1904 г.

ла, с Печоры. Они выносливы, роста среднего, всевозможных мастей: вороны, белые, рыжие, карие и др.

Особенно ценятся пестрые: их продают остякам для жертвоприношения.

Ляпинская крепость нынешней весной сожжена крестьянином, пустившим пал.

В селе развито производство лодок; выделывают (выходцы с Печоры) туяся, грабли. Есть круглая качель.

Праздники местным населением строго соблюдаются. Годовой местный праздник — Ильин день.

Покосы в Саран-Пауле начались ныне пред Прокопьевым днем; сено хорошее, цветущее, просохшее, благодаря бездожью. Коров — до 100 со Щекурьей, свиней — до 50 со Щекурьей, куриц (немного) — 15, собак — охотничьих (до 300) и воровых.

Смолу и деготь гонят на свои надобности в чугунах, в печах; особенно — гонят смоляную воду, необходимую для смазки обуви. Зерно мелкот почти в каждом доме на ручных жерновах.

Хлебопашеством занимаются (между делом) человек 30. В хорошие годы засеива-

Бани есть — на 2-3 дома — баня; есть по-черному (большинство) и по-белому (2 части черных и 1 часть по-белому).

Оленей от 5 до 600 на хозяина, приблизительно (всего — тысяч до 1¹/₂). Приготавливают лодки, каюки; остяки — остячские лодки (колыданки).

* Князек, или конек — балка на стыке двух скатов кровли.

лось десятин около 7 (казен. десятин); зерно (ячмень) было сначала привозное, потом — местное; сеяли отчасти рожь.

В нынешнем году посеяно, благодаря неурядицам, мало; между прочим, первый год посеян овес, рожь.

Поля представляют из себя небольшие участки, саж. 100–100 кв.; почва супесок, отчасти — торфяник. Посев начинается «смотря по весне»: в середине или конце мая; созревает хлеб в конце августа. Бывают годы, что хлеб не вызревает: его косят на сено. Урожай в среднем бывает сам-6-5; доходит до сам-10.

В Саран-Пауле 27 июля по ст. ст. Пантелеймон, местный праздник

Сеют порядочное количество моркови, картошки, редьки.

8-го июля я осматривал поле на S от села, за болотами. Поле — саж. 7–10 шириною и до 15 саж. длиною. Расположено по вершине торфяника, приближаясь к склону, к селению. Растет овес; посеяно в конце мая 1 пуд. 10 ф. Поле принадлежит Александру Степановичу Артееву. Разработано поле в прошлом году. Торфяник оттаивает на $\frac{1}{2}$ арш.

Замерзание торфа зависит от осенней температуры: если осенью

Были случаи посева конопли (Семен Иванович Канцев), первый год родилась хорошо (1917 г.), второй — плохо.

падает рано снег, поле не промерзает глубоко, и — наоборот.

Артеев передавал о своих наблюдениях над погодою в Саран-Пауль: здесь теплее, чем в Щекурье и ниже Саран-Пауля; напр., это место не так сильно хватают холода и росы: они как будто проносятся над этим местом.

Под торфом, на глубине полуаршина, идет то чистый песок, то супесок, то суглинок; иногда опять идет слой торфа.

Хлебопашеством занимаются человек 30. Андрей Иванович Рочев 23 года тому назад начал заниматься хлебопашеством. Первые семена привез из Ижмы, потом ему доставили из Тобольска; сейчас зерно местное. Он же сеял картошку. Посеял хлебную чашку, собрал 30 ведер. Сеет в среднем ячмень пудов по 20, получает пудов по 70. Картошки — по 20 ведер, получает 180–200 ве-

Водятся: лоси, на Урале — дикий олень; видра, лисица — всех сортов; песец на Урале; волк заходит, но не летует; горностай; колонка — нет; рысь, росомаха; бурундук, белка, заяц, медведь, белка-летяга, филины, совы, орлы, ястребы, ящерицы, змей нет, дятлы — черные и пестрые, чечетки, дрозд, трясогузки, кукушки.

7-го июля видел у Пономарева молодого чиренка-енотика, пойманного на днях.

Зяряне все занимаются вязанием чулок из бараньей шерсти, которую привозят зимою из-за Урала, Печоры.

Зыряне-охотники многие* едят белку. Жители Ляпинского района: остяки, самоеды, зыряне, изредка — русские.

дер; собирают картошку около Воздвижения. Картошка родится крупная, до $1\frac{3}{4}$ фунта штука. Хорошо родится тыква: вырастают в 1 четв. арш. в диаметре, длиною — в винную четверть.

Орудия земледельческие — соха, борона местного производства.

Сенокосные луга — копен на 110 конских; мечут в зароды, вышиною на аршин и более от земли, чтобы не снесло водою. Зароды копен по 60. Более делают ручные, пуда 2—3 копы.

Сенокосные участки приходится вычищать; на хорошо вычищенных участках сена хорошие урожаи. Трава — невысокая. Сенокосные участки принадлежат тому, кто обработал. Удобных для сенокоса мест по Манье и Народье вполне достаточно, только необходимо расчистить.

8 июля — вторник

Утро — тихое, ясное, жарко. Пришел председатель сельской земской управы, и от него я записал сведения о рыболовстве близ Саран-Пауля.

Потом я ходил собирать растения по болоту и торфяникам на S от селения.

У селения стоит и грузится зерном пароход Чететкина. С пароходу продают вино, по 100 руб. за бутылку.

К вечеру — легкий дождь, морочно. Сегодня, с полудня, Иванов ведет метеорологические наблюдения.

9 июля — среда

Утро — ясное; легкий W ветер; после полудня — легкий дождь, морочно. Завтра мы решили съездить по Манье, посмотреть местонахождение охры и взять образцы ее.

Вечер — полуясно; NW средней силы ветер. Ночь — светлая. Комаров в селении нет. Вообще нынешним летом, благодаря отсутствию дождей, комаров мало. Вечером ходил по береговой гриве, ниже села, и собрал несколько растений.

Ночь — тихая, полуясно.

10-го июля — четверг

С утра собирались на Манью, за краской. Выехали в 5 ч. 5 мин. вечера, в легкой крытой лодке, которую нам уступили, на два дня поездки, за $\frac{1}{2}$ ф. чаю.

Переправились на противоположную сторону, на песок, и пошли бечевой.

Днем с севера с самого утра набегают тучи и моросит дождь.

Ниже селения, у переката, стоит пароход Чететкина «Остяк»; стоит с полудня вчерашнего дня: тут перекат, 5—6 четв. глубиною, баржа же загружена на 7 четв.; они стали на

* Молодёжь, старики не едят. — (Прим. автора дневника).

мель. Часть муки сгружают на левый берег Ляпина.

Дорогою я убил 5 уток-мазух: чирушку, лутчиху*, двух свизей, чернеть; в ярах — гнезда стрижей, из которых вылетают стрижи.

Собачины — 10 руб. за штуку. Кисы — 200—300 руб.

По берегам — значительные пески.

В 9 часов — в юртах Ясонт, на левом берегу Ляпина, немного выше устья Маньи. На возвышенном песчаном, саженой до 2-х высотой (песок местами с железистою окисью), окруженные хвойно-лиственным (встречается и лиственница) лесом, находятся летние юрты, состоящие из трех жилых помещений и одного амбара. 2 юрт из дерева, одни из еловой коры, крыты тиской**; амбар деревянный. В юртах уличная глиняная печь; стропила для пилки теса, около полусотни которого сложены в клетку.

Зимние юрты находятся в глубине леса; из 9 юрт осталось 4, 5 сожжены большевиками.

Население — остяки; зимою живет 9 семей: 12 мужчин, 12 женщин, детей — 6—7; рыболовы-охотники. Оленей — по

Ширина Ляпина против юрт саж. 5—9; прав. берег — песок.

20—30, всего *ста два*; лошадей — 3, коров — 3. Красноармейцы увели 7 коров; лошадей — <...>. Продукты промыслов сдают Алексееву, Новицкому, Бешкильцеву.

Здесь я встретил юрту из еловой коры; встречал подобные же юрты и ниже Саран-Пауля; на Оби таких встречать не приходилось.

От летних юрт к зимним идет крепкая тропинка. Место сухое, крепкое, поросшее мелким пырьем и «петушок-да-курочка». Хвойно-лиственный лес; обильные дубровные, хотя и незначительные по пространству, места; пасутся три взрос-

За 5 щук запросили 3 руб.; купили за бобровую струю.

лые коровы, тучные, средних размеров. В устье Маньи, на левом берегу, хорошие сенокосные угодья, расчищенные еще Сибиряковым и сейчас принадлежащие П.П. Алексееву. В хвойной гриве, немного выше сору — *плохи*.

Манья (маленькая речка) — остяцкое название; течет из Уральских гор.

Версты 3—4 выше ее устья, на правом берегу, в $\frac{3}{4}$ версты от берега, на одном из увалов, среди хвойного леса, остяки (2) указали нам месторождения красной

* Лутчиха — самка лутка (порода диких уток).

** Тиски — берестяные сшитые полотнища.

Видел селезнюху.

и желтой охры. Она находится на НЕЕ склоне увала, под топким бруснично-моховым покровом. Слой находится в орштейновых* отложениях и незначителен: 1–2 вершка толщиной; под ним — белый песок, отчасти — подзол. Почва и подпочва — талые; вершина увала — мерзлый торфяник.

Заметив место, к которому ведет хорошо проторенная тропа, начавшаяся от маленькой разрушившейся от времени промысловой избушки, отмеченная по некоторым затесам на деревьях красной охрой и пересекающая 2 незначительной глубины лога, мы отправились к стоянке и расположились на ночлег. Был уже 3 час ночи, но светло; мало комаров. Заснули на солнцевходе.

Утро ясное, тихое.

11 июля — пятница

Утром — на месте краски. Взяли 2 почвенных образца и несколько образцов в мешочки. На местонахождении краски — срубленные деревья и вывороченные корни: это местные жители, собирая краску, выворачивают корни: по их направлению — более толстые слои.

Пробовали промывать песок с русла реки, с берега, из ямы, на глубине полоторых аршин,

на месте красок, но промывка ничего не дала.

В 8 часов — были в юртах Ясонт, где захватили купленный еще вчера тес, отправились в Саран-Пауль.

В Ляпине — более быстрое течение, чем в низовьях Маньи. Вода слегка стала прибывать; полуясно, тепло.

Пароход уже ушел: прибывшая вода освободила перекаст для прохода баржи.

Ночь — тихая, ясная.

Ширина Маньи против «краски» — саж. 20–25.

12 июля — суббота

Утро ясное; легкий S ветер; жар (24 днем).

После полудня уехал в остяцкой, колыданной, лодке на противоположную сторону Ляпина, на сенокосные участки, собирать растения.

Теплый (жар.) летний день, чистая, на всем протяжении через реку видно дно, быстрая вода; тишина, нарушаемая криками купающихся по обе стороны реки зырянских детей.

Песок был шириною саженьей 10; далее начиналось поросшее невысоким хвощом, с кой-где проросшими купальниками, пространство, за которым тонкой порослью тянулся невысокий, обрезанный (зыряне срезают верхинки на корм коровам) тальник; за ним — яр, до 2 аршин

* *Орштейн* — горизонт подзолистых и дерново-подзолистых почв, обогащенный соединениями железа, алюминия и марганца.

высотой — и сорово-луговое пространство саженей на 10–15– 50 вглубь берега, за которым — хвойно-лиственный лес.

Место — сухое, крепкое, покрытое густою травой, невысокою, вперемежку с цветами. Покосы тянутся параллельно реке, вдаваясь в лес и достигая в этом месте значительной ширины; местами их прорезывают также заросшие травой ложбины. Кой-где остались громадные, раскидистые березы — признак когда-то росшего здесь леса, расчищенного под сенокосные участки.

Среди травы — масса полевого чаю; встречается дикий лук, много одуванчиков; пырей, ближе к лесу, к болотам и небольшим озерам — осоки.

Лес, который примыкает к покосам, состоит из ели, березы, кедров, пихты, черемухи; краем — смородина, шипишник и др. лиственные деревья, густо увитые диким хмелем; встречается малина.

Местами на сору есть холмы, напр., холм, на котором была Ляпинская крепость.

В лесу — болота-озера, густо заросшие по краям осокой. Я собрал более 50 листов и вернулся в селение.

Сегодня — Петров день, и зыряне празднуют. То и дело за реку переправляются лодки, наполненные преимущественно ребятами и женщинами, отдельно от ребят: за рекой купаются.

В селении расхаживают нарядные; кой-где слышны песни, в городки и мячик играют ребята; зырянские дети при игре сильно ругаются по-русски и по-зырянски; ругань при разговоре часто слышна и среди взрослого населения.

Вечером привели готовую лодку-каюк. Завтра — в путь.

Приходил урядник и сообщил, что из-за Урала сюда опять направляется партия беженцев, человек в 10.

Ночь — тихая, ясная; на небе — полный месяц; хорошо виден Урал, испещренный снегами: вода в реке прибывает: за два дня прибыло около 2 четвертей.

13 июля — воскресенье

Ночь тихая, ясная, прохладная; с утра — ясно. Начала сбывать вода. Близ с. Щекурьи и далее, к предгорьям Урала — два пожарища.

После полудня пришел пароходик «Сартынья». На нем

Предполагали, что отряд отрезан от других путей и должен был пойти этим путем.

приехал участковый начальник милиции Овсянкин. В Березове была получена от управляющего губернией Пигнатти телеграмма, что со станции Чузовской, из-за Урала, на Ляпин направляется отряд в 600 человек без провианта и денег; необходимо выслать навстречу ему провиант и проводников. Поехал Овсянкин.

В Саран-Пауль из-за Урала ведут два пути: Сибиряковский и Оро-

Отряд под командою Атавина; были тоболяки, напр., К.Полюянов.

нецкий; предположили, что отряд должен пойти по Сибиряковской дороге, и на собранном сходе решили отправить по этой дороге, с Овсянкиным и проводниками, первый отряд в 3–4 человека, с частью провианта; следом за ним, на другой день — другой; готовили сухари.

Вечером готова была и наша лодка; завтра в путь на Сёртын, правый приток Щекурьи, до аммонитов*.

Вечером я лег спать в лодке; на реке плавала гагара; я вышел, подкрался, когда ныряла, и застрелил.

Ночь — тихая, ясная.

14 июля — понедельник

Ночью пришел передовой отряд. Они пришли по дороге с Оронца. В Березов ночью же был послан нарочный за парохом (отряд следовал на Березов). Пришли (весь отряд) лишь 200 чел; остальные, зы-

Утром купил у остяка за 3 руб. аршинную щуку.

ряне, не пошли и не отпускали этот отряд, состоящий исключительно из русских; зыряне были большинство местные, Троице-Печерск; они решили защищаться до последней возможности, если сюда наступят большевики.

Утром пришли и остальные из отряда, уставшие, измученные, но веселые. Шли 16 дней; недостатку в провианте и в др., напр., табаке, не было. В отряде — до 40 лошадей, много проводников-зырян.

Мы пригласили к себе двух офицеров (Смирнова, др. не помню), напоили чаем и угостили вином, да еще и на отряд *четверть*, чему все несказанно были рады. Офицер угостил нас папиросами, дал папиросной бумаги и $\frac{1}{4}$ хорошего табаку.

По их сведениям, дела на фронте направляются. Приказ об отступлении им был отдан уже давно; не было необходимости отступать, но приходилось повиноваться.

Из-за Урала сюда двигаются беженцы. Они встретили одну семью: распухшие ноги и недостаток провизии задержали их; они живут около павшей и протухшей лошади, которую варят и едят.

После полудня отправились в путь. До устья Щекурьи (правый приток Ляпина) от Саран-Пауля — версты 2 $\frac{1}{2}$ мы проехали парохом. Подул средний Е ветер; Щекурья — шириною саженой 50; берега поросли смешанным лесом; резко выраженные берега: яр — противоположный — песок. По берегам — по-

* Речь идет об окаменелых раковинах ископаемых головоногих моллюсков.

Выше яров — до сажени; кой-где подходит не-
высокий, до 3–4 саж., материк.

косы. Ложе и пески усеяны галь-
кою; встречаются аршинные в
диаметре валуны.

Немного ниже с. Щекуринс-
кого (5 верст от Саран-Пауля, на
левом берегу, с берега не видно)
— перекаат: едва протолкались на
веслах, с помощью бичевки*.

Вскоре выехали в Сёртыню, и
тут начались наши мучения: что
ни поворот, то перекаат; тянут би-
чевой, тянем и мы, вы-
лезли в воду за исклю-
чением Низковского,
который лежит, как бобер, и едва
проезжаем; немного ходу бичевой
— и опять перекаат, опять лезем в
воду, ухаем, тянем — и протяги-
ваем.

Вода очень мелка. По берегам
преобладает смешанный лес.
Русло — саженой 50–80 шири-
ною, сейчас — саженой 30–40
и уже. Берега и самое русло —
сплошь усеяны галькой с валу-

Низковский убил тетерю-копалуху, которую
нашла его остяцкая, взятая из Саран-Па-
уля, собака.

нами, покрытыми мхами, тя-
нувшимися по течению, и ли-
шайями; по берегам — покосы с
остожьями; в одном месте — на
левом берегу — баня: здесь па-
рятся косящие сено зыряне.

В одном месте, в яру, на пра-
вом берегу, тонкий, до $\frac{1}{4}$ ар-

шина, прослой желтой
охры.

Хвойный и др. лес
по берегам дровяной; кой-где —
полустроевой, встречается ли-
ственница, березовые гривки.

К вечеру — проехали по реке
лишь верст 15, на остановке, в
левом берегу, на озерах, я убил
чирушку и 2 чернетей; встре-
чал довольно взрослых утят во-
строхвоста, пролетывают кро-
хали и гагары; летают вороны.

Ночь — тихая, ясная.

Мхи на камнях достигают до аршина длины.

15 июля — вторник

Проснулись часам к 10. Жар-
ко; легкий Е.

Отправились часов в 12.
Опять перекааты, опять лезем в
воду и тянем каюк. В некото-
рых местах довольно быстрое
течение, до сажени глубиною
ямы ниже перекаатов; чистая,
прозрачная вода; отчетливо ви-
ден каждый камень, трав-
ка, лишайник. Колеблют-
ся, развеваемые течени-
ем, бороды (мхи) камней,
за которыми насыпан
крупный песок, мелкая галь-
ка; цветут мелкие водяные цве-
ты, белые, с желтыми тычин-
ками внутри.

Верст за пять до материка —
мнее перекаатов, и встречаемые
мы проходили почти свободно.
Дорогою встретили крохалей. Я

* Бичевка (бичева, бечева, бечевник) — береговая полоса, обнажающаяся после спада воды, по которой удобно тянуть при помощи бичевы (каната) суда вверх по реке.

кинулся за ними в колыданке, но не мог догнать: они (молодые и матка) быстро уносились вниз по течению.

Встречаются заброшенные плохи; часты загороди остожий: здесь покосы жителей с. Щекуринского: до Щекурьи нет и 10 верст, по прямому направлению.

Река идет короткими, саженой по 200, плесами.

Вечером — достигли правобережного материка.

Пред нами — гладкие и глубокие плесы, с крупными камнями по руслу. По берегам рабочие, идя бичевою, находили *селениты** от 1 до 2 вершков длиною, в $\frac{1}{2}$ вершка в диаметре.

Остановились ночевать на левом берегу, близ верхнего окончания материка, у переката, на каменистом песке, саженой в 10 от воды, близ места стоянки *Иловайского*. Н.П.Вакуев, который ездил с Иловайским, показал нам место его стоянки: оно покрыто крупными и мелкими валунами, тогда же, по словам Вакуева, здесь было травянистое пространство; так что они даже для стоянки выкосили траву. У стоянки — невысокая смешанная грива, со значительными листовницами и тонкими соснами, краем растут цветы, в глубине — мох, брусничник.

По берегам на выходах песка следы недавно бродивших здесь

олений, домашних, отставших от стад.

Бродя ночью по берегу, я нашел несколько селенитов.

Ночь ясная, прохладная, полный месяц.

Я лежу в пологе, шумит перекат.

Масса лошадиного овода, паутов, по берегам встречаются лягушки; змей здесь нет.

16 июля — среда

Утро — жаркое. Мой полог раскинут на чистом месте — печет. Вдруг закричал Виктор: «Олень! Олень!». Я выскочил из полога. По противоположной стороне, пробираясь между камнями у основания горы, шел домашний олень: на шее его висел деревянный обод. Низковский послал Виктора в каюк за винтовкой, я же схватил свою двустволку, вложил патрон с пулей и пошел по берегу параллельно оленю. Он шел вверх по течению. Стрелять я не решался: у меня был лишь один пулевой патрон. Дойдя до поворота реки, олень заметил меня и стал взбираться в гору. Я выстрелил — и мимо. Олень быстро взобрался — и ушел. Я вернулся и оделся. Через полчаса — опять показался олень: он прошел гребнем горы и опять шел по берегу, направляясь вверх по течению...

Я взял у Низковского его японскую винтовку, нацелил-

* Вероятно, речь идет о белемнитах — окаменелых раковинах еще одного вида ископаемых головоногих моллюсков.

ся и выстрелил. Олень повернулся и побежал назад. Вдогонку ему я пустил еще две пули, но олень бежал.

Я забежал наперерез по лесу и опять выпустил в него последний патрон. Олень повернулся и пошел мелкими шажками обратно. Без патронов я пошел назад, но навстречу мне бежал Виктор и нес обойму с 5 патронами. Выпустив еще 4 патрона, я лишь последним свалил оленя: еще не применился к винтовке.

Зыряне поехали в остяцкой лодке и привезли оленя: это был большой, жирный бык. Из 9 выстрелов я тремя попал в него: один в хребет, один пробил легкий и лишь последний, в шею, был смертельным.

Зыряне быстро ободрали его. Голову, покрытую черною шерстью, с рогами, мы решили сохранить на чучело, шкура, по обычаю, должна была пойти хозяину оленя, мясо же — часть повесили вялить (ребра), часть положили в брезент, в выкопанной в лесу яме, часть стали варить. Зыряне лакомились свежими печенками и хрящами.

После обеда — поехали к горе — исследовать местонахождение аммонитов и раковин и селенитов. Иванов и один из зырян, Репин, хворают головной болью и животом и лежат в полах.

Гора, в которой в три ряда расположены конгреции*, длиной 1-я до 300 саженей, высотой 15 саженей, состоит из глины, со значительной примесью песка; вершина — лес: лиственница, береза, ель и др. Конгреции, начинаясь от верховья ее, слегка понижаются по течению.

Первый ряд камней, расположенных на расстоянии то нескольких аршин, то нескольких десятков сажен один от другого, находится от уровня воды на высоте: 2 саженей, второй — 6 саженей, третий — 10 саженей. Подножие горы усеяно такими же камнями, заполняющими и берег и ложе реки и одиночно выходя на противоположный, песчаный берег, распространяясь вверх по течению и выше окончания горы.

12-фунтовой кувалдой мы *довольно легко* разбивали на неправильные слои большие, до 1–1,5 аршин в диаметре, продолговатые, до 2-х и более аршин, камни и в каждом, то одиночно, то часто — встречались раковины, мелкие аммониты, селениты и куски окаменелого дерева. К вечеру разбили до 5 камней, не считая мелких, из нижнего и верхнего слоев.

Аммониты, мелкие и до 2-х четвертей в диаметре, встречаются и в реке, и у подножия горы; много селенитов, часто попадаются куски окаменелого дерева.

* Конгреции — правильно — конкреции: минеральные образования в осадочных горных породах. Представляют собой куски однородных или различных минералов, чаще всего округлой формы, отличающиеся от окружающей породы. Образуются вокруг ископаемых раковин, костей, остатков растений.

Днем — сильная жара*, с легким Е ветром; ясно. Масса конского паута, нестерпимо жалающего, но мало комаров, и, о чудо! свободно можно сидеть в лесу, куда лишь завертывают пауты.

Вода теплая. Зыряне выкопали в лесу полуаршинную яму, до мерзлоты, поставили туда чайник с водой; вода охладилась.

К вечеру поправился Иванов, но Репин хворает.

Ночь тихая, ясная, прохладная, светлая.

17 июля — четверг

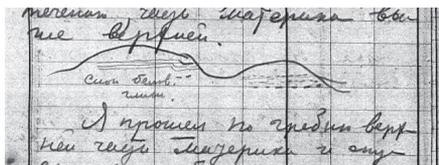
Утро ясное, легкий Е, жар. К вечеру с Урала надвигались тучи, слышался отдаленный гром, но к ночи тучи рассеялись. Ночь тихая, прохладная; поднялись мошки и нестерпимо кусают на берегу, в глубине же леса — по-прежнему нет гнуса.

Весь день провели в приготовлении ящичков и в упаковывании добытых из камней и найденных на берегу окаменелостей, из которых замечательны несколько аммонитов до 2-х четвертей в диаметре.

В одном из камней нижнего слоя нашли окаменелый ствол дерева, длиной 5 чет. 1 верш. и 1 чет. 1 верш. в диаметре.

В некоторых окаменевших деревьях хорошо сохранились прослойки серы. Куски окаменелого дерева я находил в глине средних и верхних слоев горы.

Мы исследовали лишь верхнюю, по течению, гору: этот выход материка на Сёртынне разделяет на две части поросшая таким же лесом долина, в половину высоты горы глубиною; нижняя, по течению, часть материка выше верхней.

Схематический рисунок (Л. 39 об.), указывающий на наличие слоя белов. глины.

Я прошел по гребню верхней части материка и спустился на берег одним из неглубоких оврагов. Когда-то на горе рос могучий лиственничный лес, уничтоженный давнишним пожаром: обгорелые, вывороченные корневища, гниющие стволы свидетельствуют об этом. Сейчас гора покрыта смешанным лесом, с преобладанием молодого, саженей до 2–3 высоты, листвяка.

В гриве по левую сторону Сёртынне часто встречаются значительные лиственницы: до 1^{1/2} аршина в диаметре, у корня, и саженей до 7–8 высоту, частые, на протяжении 3–5 саженей; сосняк — тонкий.

Грива — довольно густая, так что растущие в ней береза и рябина высоки, но тонки.

Я сплю, под пологом, в гриве, во избежание того, что ут-

* +32° — +33°

Для Тобольского губернского музея я запаковал целый ящик окаменелостей.

ром на открытом месте невозможна печет солнце, сплю под сенью елей и громадных лиственниц. Шумит порог.

18 июля — пятница

Утро жаркое; легкий SW; солнце в тумане; к полудню — громыхивает гром из набегавших со стороны Урала туч; после полудня, во время пути, накрапывал дождик.

Низковский поехал к горе упаковывать окаменелости, я же — собираю растения.

Еще одна схема (Л. 40 об.).

Часа в 2 отправились в обратный путь. Опять пороги, опять в воду и таскание лодки, хотя и более легкое, потому что спуск вниз по течению. Дорогою застрелил (в смешанном лесу правого берега) копалуху и одного, уже взрослого, тетеренка, двух тут же застрелил Иванов; встречали гагару с гагарятами, гоголюшку с гоголятами; пролетал коршун, роньжа.

Встречаются небольшие березовые гривки, довольно мощные кедры и ли-

ственницы, гривки из тонкого сосняка.

Ближе к Щекуре — уже косят, мечут стожарья; сено хорошее.

Покосы — по берегам и незначительны; кой-где косят по болотам. Чистых, не покрытых галькою, песчаных берегов — не встречается.

При устье Сёртынья — Щекуры почти обмелела: едва можно протачиться в остяцкой лодке. От устья Сёртыньи — по Щекуре — песчаные берега и пески; хорошие покосы.

Часу в первом ночи приехали в Саран-Пауль. Солдаты еще не уехали; ждут парохода.

Ночь — тихая, прохладная. Переодевшись в сухое, лег опять в каюке, растянув полог.

19 июля — суббота

Сидим в селе и отдыхаем. Приобретаем двух лошадей для путешествия в горы, под поклажу.

Дует холодный NW, довольно сильный; ночь — холодная (+5), нет комаров; легкий ветер.

20 июля — воскресенье

Холодный NW; к ночи немного стих. День полуюсный. На днях думаем отправляться по Ляпину, до озера, а с него в

По Ляпину совершенно нет змей.

гору. Ночь — холодная. Вчера слегка прибывала вода, но сегодня опять убывает.

Дует NW.

21 июля — понедельник

Завтра отправляемся. У щекуринского крестьянина купили серую кобылу за 1000 руб. Вчера наняли у печорского крестьянина двух лошадей, 15 руб. в день за пару; сегодня наши рабочие ходили ловить их (хозяин болен ногами), поймали одну; когда привели, хозяин стал требовать прибавки: по 10 руб. в день; не взяли: кажется, хотят уступить лошадь в отряд, куда (в штаб) вечером и отправился Низковский, хлопотать.

День холодный, холодный и вечер. Иванов отказался ехать по Ляпину: по-видимому, его испугала предыдущая поездка по порогам; он отправляется домой, когда придет пароход за солдатами.

Отношение местного зырянского населения к отряду — чисто грабительское: дерут втридорога за всякую малость: были случаи, что за банный веник брали по рублю; молоко достают с трудом, несмотря на то, что отряд дисциплинирован, солдаты вежливы.

Кой-где начались кражи: укрывали малицу, несколько стареньких бахил (обувь), но кражи крайне подозрительные: подозревают солдат, но на той квартире, где совершались кражи, стоят состоятельные солдаты.

Вечером заходили Канцельмахер и еще несколько офицеров: все из пулеметной роты. Разговаривали долго.

Ночью стих ветер; немного потеплело, но к утру опять холодно.

22 июля — вторник

Почти целый день провозились с ковкою лошадей. Утро ясное, день — полuyaсный, хо-

За другую рыжую кобылу, очень бойкую, заплатили также 1000 р. и бутылку спирта.

лодно. К вечеру — стихло, кругом на горизонте — тучи.

Завтра выезжаем в Ляпин.

Отряд все еще дожидается парохода. В Березов поехали, за пароходом, помощник командира полка, капитан Полуянов и прапорщик Шерман; с ними — двое солдат.

Получились сведения из-за Урала, что на подкрепление оставшихся в Троице-Печерске пришел отряд архангельцев.

23 июля — среда

Сегодня, часов в 9 утра, отправились по Ляпину. Я, Низковский, его племянник и трое рабочих. С нами две лошади, которых мы переправили вплавь за каюком на левый берег Ляпина. Дует сильный холодный NW, полuyaсно-ясно. Одна из лошадей тянет бичевой, и настолько сильно, что порою наш каюк черпает бортом. Тогда мы кричим благим

Дорогою, на озере, убил матку-соксуниху и чирушку. Утята у них уже довольно взрослые..

Хатанев, нанялся по 15 р. в день ехать с нами и указывать до-

рогу до самого озера.
Едем.
Я до самого вечера шел по берегу и охотился. Погода теплая, легкий, доходящий иногда до среднего, SW отгонял комаров.

Ляпин шириною саж. до 50, течение быстрое; ложе — песок, покрытый галькою и валунами; нет резко выраженных яров: они отлого сбегают в реку и покрыты травой; тут покосы.

Глубина реки значительна: наша лодка, до 3 чет. осадкою, проходила свободно, лишь кой-где черкая по камням.

По берегам — смешанные леса: грива невысокой листвен-

ницы, березовые гривки, только, вперемежку с ольхой; где подойдет моховой бор, с незначительным количеством ягеля, невысокие сосны, по краям — ели; встречаются довольно мощные кедры, с массою шишек.

Лес в общем дровяной, среди которого, однако ж, не редкость и строевые деревья.
Часто встречаются следы пожаров, уже давнишних.
По берегам масса дикого лука, отдельные участки пшеницы.
Вглубь леса — полусухие болота, покрытые то сплошною густою осокой, то — заболоченные мхи.

В лесах уже зеленые ягоды смородины; поспела моршкочка; зеленая брусника.

Вода слегка сбывает. К вечеру ветер стих, стало теплее; небо обложено тучами. Ночь прохладная. Еще светло. Можно свободно читать. Я показываю Виктору, как вести метеорологические наблюдения.

24 июля — четверг

Утро — полуморочное, теплое, тихо. После чаю Низковский с рабочими пошли в юрты Ясонт расспросить у остяков путь на озеро. Я собираю растения. Остяк из юрт, Семен Максимов

Застрелил 4 тетеревят, одного рябчика и двух чирушек и 1 тетерею, копалуху-матку.

Ясно бросается по берегам: на левобережной опушке преобладает бе-

резняк, на правобережной — хвойный лес, часто без всякой опушки: правый берег обращен на N и NE, тогда как левый — на S и SW: он находится под защитой от северных холодных ветров.

Среди травы береговых лугов масса ядовитых растений (из которых Иванов приготовляет яды).

От юрт Ясонтских в этот день отъехали верст 20; берега везде доступны для конского бичевника.

По борам — слопы. Часто встречаются выводки тетеря. У нас каждый день свежая дичь.

Остановились ночевать на левом берегу, на покосе.

Ночь холодная, ясная.

25 июля — пятница

Утро — ясное; к полудню небо затянулось тучами с N; тепло, но начался сеногной*, и к 12 часам, когда мы отправились, крупный сеногной шел уже всюю! Идем бичевой по левому берегу Ляпина.

Начали встречаться материка, невысокими, саженной до 10, увалами, густо покрытыми смешанным хвойным лесом (лиственница, ель, сосна, кедр), подходящими к реке то с одной, то с другой стороны, отходящими

Нет совершенно паутов; вечером и ночью — нет комаров; ночь — темная: кой-где видны звезды.

вглубь и опять подходящими. Лес — полустроевой (4–5 в.).

По реке, на мысах, встречаются перекаты с громадными валунами, быстрым течением, но легко проходимые, благодаря глубине.

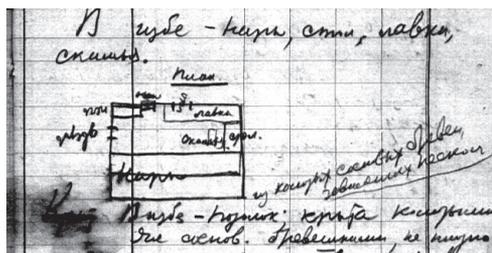
Дождь то утихает, то опять идет.

Часов в 6 над нами пред промысловой избушкой, на левом берегу реки, на увале, саженной до 3-х высотой (Агафон Григорьевич Сметанин: его сыновья строили эту избушку), прошла гроза средней силы.

Рабочие вымокли. Часов в 7 остановились ночевать в этой промысловой избушке.

Изба сосновая, квадратной формы (1 1/2 саж. × 1 1/2 саж.), 2 1/2 арш. высотой, с одним небольшим окном, со стеклянной рамой, небольшой дверью и железной печью.

В избе — нары, стол, лавка, скамья.

План избушки (Л. 47.)

* Сеногной — частый и очень мелкий дождик.

Наша остяцкая собака Белек нашел тетеревенка и принялась его кушать; я подоспел и отбил, отдав ей в награду за находку головы и остальных тетеревят.

В избе — потолок из колотых сосновых бревен, заваленных песком; крыта колотыми же сосновыми бревешками; над дверью — навес из колотых же сosenок.

Близ избы — небольшой, кубической формы (2,5х2,5 ар.) амбарчик, стоящий прямо на земле.

В избе, на небольшой полочке, керосиновая лампа, с керосином и коробкою со спичками около: это на тот случай, если кто заблудится, то может обогреться.

Сюда приезжают осеновать охотники-зыряне, промышленяющие преимущественно белку. Одновременно с охотой они промышленяют и рыбу.

В зимнее время изба часто посещается оленщиками, живущими здесь, по Ляпину, весь зимний период: они обогреваются в ней.

Уснули далеко за полночь: рассказывали сказки про богатого и бедного брата, про московских жуликов. Рассказывали сначала по-русски, потом Вакуев завел длинную-предлинную сказку про Ивана, русского солдата; рассказывал по-зырянски, так что я ничего не понял.

Ночь — полутуманная, слегка моросит дождичек.

Покосы по Ляпину, выше юрт Ясонг, принадлежат остякам юрт Ясонских, частью коротымятся зырянами.

26 июля — суббота

Утро морочное, легкий NW; нет комаров.

После чаю я пошел вперед, чтобы застрелить кого-нибудь к обеду. Со мною пошли две наши собаки: Белек и Дэзи. Спугнул в разных местах 5 штук косачей, но стрелять не приходилось: взлетывали в лесу и исчезали в чаще.

Краем берега убил 3 вострохвостов: матуху и двух уток, уже на взлете.

Во втором плесе каюк догнал меня: лошадь быстро шла бичевой.

Каюк стал огибать небольшой мысок, от которого начинался быстрый порог.

Смотри, кричат; лошадь тянула быстро, каюк же повернулся боком, и бичева, привязанная за мачту, кренила его.

Несмотря на усилия, сидевший на серой кобыле Витязев не мог остановить ее. Еще мгновение — и каюк был залит водой.

Смотрю, поплыли чайники, каюк погружается. Низковский перерезал бичевку, — лошадь, все еще продолжавшая тянуть, вместе с Витязевым грянулась о камни.

Витязев каким-то образом оказался не придавленным: лошадь лежала.

Каюк снесло с порога и, погружившись до половины, он остановился среди реки. В двух остяцких лодках быст-

Видел табун крачек.

В нынешний год нет грибов: мало дождей. В др.,
дождливые годы грибов и груздей — обилие.

27 июля —
воскресенье

ро стали перевозить, что возможно, но все уже было подмочено.

Кой-чего быстро несло по течению. Остак кинулся к муке и успел поймать мешок, чайник, еще кой-что.

Каюк мы зацепили веревками за корму и потащили к берегу. Оп! Веревки лопнули, и мы — на камни врястяжку!

«Ебена-мать!» — скороговоркою ругается Вакуев и, охая, подымается. Зацепили опять и подтянули каюк к берегу. Подняли лошадь. Она встала и пошла есть траву. Быстро вычерпали воду, вытаскали багаж и стали раскладывать его по берегу. Почти все, не исключая и провизии, было мокро.

Наше счастье, что не было дождя. Развешанное, все быстро сушилось: дул средней силы NW.

Утопили котел, чайник, крышки от них! Долго бороздили реку в лодочках, нашли крышки, но чайника и котла не было.

До вечера еще все окончательно не высохло. Стал накрапывать дождь. Сложили что в лодку, что в палатки.

Я пошел по берегу и застрелил чирушку. Сварили уток.

Вечером накрапывает дождь, морочно, ветер, холодно.

Всю ночь шел дождь, то слегка затихая, то переходя в крупный.

Утром — дождь. Мы сидим в палатках. Предпринять что-либо по сушке хлеба не было возможности.

Весь день небо было обложено тучами. К вечеру мы с рабочими устроили шалаш из брезентов, с навесом пред ним; под навесом устроили, на высоте 1,5 аршин над землей, «лимез»* из ботанических сеток и стали сушить сухари. Сохли они удовлетворительно.

Низковский спал. Когда началась сушка, пришел.

Мое внимание обратило следующее: палатки мы растянули на сухих камнях; поверх камней положили брезенты и устроили себе постели; палатки, сделанные из хорошего брезента, не пропускали дождя, — камни под нашими постелями наутро оказались отсыревшими; по-видимому, слой воды подымается по ним, проводниками чему служат поры камня.

Вечером, когда стало темнеть, на NW стало выяснивать; с наступлением темноты перестал дождь.

Я спал в кыласе**, и спал хорошо. Ночь полусная, холодная. Комаров и мошек нет.

* Лимез — хантыйское приспособление для сушки рыбы, мяса.

** Кылас — охотничий навес для ночлега.

28 июля — понедельник

Утро ясное, тихое, солнечное. Низковский поднял нас рано. Его поведение начинает бесить: выспавшись днем, он встает рано, днем опять спит — и ничего не делает по вопросу об исследовании края.

Напившись чаю, взялись за сушку всего. Все было разложено на камнях, развешено. С N дует средней силы ветер и хорошо сушит.

Мы с Артеевым поехали промышлять: нечего было есть; он взял сети, я — ружье. Остяк рассказал нам о местонахождении карасьевого озера, верстах в 2-х от нашей стоянки. Мы поехали в остяцкой лодке. Скоро нашли озеро. Артеев стал ставить сети, я же стрелял уток, молодых, которых было порядочно на озере; но отсыревший* порох давал плохие выстрелы; с грехом пополам я убил 6: 3-х вострохвостов и 3-х чирят; один молодой луток запутался в сети Артеева.

Караси ловились хорошо. Обошедши озерко, я сел к Артееву в лодку. В течение 1 часа поймали до 30–40 средних размеров карасей в 2-х сетях, находящихся друг от друга на расстоянии 20 саженой. Мы переезжали от сетки к сетке — караси путались.

Насекомых начал собирать с 30 июля (н. ст.).

Решив, что добычи достаточно, мы оставили сети стоять, вытащили лодку на берег, а сами пешком с добычей ушли к месту стоянки.

Здесь наши уже перетаскались на яр: со вчерашним ливнем вода прибыла до 2 аршин; вода еще прибывала, а берега топило. Прибывающая вода была *мутного цвета*.

К вечеру я собрал 16 листов мхов и лишаяв. Мхи и лишай далее вглубь леса сами заполняют деревья, начиная от корня и распространяясь к вершине. Ветви, покрытые лишаями, лишены хвои, хотя еще и сырые. Встречаются деревья, сплошь покрытые лишаями и постепенно замирающие.

Встретили глухаря; он вспорхнул, сел на ель, потом перелетел на другую сторону.

Более развитый лес — по берегам реки; вглубь — наткнулся на болото с гнилою растительностью, редко, замшелю. На увалах — растительность стает еще реже, но богаче: северный бор.

Ночь холодная (-2°), ясная, совершенно нет комаров.

29 июля — вторник

Утро — ясное, с SE ветром. Сложились и в 12 с половиной часов отправились, переплыв лошадей на противоположный, правый, берег Ляпина.

* Подмокший и плохо просушенный. — (Прим. автора дневника).

По берегам — масса тетерь и куропаток; часты выводки уток: вострохвост, чирок, крохаль, изредка — турпан. Низковский убил глухаря.

С лошадьми нам мучение: встречаются речки: приходится или переплывать, или обводить глубиною леса.

Вода начала слегка сбывать, поднявшись аршина на 2,5. Она мутного цвета; сбывает — за ночь было около четверти (12 час.).

Часа 4 нас опять задержали лошади: одна из них, при переправе, завязла в ручье и легла. Едва вытащили.

Остановились ночевать против нижнего устья *Тохла-я* (по-остяцки), *Хальмер-ю** — по-зырянски (самоедские кладбища речка).

Это правобережный приток Ляпина, берущий начало с Е склона Урала, порожистый, осенью пересыхающий местами и впадающий в Ляпин тремя устьями, образующими два острова. Из устьев нижнее и среднее осенью пересыхают; свободным остается только верхнее. Эти три устья расположены на расстоянии около версты.

Ширина *Тохла-я* сажень 20–30. Берега покрыты смешанным лесом; береза, тал, ольха, лиственница, черемуха, сосна на борах вместе с лиственницей и елями.

Видали орлана.

Недалеко от нижнего устья, на правом берегу *Тохла-я*, есть старая охотничья изба.

Противоположный, против устья *Тохла-я*, берег, на котором мы остановились, представляет материк с полуилистым, с галькою, склоном-покосом спускающийся к реке.

Ночь — ясная, холодная; кой-где видны звезды.

30 июля — среда

Утром слегка накрапывал дождь; полужасная, с легким NW ветром, погодка, теплая.

Часов в 11 выехали и, благодаря удобным для бичевника берегам, ходко пошли бичевою по левому берегу.

С обеих сторон иногда подходят возвышенности, до 4 сажень: боровые (сосна, лиственница, кедр) берега.

После полудня проехали устье левобережного притока *Сак-оур-я*** (по-остяцки) — высокие (название дано благодаря крутым берегам) берега; берет начало с болот, разветвляется выше на две реки, одна из которых идет вправо, по направлению к Уралу, другая — влево; глубокая, с темною таежною водою.

По этой речке, недалеко от устья, есть следы (ямы) зем-

* *Хальмер-ю* — двуязычный гидроним: хальмер — в переводе с ненецкого «покойник», так же называли могилы и кладбища; ю — по-коми-зырянски — «река». Отсюда: Хальмер-ю — кладбищенская река, река покойников.

** Из Ляпина выпадающая речка; по-зырянски — Ни-я-ю (лиственничная). — (Прим. автора дневника).

лянок прежде жившего здесь народа.

Течение — слабое.

Течение самого Ляпина выше устьев

Тохла-я стает медленнее: главную массу воды, увеличивающую скорость течения, ему дает Тохла-я; по реке — <...> порог, да и те немногие, которые встречаются, легкоходимы.

Изменяется и характер берегов: встречаются резко выраженные яры; берега покрыты илом, с отсутствием гальки, хотя мысы с галькою и встречаются; на одном мысу — как редкость, песок, сажений до 10 в длину и до 1,5 сажений в высоту.

По этим илистым берегам преобладающей является листовая растительность: ива, береза, тал и др.

После полудня то и дело накрапывал дождь; к вечеру он перешел в «сеногной»; погода теплая.

Остановились ночевать на левом берегу реки, в листовичном бору. Масса белого мха.

Когда мы отправлялись из Саран-Пауля,

то нам говорили, что по Ляпину — масса оленей и медведей: еще ни одного не видели, только сегодня видели свежий след медведя, вероятно, убежавшего, почуяв нас.

31 июля — четверг

Морочное дождливое утро; средней силы NW.

Я ночевал под развесистой елью, в пологу, закрывши его

Масса тетерь, куропаток.

сверху брезентовым парусом. Но эти предосторож-

ности были излишни: раскидистые и густые ветви ели хорошо защищали от дождя; под елью было сухо. Нет комаров.

С лошадьми — опять недоразумения: одна из них, чалая кобыла, вязнет почти в каждом ручье; случается, что та или другая летит вместе со всадником под яр, перевертывается, шлепается в воду и — если это кобылчалка, то лежит, если рыжка — перевертывается в воде, фыркает и быстро взбирается на берег.

Каким-то чудом наши всадники успевали вовремя увертываться и отделяться легкими ушибами.

Сегодня чалая кобыла завалилась вверх ногами в узком и глубоком ручье. Бились с ней около часу и едва вытащили; пришлось решать, что же делать с ней: она перевернула на поро-

Покосы по берегам — лишь до устья Верхней Томси, далее — заросшие раkitником овалитые яры..

ге наш каюк, она часами почти каждый день задерживает нас, благодаря чему мы теряем много дорогого для нас времени.

Низковский сдуру накиннулся на рабочих, что они присоветовали ему взять лошадей, но, напротив, рабочие и говорили, что с лошадьми намаемся; указывал ему на это и я — все было

Низковский убил глухаря.

бесполезно: «Я путешествовал в Туркестане, и там даже по ледникам ходили с лошадьми».

Лошадей
взяли — и вот
результат.

Опять едят комары.

В результате Низковский решил вернуться обратно: «Что мы поедем на озеро: там мало интересного; лучше вернемся в Саран-Пауль и дорогою на Оронец попадем в горы».

Едва пришлось уломать его, указывая, что проехали уже более половины; оставить чалую кобылу и с одной кобылой продолжать дальнейший путь.

Согласился.

Кобылу оставили, привязав ей на челку дощечку с надписью «доставить в Саран-Пауль! Событийность экспедиции на Северный Урал».

Поехали вперед; кобыла осталась ходить на берегу и ждать нашего возвращения.

Убил глухаря; поймал руками молодого лебедя, ниже устья Верхней Томсеи.

Все время идет мелкий «сенюгой». Кажется, вот-вот проветится тонкий морок и блеснет ясное небо, но так продолжалось до ночи.

Проехали правобережный приток, Нижнюю Томсею.

Остановились ночевать на ле-

вом берегу реки, в смешанном бору, в возвышенном берегу*.

Тихая, теплая, дождливая ночь. Я один сижу у костра. Вдали, в туманной мгле, на NW видны предгорья Урала.

1 августа — пятница

Утром то моросит дождь, то проглядывает солнце. Ходко движемся бичевниками левого берега. Проехали устье, а после полудня, к 7 часам вечера, миновали верхнее устье Томсею.

Температура воды в 1 час дня 10°.

С противоположного левого берега Ляпина хорошо видны Уральские горы, если смотреть на устье Томсеи...

После полудня перестал дождь. Река находится в берегах, покрытых по склонам и выше цепким ракитником и талом. Береговые гривы редки; часто преобладает лиственный (береза, ольха) лес.

Река шириною сажений 30–40. Берега илистые, лишь кой-где выходы покрытых галькою и валунами мысов.

Встречаются, по левому берегу, илистые пески. Берега реки часто изуродованы льдом, на высоте 1,5–2 сажени от настоящего уровня реки. По ним можно судить о высоте воды во время ледохода, по-видимому,

* Сажений в 2-х ниже остановки — в левом же берегу — пошли среди хвойного леса соровые берега речки.— (Прим. автора дневника).

она бывает не очень высока, до 2 сажений.

Снега в районе Ляпина неглубоки — 3–4, редко 5 четвертей.

После полудня хорошая погода.

Остановились ночевать на правом берегу ложка.

Река идет в крутых, илистых берегах; очень трудно ехать бичевой; местами идем на шестах и гребях. Течение среднее.

Ночь теплая, полуясная; темновато; видно, хотя не особенно ясно, звезды.

2 августа — суббота

Часов в 5 утра слегка накрапывал дождь; потом погода прояснилась — жаркий день.

С Урала движутся грозовые тучи: сухая гроза с изредка морозящим дождичком. Во всех сторонах грохочет гром; проглядывает солнце и опять скрывается за набегающими грозовыми облачками-тучами.

С левого берега, на расстоянии верст 2, $1\frac{1}{2}$ одно от другого два устья небольших речек Харва. У верхнего устья — зна-

Убил из японской винтовки тетерю, из ружья — тетерю и куропатку.

чительный порог. Между устьями, среди реки, остров крупной гальки.

Опять пошли удобные для бичевника берега, отлогие сенокосные места, покрытые травой. Здесь река сделала крутую

луку на S — и сразу открывается великолепный вид на предгорья Урала, покрытые лесом, за которыми отдельными остроконечными, кой-где, вершинами выступают голые высокие камни хребта.

По левому берегу идет сор, березовая грива, вытекает несколько устьев небольших речек, с резко выделяющимися среди березняка елями; по правому — смешанная грива, иззубренная елями.

По берегам то и дело вспархивали тетери и куропатки; реже — глухари.

Выше опять идут покрытые ракитником овалитые яры со смешанными стенами за ними.

Река здесь, в луке, сажений до 100 шириною, то чистая, то с валунами; ложе — песок с галькою и валунами, покрытыми мхами и «озерными елочками».

Берега опять неудобны для бичевника, река шириною сажень 40–50; течение — среднее.

Выше, по правому берегу, материковый, вышиною до 3 сажений, берег, покрытый невысокими лиственницами; левый — отлогий, чистый песок, редкость в этих местах.

Полуясная, тихая погода, тепло.

Ниже, по склону, материковый берег представляет отлогий, покрытый галькою, крупный песок, топкий: вязнет лошадь.

Видели на левом берегу гнездо орла, на вершине сухой лесины, и летающего около орла; на противоположной стороне собаки нашли полусъеденного, вероятно, орлом, глухаря.

деревья: по-видимому, весенний разлив достигает здесь значительной силы.

Ночь теплая, полуморочная.

Материковый берег изрыт ручьями, и, по-видимому, они наводняют почву.

По берегу, на мокрых выходах ручьев, растет пушица; это приходилось наблюдать на всем протяжении Ляпина.

Кончился яр по правому берегу, неширокое устье речки, далее — отмели, песок, с отходящей вглубь ракушечной растительностью и смешанными островками-гривами далее; противоположный правый берег — яр; река — саженой до 80 шириною;

среднее течение; в этом плесе предгорья

Убил под вечер старого ленного лебеда, которого выгнала с берега собака.

остались влево; река — круто повернула на NE.

Песок сильно отмел: глубина лишь у противоположного берега; идем на шестах. Далее — широкие и длинные плесы, неудобные для бичевника берега; идем на шестах.

Остановились ночевать на правом берегу, на небольшом, крутом, до 11 саженой в низовье, песке.

Песок, несмотря на свою высоту, сильно пропитан водою, вязок. Против — невысокий <...> сверху берег.

В гриве, которая идет по песку, сильно помяты льдом

3 августа — воскресенье

Теплое, ясное утро с кучевыми облаками. Видно, верстах в 3–4, влево предгорья Урала, то покрытые лесом, то испещренные плешинами: проводники говорят, что это местами голый камень, местами луга, мхи.

По правому берегу, в одном месте, недлинный, до 150 саженой, мощный, обрывистый торфяник, высотой саженой до 5. Ближе к предгорьям — чаще пески, по правому и левому берегам, до $\frac{1}{2}$

версты длиною, саженой 30–20 вглубь.

Выше по реке, за торфяниками, на правом же берегу — курья, с отличными покосными местами.

Противоположный, левый берег — яр, с идущим выше по течению отлогим, покрытым травой берегом, с прорезывающей крутоберегою речушкою.

Тут хорошие бичевники. Говорят, что здесь годами хорошо промышляют рыбу, но годами — приводят случаи, что промышляющие здесь остяки чуть не умерли голодной смертью.

Медведь-Я — из горы идущая река; ширина в устье до 2 саж., далее — широкая.

Близ песка бьются молодые халей.

Плеса здесь длинные, саженой до 50–80 шириною; слева — ясно видны предгорья, а местами и отдельные вершины Урала. Кончились удобные пески; опять идем на шестах; к вечеру доехали до устья Норк-я — из горы идущая река. Норк — Урал по-остяцки.

Устье широкое: саженой до 40. Глядеть с противоположной стороны на устье — хорошо видны Уральские горы и предгорья с каменистыми (щебень) плешинами.

Лес по берегам — мощнее, особенно кедровники, входящие кой-где до садовых.

Опять встретились пески по правому и левому берегам.

После полудня стал идти дождь из набегавших с Урала туч.

Остановились ночевать на левом берегу, в смешанной гриве. Много морошки, еще недозревшей. Но на открытых местах она уже перезрела.

Уток, за исключением кой-где встречаемых крохалей с утятами, не видно; мало встречали и тетерь, встречали куропаток и рябчиков; кой-где, близ устьев рек, кричат лесные кулички.

Ночь тихая, ясная, полутемная.

4 августа — понедельник

Ясное теплое утро. Часов в 11 отправились в дальней-

ший путь, идя конской бичевою по песку правого берега.

Есть комары, мошки и отчасти пауты.

Скоро проехали устье реки Ингэ-та, с левой стороны. Устье шириною саженой до 30; берега крутые, овалистые, по-видимому — это громадная река.

По этой реке прежде инородцы ездили в Мужы, на Обь, на реку Сынь. С этой реки есть на Сынь небольшой: «отдыхаешь один раз, когда перетаскиваешься» — волок. В настоящее время этот путь заброшен.

Ниже Ингэ-та — небольшая речка; ниже — открытое место, саженой 20–30 шириною: по-видимому, старинное русло реки.

Выше устья, по правому берегу, могучий, длиной саженой до 100, торфяник. За ним — по правому и левому берегам хорошие бичевники.

Но течение стало быстрее, часты камни; в одном месте — среди реки — остров крупной гальки. Часов в 5 на SW отдаленная гроза; позже — радуга.

Зыряне говорят, что если радуга стоит вдоль реки — будет дождливая погода, и обратно. Примета пока еще не оправдалась.

Опять остров крупной гальки среди реки, быстрое течение, удобны для бичевника берега —

Кедры по берегам — плодоносны, но шишки преобладают лишь на вершинах и ближе к ним.

Против Ингэ-та — песок; хорошо видны
от устья предгорья и хребт Урала.
По зырянски Ингэ-Та — <...>.

и мы быстро двигаемся вперед. Берега острова — гальки и валуны. Остров сажень до 150 длиной, не считая берегов.

Завтра — на *Елбын-Тор* — жертвенное остояцкое озеро.

Ложе реки — то песчаное, то — галька с валунами. Река — шириною сажень 50–70. По ложу реки масса, участками и гривами, цветущих водорослей (образцы см. с Сортыньи).

К вечеру шел часа полтора мелкий дождь; отдаленная гроза на SE.

Не доходя до покрытого смешанной растительностью (ель, береза, тал, кедр, ольха) острова среди реки, по правому берегу тянется сенокосный берег, с богатою травой; продолжение его — около версты; его прорезывает несколько речек.

Верхнее устье правой заостровки — мелко; ширина заостровки — сажень 25. Левая — глубокая и широкая — до 50 сажень. К верхнему концу острова* — порог.

Остановились ночевать на правом берегу заостровки, против мыса острова.

Ночь — тихая, теплая, склонно к дождю.

5 августа — вторник

Утро тихое, ясное; тепло (к 9 ч. свыше 20°); кучевые облака.

Идем широкими плесами, усеянными по ложу галькою. Жаркое солнце, кучевые облака — синева неба — отражаются в воде, пестрят и без того пестрое дно: разноцветная галька, разноцветные валуны — травы и мхи между ними, песок, среди которого ярко горят кусочки слюды.

По берегам, ближе к воде, среди гальки — полевой лук, выше — смешанные гривки цветов, над которыми склонились зеленые ветви лесной гривы.

Журчит прозрачная вода, шумят пороги.

К полудню приехали к правобережной речке — *Бэлбан-ю* (по-зырянски бэлбан — идол) — *Пос-я* и *Елбан-я* (по-остяцки) — шайтанские речки. Тут остоякам нельзя пить воды. Сначала они здесь устраивали свои жертвоприношения, потом — перенесли на озеро.

Близ речки Витязев вместе с конем спровадились в воду и поплавали.

По левому берегу речки к озеру идет дорога, хорошо заметная и летом. Елочки, стоящие близ берега, в основании дороги, помечены: оленьими шестью обиты ветви близ вершины.

К вечеру достигли речки Турь-я (остяцкое название), бегущей с озера, как говорил нам

Видели несколько шук и тай-
меня.

* Остановились ночевать на правом берегу заостровки, против мыса острова.
— (Прим. автора дневника).

Днем слегка прыскал дождь, гре-
мел близ Урала гром.

наш проводник, Семен Макси-
мович, из Ясонта.

Здесь он расстался с нами:
ему нельзя было ни пить воды
из этой речки и с этой стороны
Ляпина, ни ехать с нами в лод-
ке, а можно было лишь идти
по берегу. Душевно распрости-
лись с ним и поехали по речке.

Против устья речки находит-
ся небольшой, саженой до 200
в длину и саженой до 30 в ши-
рину, таловый остров.

Ширина речки — саженой
5–7. Берега поросли цепким,
рямовым ракитником, далее
вглубь — рямовой материк*.
Проехали около сотни саженой
и остановились: было мелко;
почти отсутствовало течение.

Вернулись обратно и стали
выбирать место для ночлега.

Поднялись вверх по реке,
близ правого берега — <...>
заболоченные места, с выходя-
щими в двух местах сырыми
травянистыми пространствами,
и — перевалили на противопо-
ложный, левый берег, пред-
ставляющий из себя длинный,
до 1 версты, отмельный песок.

Было неудобно приставать;
спустились вниз по течению и
остановились ночевать на ле-
вом берегу, против острова и
речки Турь-я.

Ясный, теплый вечер;
ясная теплая ночь. Хоро-
шо видны Урал и его пред-

горья, вправо от места нашего
ночлега, вверх по реке.

6 августа — среда

Ясные, теплые утро и день.
Сегодня решили исследовать
дороги на озеро, я еду с Вита-
зовым по речке в остяцкой лод-
ке, а Низковский с Артеевым
пешком. Виктор с Вакуевым о-
стаются на стоянке.

Отправились часов в 11. По
речке Турь-я, по карте Иловай-
ского, верст 10–12; сведения
верны, но дорога малодоступ-
на в настоящее время.

Проехали немного от устья —
начались пороги, и чем дальше,
тем их более; неширокая, иду-
щая среди заболоченного леса
речка сильно извилась. Ложе
речки — галька, валуны и лишь
кой-где — песочки с няшей.

Часов через 5 трудного пути
мы были остановлены значи-
тельным порогом: крупные ва-
луны, поросшие сверху зеле-
ным мхом, плотно устлали
ложе речки, оттого поднимаю-
щееся вверх; между камнями
журчит вода, кой-где — жел-
тые водяные лилии.

Мы оставили лодку и пошли
пешком, перескакивая с кам-
ня на камень.

Густой зеленый березняк с
обеих сторон склонился над
этой подымающейся валунной

По речке убили 4-х молодых гоголей, сви-
зюху, красно<...>стного крохала, <...>
и вострохвосту.

* Рям — болото, поросшее мелкой угнетенной сосной.

аллеей; журчит вода между зелеными шапочками валунов, шелестят листья.

Находимые кой-где остатки окуней и щук, недоеденных хищными птицами, указывали на близость озера.

Саженой 300–400 по валунной аллее — глубокая, саженой до 4–5 шириною, окаймленная по краям осокою, речка предстала пред нами; речка расширилась и перешла в длинное, саженой до 20 шириною, озеро, по-видимому, рыбное, несмотря на то, что в воде виднелась масса темного мха: это жилище карасей.

На озере несколько табунков водноболотных угодий.

Кончилось озеро — пошла глубокая речка. Вода, как в озере, так и в речке — с массою зелени.

Неожиданно услышали крики: по-видимому, с озера кричали Низковский и Артеев. Мы ответили. Глубокая речка скоро кончилась: опять начались пороги, но уже скоро блеснуло озеро.

Близ устья речки, по ее левому берегу, мы заметили целый ряд шайтанов и, перейдя через порог, подошли к ним.

Недалеко послышался голос Низковского, звавшего нас. Мы откликнулись и стали звать его — посмотреть шайтанов. Он ответил согласием.

Это были такие же, как и близ Обдорска, ряд (шт. до 30 старых и новых) грубо вытесан-

ных из дерева фигур и обмотанных платками, тряпками, поясками, кусочками всевозможных материй.

Кой-где около валялись куски оленьих шкур, рога, копыта; виднелись большие огнища.

У подножия шайтанов валялось много ножей, с обернутыми поясочками лезвиями.

В концах некоторых из платков были завязаны деньги. Попадались медяки, серебряные и бумажные марки. Встречались деньги и на земле близ шайтанов.

В общем — вид шайтанов был беден, неряшлив.

Виден край озера речки бекаса.

Низковский с Артеевым часа два уже были на озере. По

дороге на озеро было не более 5–7 верст. Дорога оленья, большею частью хорошо приметная.

Я оставил до завтра описание озера. Напившись чаю, мы двинулись по дороге в обратный путь. На половине пути дорога подходит близко к речке: видно ее берега, выше каменной аллеи.

Пройдя еще немного, мы свернули вправо и скоро вышли к оставленной лодке.

Часа 4 утомительного таскания по порогам, и мы — у огнища, сушимся и смеемся над перенесенными трудностями.

7 августа — четверг

Утром перевалили на другую, правую, сторону реки, на версту выше места нашего ночле-

га, к началу оленной дороги на озеро, и стали собираться в путь. Решили взять лишь самое необходимое и лодочку, которую должна была везти таском по земле лошадь.

Часть багажа положили в лодочку, часть взяли на себя и пошли.

Погода ясная, теплая, с легким южным ветром. Хорошо проторенная, но вязкая (мох), вернее, мягкая, дорога хорошо видна. По краям — смешанный заболоченный лес. Часа через два были на озере.

Артеев и Витязев после обеда еще раз ходили на Ляпин за частью оставленного багажа.

Низковский сделал из 4-х бетонов плот, поставил на него лодку и разгуливает по озеру.

8 августа — пятница

Утром слегка накрапывал дождь из набежавших с SE туч.

Низковский отправился на противоположную сторону озера в лодке, я же пошел по левому берегу озера.

Озеро протянулось с N на S длиною версты 3–4 и более версты шириною; берега отмелье, покрытые галькою и, в большинстве, кусочками еще обкатавшихся и выветренных горных пород.

Берег редко где достигает ширины сажени, далее заболоченный лес.

По W и NW сторонам озеро охвачено предгорьями, за ко-

торыми идет горный хребет; с E стороны горы охватывают озеро лишь до $\frac{1}{2}$; SE и S стороны — долина к р. Ляпину.

Я поднялся на левую гору, покрытую в большинстве лесом, с открытыми отдельными участками, полянами, представляющими куски, иногда значительной величины, выветрившихся горных пород, покрытых оленьим мхом и лишаями. Мох отстает легко: под ним — голый камень.

Гора высотой саженой до 40. Лес: ели, саженой до 3–4 высоты, чаще — кедр, у которого плодоносна лишь вершина, береза, ольха, рябина, шипишник. Лес — дровяной.

Правобережные, W, горы значительно выше и состоят из многих увалов, переходящих из покрытых лесом в отдельные голые вершины каменистого гребня, покрытого мхом или голого.

На N — первые увалы представляют склоны W и E увалов, понижающиеся почти на нет: тут от главного озера пошли другие озера, меньшей величины.

За этими увалами — увалы громоздятся один за другим,

представляя то отдельные сопки, то увалы. В некоторых местах, в долинах, тут виден еще не растаявший снег.

Горы состоят из гранита, сланцевого гранита, гнейса; встречаются камни слюды.

Видел на озере болотного кулика.

Глубина озера незначительна. Низковский, производивший промеры его глубины в S конце, говорит, что не более $1\frac{1}{2}$ сажени. То же самое говорят и зыряне, промышлявшие на этом озере рыбу. Из рыб в нем водятся — щука, окунь, сорога и таймень.

Из птиц видали только 2-х лебедей, нескольких гагар и крохалей. В этом отношении озеро почти безжизненно.

Леса, покрывающие W горы, мощнее: здесь кедр и ели достигают строевой, саженой до 5, величины. С хорошо развитой кроной.

На этих горах, на одном из предгорий, в NW конце озера, я был уже под вечер, отправившись искать виденных ранее лебедей.

Лебедей не нашел; увидел идущую в гору от самого берега озера оленную дорогу и направился по ней.

Дорога — мягкая, чистая. Поднявшись на первый увал, с выходящим каменистым щебнем, налево я опять увидел ряд шайтанов.

Точно такие же, как и первые, но тут в одном конце масса хворосту: по-видимому, это был шалаш, подобный виденному мной ранее в Лонгот-югане, по притоку Хорово, Малой Оби.

Те же ножи у подножий шайтанов.

Присутствие этих ножей Н.П. Вакуев, часто присутствовавший при жертвоприношениях, объяснил так: сварив жертвенное мясо, инородцы кладут куски его каждый пред своим шайтаном, кладут тут же нож, поклонятся им, приглашая откусать. Потом же инородцы едят сами.

Погода все время стоит теплая, лишь изредка брызнет дождь из набегающих с SE туч.

Ночь теплая, ясная; на W тучи.

9 августа — суббота

Утром наши рабочие занялись перевозкой части багажа к лодке, на Ляпин, где они должны были приготовить плот для лошади: завтра — в обратный путь, мы же с Низковским поехали в остяцкой лодке исследовать N берег озера и подняться на W краях горы.

NE и N берега озера — отмылы и представляют отлогие пески, покрытые мелкою слюдою с песком; выше — идет тундра, типичная, торфяная, с мелкими деревьями. Тундра возвышается над озером саженой на $1\frac{1}{2}$ — 2. На ней пошли озера.

Ближе к W хребту в тундру протянулась глубокая речка, шириною саженой до 5–10. Мы недалеко проехали по ней. На одном, левом, берегу ее, на торфяном бугре, высокий деревянный крест: вероятно, могила какого-нибудь оленщика.

Убил из ружья в озере двух небольших окуней.

На воде озера — масса икры, плавающей то желтыми участками, то рассеянными в воде.

Вбегая в озеро, речка перерезывает глубокоим руслом мелкие берега озера; по краям этого русла — мели.

Мы проехали немного южнее по W берегу и начали подниматься на возвышенный голокаменистый хребет W, возвышающийся саженой на 40 над уровнем озера.

Дорога шла сначала лесом, потом — по открытой моховой долине, ведущей к самому хребту.

Не доходя до долины, собака выгнала из лесу лебедя, покусала его и бросила. Как только собака отошла, лебедь кинулся к склону — к реке, я за ним. Едва догнал и застрелил. Лебедь оказался громадной величины.

Моховая долина отлого, взвозом, поднимается к хребту. Дорога сильно мягкая и трудная. Выше — она тверже. Растет масса морошки, спелой, крупной.

Скоро мы поднялись на хребет. Местами тундра, местами — лес, чахлый, вывернутые корни; олений белый мох в ложинах, массы выветрившихся горных пород, среди которых разрушившиеся громадные скалы, покрытые лишаями, мхом во впадинах, с одинокими деревцами в ущельях.

На всем печать хаоса и разрушения.

Далее на W — голые хребты, на NW — также; по склонам к озеру — густая растительность, преимущественно ель, кедр, отчасти лиственница и береза. Хребты и долины между ними — с бедною растительностью, если они ближе к вершинам, и — богаты, если низко.

Лес на хребтах: полярная березка, береза, ель, кедр, лиственница, рябина, черника, голубица, олений мох, лишай. По склонам, кой-где, мелкая травка.

Я собрал растения, мхи и лишай, сделал фотографические снимки и — мы стали спускаться.

По берегам озера и речки — лебединые перья — линия лебеди. На озере плавится много рыбы.

С вершины ясно виднелась кой-где р. Ляпин, озера. Хорошо

было видно и продолжение тундры на N и NE: с восточной стороны озеро отделялось от Ляпина лишь 2 хребтами увалов, верхний, N, из которых далее к северу сливался с тундрой; следовательно, с NE и SE к Ляпину проходили лесные долины.

N речки терялись среди тундры; местами виднелись покрытые травой небольшие участки.

Много хребтов и сопок со снегами в ущельях виднелось далее, к N, в продолжение W хребта.

Часам к 5 мы уже спускались обратно.

Дорогою я убил 4 молодых лебедей, 3 из ружья и одного поймал на берегу.

Погода стоит теплая; в полдень слегка выпадал дождь из набегавших с NE туч. К вечеру — тихо; ночью легкий NW ветер. Ночи уже полутемные.

10 августа — воскресенье

Вчера мы еще отправили всех рабочих на берег Ляпина, строить плот. Утром, часов в 6, один из них приехал за нами.

Ясное, теплое утро. Собрались и пошли уже часов в 10.

Часа 1 $\frac{1}{2}$ —2 употребили на переход. Я, как и всегда, далеко опередил всех и пришел ранее, рабочие сидели без огня: подмокшими еще на крушении спичками и хотя просушенными, но не горевшими — ничего нельзя было делать!

Я положил бумаги с берестой, насыпал пороху, навел зажига- тельным стеклом — сноп дыму, бумага горит — и скоро за- палили костер.

Вчера двое из рабочих вари- ли лебеда и ели, но один не стал.

Лошадиный плот привязали сбоку лодки и поехали вниз по реке.

Местами, где течение быст- рое, на порогах, наше судно движется быстро, но иногда попадает на камни, с которых и сходит благополучно.

Где медленнее течение, дви- жемся на шестах.

Вода уже значительно сбы- лия, и река глубиною не более 1 $\frac{1}{2}$, 2—1 арш.

Значительная, саженой до 2-х, глубина, была лишь у начала дороги на озеро и по все- му тому плесу; ниже — опять значительная, до 1 сажени, глубина плеса.

По реке совершенно нет рыбы: она еще не пришла с низовий.

Когда приближаешься к пе- рекату, то ясно видно, что спус- каешься как бы под гору, по склону, низ которого (ниже порога) аршина на 1 $\frac{1}{2}$ —1 $\frac{1}{2}$, ниже вершины порога.

Так наблюдается на многих порогах: по-видимому, мест- ность спускается в долину тер- расами; крайне интересно бы проследить географическое местоположение порогов на отдельных реках — притоках Сосвы.

Меня, например, крайне заин- тересовала каменная аллея по р. Турь-я; когда я проходил не- сколько раз (3) по дороге с озера, то эту дорогу также пересекла каменная полулунная (вывет- рив. порода) гряда, направляю- щаяся к склону Е гор озера в одну сторону и к каменной аллее — в другую, следовательно — озеро расположено в каменных поро- гах, заключающих его, и в лес- ных местах, покрытых слоem тундры (торфа) и глины.

К вечеру — опять накрапы- вал дождь; погода — теплая, барометр стоит выше 750. Ос-

тановились ночевать на правом берегу Ляпина, у начала еще не вышедшего из-под воды песка.

Заболоченная, с чахлым лесом, грива начинается выше песка; среди других мхов и лишайев — участки оленьего мха. Здесь он мягок, пушист, тогда как он же на горах — тверд, как сухарь; олени любят лучше мох долины, и только комары и овод заставляют их уходить в горы.

По цветам берега, которых много, масса ос, не летающих, жужжащих: по-видимому, их вымочило дождем, хотя среди них — молодые (маленькие), которые плохо летали и утром.

Ночь — тихая, полуясная, теплая.

**11 августа —
понедельник**

Нынешний год нет ни рябины, ни черемухи.

Утром я собрал растения с берега. Часов в 8–9 — отправился вниз по течению.

Опять пороги; опять идем на шестах или несемся течением.

Теплая, тихая, полуясная погода.

Остановились обедать на левом берегу Ляпина, немного ниже устья Ингэ-та, ниже речки, в устье какого-то бывшего, сейчас заболоченного, русла. Об этом русле я упоминал в первый путь.

Не доезжая до устья Ингэ-та, мы выпустили на левый берег собаку, Дэзи. Она поймала на берегу глухаря. Большинство его крыловых перьев были еще

ленны: по-видимому, сейчас глухаря линяют.

Еще ранее встретили плывущих вниз по течению двух лебедей. Не подпуская нас, они поднялись и улетели. Рабочие говорили, что эти лебеди уже вылиняли: они не выводили детей.

Убитый мною в местечке Елбынь-тура лебедь был еще с зачатками новых перьев в крыльях.

Встретили уже летающих молодых вострохвостов.

По возвышенному берегу заболоченного русла сухо; вместо обеда я осмотрел лес, берег Ляпина. Встретил: поспевшую, еще кой-где цветущую княжницу; край Ляпина: брусница в лесу по яру, на припеке, была мелкая и уже начинала краснеть; в лесу же, в тени, она еще зелена, но крупна: по-видимому, осенью здесь будет урожай ягод.

Уже хорошо поспела голубица; у шишек наливаются ядро; парные их допустимо «щелкать».

День — тихий, теплый (выше 20°); кучевые и перистые облака; преобладает ясность. К вечеру — проехали устье Нёрка-я. Хорошо отсюда видны предгорья Урала и вершины хребта.

Остановились ночевать на левом берегу, в середине между правобережьем Нёрка-я и находящейся ниже курьей, сором.

Ночь тихая, ясная; светит полный месяц.

12 августа — вторник

Утро полуясное. Поднялись рано. Я, напившись чаю, поехал вперед в остяцкой лодке, чтобы застрелить что-либо к обеду.

Заехал в курью. С устья курьи хорошо

В курье убил ленного крохалия.

видны предгорья и три вершины Урала за предгорьями; последняя, вправо, выдается остроконечным, в виде шлема, пиком, восходящим почти из середины хребта.

Курья представляет ряд довольно глубоких озер, соединенных между собою мелкими проливами. Пространство между озерами и край курьи поросли крупною осокою, представляя обширный сенокосный участок, конечно, принимая во внимание размер здешних сенокосных угодий, пространство его приблизительно — 300 с. х 400 с., включая сюда и озера.

Начал моросить дождь, перешедший в крупный сеногной.

Едем довольно медленно: одна из наших собак осталась (отстала дорогой) близ Елбынтур: это Белек. Сегодня где-то отстала Дэзи. Она выла на берегу, мы ее звали, но она не шла: было мокро на берегу, а ей хотелось в лодку, нам же не хотелось ехать за ней; Низковский молчал, ожидая, что собака побежит за нами.

Остановились обедать. Идет дождь. Собаки нет, и напрасно Низковский палил из японской

винтовки: она не приходила. Поехали дальше. Дождь перестал; стало проглядывать солнце.

Низковский решил начать поиски собаки: стал посылать рабочих ехать в остяцкой лодке и найти собаку. Рабочие не соглашались. И действительно, пища была плоха, рыбачить им приходилось много; поскорее бы добраться до Саран-Пауля, а тут — останавливайся и отправляйся искать собаку, которая, вероятно, вернулась к месту ночевки.

В результате Низковский и рабочие переругались до того, что Низковский заявил, что ему, как начальнику правительственной экспедиции, предоставлено право «стрелять в случае неповиновения», что он подаст на них жалобу.

Чтобы не продолжать ссоры, Витязев и Артеев поехали искать собаку. Вернулись они часа через три и привезли собаку.

К вечеру Низковский и рабочие помирились. В общем, Низковский мало пригоден для успешных экспедиций: ничего не делает, лежит, ест и распоряжается.

Остановились ночевать на прежней остановке на 2 августа. Полудождливая, теплая ночь.

За день: я встретил в первый раз ягоды рябины в долине, еще зеленые; цветы уже начинают отцветать, вянут головки полевого лука.

После ненастного дня ночью опять начала прибывать вода.

13 августа — среда

Утро ясное, теплое.

Я, после чаю, отправился вниз по течению в остяцкой лодке, чтобы застрелить что-либо к обеду. Тихо, солнце, раннее, часов 6, утро.

Убил: куропатку, двух тетерь, старую и молодую копалуху и крохалю.

Заезжал дорогою в правобережный приток *Тасым-я*; приток саженой 10–15 шириною, круто-овальный берег, со смешанными гривами, среди которых выделяются высокие ели.

На береговых деревьях заметно действие весенних вод: выше береговых яров содрана кора, повалены деревья, завернута земля. По-видимому, весенний разлив здесь достигает значительной силы и высоты.

Проехал с версту, река стала мельче: до $\frac{1}{2}$ аршина; стали попадаться камни, а впереди шумит и гремит высокий порог. Я любовался на порог и вернулся обратно на Ляпин.

Погода ясная. К вечеру стал раздуваться ветер (SW), был силен; когда мы подъезжали к месту ночевки — стал стихать.

Ночь — ясная, теплая, месяц.

Остановились ночевать у того места, где оставили лошадь; она тут и ходила до нашего приезда.

14 августа

Утро — полуясное.

Еще вчера лошадь была поймана. Она

На обратном пути нам лишь попадались тетери.

отъелась и довольно поправилась. Ее решили везти на плоту, а рыжую кобылу — ехать верхом по берегу одному из рабочих.

Но чалая кобыла, как только попала на плот, лягнула и провалилась, изломав плот; пришлось обеих лошадей вести по берегу.

Поехали — Николай Павлович Вакуев и Витязев. Я, еще вперед, уехал промышлять на обед. Убил пять взрослых, уже матерых гоголей и самку-лутка. Попадалось много крохалей, но их невозможно было догнать. Из гоголей было жирное и вкусное вареву. Чирки и вострохвосты уже летают.

Погода солнечная, со все усиливающимся SW ветром, перешедшим в сильный, когда мы были у устьев Тохла-я.

Местами ехали на гребях, местами шли бичевой.

К солнцезакату ветер стих.

Доехали до второй полуразвалившейся охотничьей избушки. На лошадях ехали Низковский и Витязев. От избушки они пошли прямой дорогой, материком, к 1-й избушке, по левому берегу Ляпина.

Мы в лодке приехали вперед их: прямой дорогой можно было ехать и шагом.

Вообщем на лошадях лучший путь — это берегом, где можно ехать и рысью.

Холодная, ясная ночь. Ночевали:

рабочие в избушке, я в лесу, под пологом.

У первой промысловой избы (Сметанина, у дверей) нашли великолепно сохранившийся в известковом камне аммонит, до 1 чет. в диаметре. Вероятно, он был найден где-то хозяевами избы и принесен сюда.

Против избушки — значительный, со смешанным лесом, остров.

У нас вышел весь хлеб. Сегодня dokonчили крошки.

15 августа — пятница

Утром — моросит «сеногной»; погода морочная: все небо обложено сплошными серыми тучами; тепло.

Поехали: я с Артеевым и Вакуевым в лодке, а Низковский с Витязевым на лошадях по берегу.

Ниже избушки стали встречаться уже выкошенные участки и зароды давно скошенного сена.

Сенокосные участки здесь простираются до Тохла-я. Косят на них, до избушки, почти одновременно с покосами близ Саран-Пауля, выше же — когда управятся с ближними покосами.

Наконец встретили и первых косцов на правом берегу Ляпина: это были несколько семей зырян.

От них мы узнали, что война идет с прежним ожесточением, что большевиками взят Екатеринбург, что из-за Урала, из Архангельска, прибыли, проездом в Омск, по Оронцекой дороге через Урал, представите-

ли Архангельского Правительства, что по Оби приостановлено пассажирское движение: пароходы мобилизованы для военной надобности,

и многое другое.

Напились здесь чаю, покурили «ног» и отправились дальше.

Дождь все прибавляет и прибавляет, несмотря на тонкий морок.

Встретили еще несколько семейств косцов и часа в 2 дня были в Ясонте. Отсюда верст 15 до Саран-Пауля.

Низковский и Витязев отправились с проводником-остяком, нашим проводником на Елбынь-тур, Семеном, прямой дорогой, мы же продолжали свой путь, остановившись ненадолго в юрте, где нас остяки угостили несвежим, слегка скисшимся молоком и печеным хлебом. Ели с удовольствием.

Проехали Серебряковскую пристань*, на W выяснило, перестал дождь, проглянуло солнце.

Табуны кроншнепов летали над нами и близко подлетали на свист: это в большинстве молодые.

Скоро были в Саран-Пауле. Низковский с Витязевым приехали поздно вечером, прогнав от себя Семена, заведшего их в такие труподы, что они едва выбрались на берег, и ехали уже берегом.

Ясный, холодный вечер. Спали в комнатах квартиры, не

* Очевидно, речь идет о Сибиряковской пристани.

заботясь, что нас будет мочить дождем.

Получили несколько писем. Я получил письмо от жены с сыном. Звали скорее домой; сын дожидался: «приезжай, будем ходить на охоту».

16 августа — суббота

Ясный, теплый день. Низковский делает «черт знает что», а же пошел собирать растения и насекомых к устью Щекурьи, захватив с собой ружье.

Здесь, от Саран-Пауля, а по правому берегу Щекурьи — поскотины, с болотцами, озерами, открытыми местами, довольно крепкими, и смешанными гривами, в которых много смородины (красная), черемухи, шипишника. Ягода здесь крупная и её много.

Возвращался поздно вечером, убив на озере хрынка, двух чирят, свиззя и кроншнепа.

Кроншнепов было много, но они были сильно напуганы: за ними то и дело охотятся возвращающиеся по вечерам с покосов зыряне.

Летали пред вечером много стрекоз; пред закатом солнца поднялась мошка, и с наступлением темноты «гнус» исчез.

Теплая, ясная ночь.

17 августа — воскресенье

Сегодня ходил и осматривал зырянские огороды и хлебные поля, собирая на них растения.

Собирал насекомых и упаковывал свои сборы: завтра отправляемся вниз по Ляпину, на Березов.

Погода ясная, теплая, лишь пред вечером небо заволочло тучами.

С Урала и брызнул, с наступлением ночи, дождь.

Ночи стают уже темными.

Вода прибывает.

Вообще, здесь весна и осень — самые удобные времена года для пароходной навигации.

Прибывшая вода стапливает перекаты.

Низковский ликвидирует часть своего багажа и открыто торгует спиртом, меняя его на деньги и на «золотые», которые еще сохранились у зырян, и на шкуры — одним словом, типичный торговец. Впрочем, ездил на Сибиряковскую пристань, намереваясь приобрести там по сходной цене оставленные прежними золотоискателями инструменты, но нашел невыгодным приобретение их.

Ночь — теплая, с SW ветром, светит, сквозь тучи, $\frac{1}{2}$ месяца.

18 августа — понедельник

С утра слегка накрапывал дождь.

Ездил с Витязевым на покосные участки против Саран-Пауля и взял почвенный образец в ящик и два образца — в мешочки.

Взял почвенный образец в ящик с засеянного ячменем

Лошадей Низковский продал за 1600 р.

поля Семена Ивановича Вакуева, представительного, умного зырянина, председателя местной земской управы.

Погрузились и часа в 4 дня отправились из Ляпина, провожаемые благими пожеланиями наших рабочих и зырян; отправились на земских, от станка до станка.

Тихий, теплый, полуморочный день; слегка накрапывает дождь.

На песках ниже Саран-Пауля — невода: у хантов на песке (до которых считается от Саран-Пауля 8 верст) невод, но рыба еще не ловится. Нет ходовой.

Хангла — на левом берегу Ляпина; песок длиной саженой до 200; глубокий; противоположный берег — яр, неровный, высотой до 1–2 саженой, с торфяниками; по обоим берегам — смешанные гривы; ширина реки — саженой 40–50.

Хангла была выжжена нынче большевиками и сейчас строится; остались не выжженными несколько юрт.

В юртах есть уличная печь; стоят ряд морд; население — остяки и несколько семейств зырян.

Ниже Ханглы — опять начинается песок, длиной до 300 саженой, по противоположному берегу, выше Ханглы, — также идет песок.

Народ из юрт в настоящее время на Оби.

На Урале — виден снег в лощинах.

Тихий, теплый, полуморочный вечер; быстро сменились гребцы (3: остяк и 2 зырянина, пожилой и мальчик лет 15); остяк с полубольными глазами. Болезнь глаз — распространена среди остяков, живущих большею частью в дымных юртах и топящих полусырым талом, дающим больше дыму, едкого, вонючего, чем тепла, и это тогда, когда под рукою — ель, кедр, береза, хорошо горящие и дающие мало дыму. Живущие в одинаковых же почти с ними условиях зыряне, топящие хорошим, горячим лесом, не страдают болезнью глаз.

Ночь — теплая, пред утром слегка накрапывал дождь.

Остановились в одних юртах, купили, за 3 руб., 20 небольших карасей и заварили уху. Несмотря на то, что караси были с раздавленной желчью (чистили остяки), ели с остервенением. Здесь встретил непьющих (гребцам обыкновенно подавали по чарке вина) зырянина и старика остяка: не пьют и не курят.

19 августа — вторник

Утро — пасмурное, дождливое.

В юртах Луй-Хурум-Пауль уже встречается *передовая сельдь*; сырка еще нет. Селедки вялят; встретили несколько пудов упакованных больших карасей.

Настоящего хода рыбы еще нет; идет язь, идет яром, плавань, играя.

Народ из юрт еще весь на низу.

К полудню проглянуло солнце, полуморок.

По берегам — незначительные пески.

В юртах встретили земскую почту: разносная карта, в которой несколько пакетов.

Пароходик «Сартынья» дошел вчера до «Меж» и вернулся обратно. Вообще — земский пароход не любит ходить в Саран-Пауль, несмотря на глубокую воду и «чающих» и ожидающих его жителей.

Ночь спали плохо, свернувшись «в три погибели» в двухаршинном пространстве забитого багажом каюка.

В *Межах* уже ловят селедку и сырка, хотя и мало. По реке плавится, выскакивая кверху, *лень-таймень**, идущий вверх по течению.

В *Межи* «Сартынья» привезла муку для Саран-Пауля, П.П. Алексеу.

В Ломбо-Воже уже достаточно рыбы; тут заперта речка, неводят и по пескам; народ отсюда не уезжал на Обь.

Ночь — тихая, выпадает дождь и опять прояснивает; тепло.

Неводят здесь в остяцких лодках, соединив их, на расстоянии

2–2 1/2 аршина двумя жердями; в промежуток кладется на носилках собранный невод; в каждой лодке по несколько гребцов, невод сам спускается с носилок, сообразно ходу лодки.

Остяки здесь — плутоватый народ: например, станок до Ломба-Вож не более 25 верст, они утверждают, что 50, сообразно чему и требуют «прогоны».

20 августа — среда

Едем вперед. То проглядывает солнце, то моросит дождь из набегавших с SW туч.

Чем ниже, тем значительнее промыслы рыбы. В настоящее время густо идет язь, но идет ярами, неприступными для неводов местами. Первые ходовые рыбы — язь, потом сельдь, щекур, и последняя — налим. Нельма подымается вверх по Сосве, здесь же — редка.

Подымаясь вверх по течению, она теряет свой жир, так что самой жирной может считаться сельдь, пойманная у Березова и ниже. Выметав икру, она наедается крупных песчинок и, одновременно с шугою, спускается то вниз по течению, отдаваясь на его волю и будучи малоподвижной, то — остается на глубоких станových местах. Приготавливают ее: вялят, солят и маринуют. Сдают местным скушщикам, В.В. Попо-

Идет густо ерш.

* *Лень-таймень* — странный гибрид, результат ошибки автора: лень — рыба семейства карповых, в бассейне Сосьвы не обитает, таймень относится к семейству лососевых.

ву из Щекурьи и друг., сдающим её, в свою очередь, более крупным — П.П. Алексееву в Саран-Пауле, Бешкильцеву в Сартынье и Рогалеву — в Няк-символе. Окончательный расчет со сдатчиками производится по окончанию промыслов, когда установятся те или иные твердые цены.

В нынешнем году не ожидается большего подъема сельди; идет сначала крупная сельдь; в который же год сначала идет мелкая сельдь, а потом уже крупная, подъем её — значителен.

Мы останавливаемся то у остояков, то у скупщиков рыбы, которые угощают нас чаем и рыбой, с ответным угощением от нас нашими запасами, главное из которых — водка.

Берега Ляпина имеют несколько другой вид, чем в первый наш путь: выходят из-под воды незначительные пески, так, напр., в устье Ляпина, по его правому берегу.

Из других древесных пород здесь встречается *осина*, которой, напр., в Саран-Пауле и ниже не приходилось встречать.

По Сосве, левый берег, у устья Ляпина, у станка приказчика П.П. Алексеева — несколько ниже, уже до 10 чумов остояков, много неводов, колыданок.

Сельдь идет днем; неводят днем и пред вечером, крупную рыбу, как сырка, промышляют ночью, когда он на песках.

По правому берегу Сосвы, верстах в 2-х от устья Ляпина, семей 5–6 выходцев из-за Урала, Пермской губ. Они основывают поселок. Есть лошади, коровы, собаки, против устья Ляпина — уже поставленные ими зароды сена.

Остяки недовольны поселением пришельцев и поговаривают о выселении их: «лежит собака на сене, сама не ест и другим не дает».

В ночь на 20-е — не спалось. Тихая, теплая, дождливо-морожная ночь, с временными проблесками месяца из-за мохнатых, с белыми каймами, темных посередине туч.

Тоскливо поют наши гребцы. На корме — молоденькая остояка, в гребях — то же и молодой остояк. Быстрым, с заунывно-протяжным окончанием, речитативом голосит-поет кормовщица; затихает она — начинает петь сидящая в гребях; перекликаются, тараторят, а молодой остояк молчаливо гребет и гребет, не вымолвит слова, как будто темная ночь придавила его или он боится помешать своим спутникам.

Их сменили другие — по-видимому, судя по голосам, также молодые. Молчит кормовщик, гребцы же — говорят и говорят, переходящими в полунежный шепот голосами.

Я выглянул из своей конуры в каюке. Кой-где из-за туч прибавился свет луны, но не настолько, чтобы освещать их, и

какими отвратительно-фантастическими показались мне их лица: изрытые оспой, лохматые, в отрепанных парках. Было настолько отвратительно, что я, перевидевший остяков Тобольской губернии по всему району, постарался захлопнуть двери каюка.

Темная ночь, хлопанье весел о воду и шепот и любовный смех лохматых чудовищ.

Часа в 2, когда уже рассветало, я выглянул на тех же чудовищ: приятные, веселые, влюбленные лица. Как обманчива темнота.

День — как и вчера: просвечивает солнце, моросит дождь, дует и затихает легкий ветер: осенняя сеногойная погода.

Приближаемся к устью Ляпина. Что-то закричали наши гребцы-остячки. Я сидел на крыше каюка. Остячки указывали на воду. Там мелькал то выплывающий наверх, то погружающийся в воду средних размеров сырок. Кормовщик, молодой остяк, попросил меня взять руль, а сам поехал в лодочке ловить его. Поймал. По спине сырка — глубокая рана: по-видимому, хищная птица нанесла её ему, но не успела поймать.

Дождь, хмурое небо. Мы пьем чай со свежесоленными сельдями у алексеевского приказчика Слободского.

Насчет войны передают нерасторопные вещи: говорят, что красные чуть ли не заняли уже

Тюмень; говорят о необходимости опять, как и зимою, прятать имущество по лесам и спасаться самим.

Низковский поехал осмотреть поселок новоселов по Сосве, я сижу в каюке и пишу дневник.

Пошел бы собирать красную и черную смородину, которой обилие по берегам, но в лесу, поливаемом сверху, сыро и мокро, я же — в скороходах, сапоги заложены далеко.

Бродят по берегу отяжелевшие на свежем корму, в остальное время всегда голодные, остяцкие собаки всех цветов и размеров; близ берега, над рекою, с писком носятся халеи: халеи и собаки — незаменимые санитары рыболовных песков, уничтожающие все рыбные отбросы: без них на берегах была бы невообразимая душина от разлагающихся отбросов из рыб.

Плавными кругами носится коршун, такой же санитар.

В устье Ляпина видели летающего над лесом орлана с белыми перьями в хвосте. По берегу порхают синицы, которых некоторые называют ласточками. Выше, по талам — каркают рассеявшиеся вороны.

Коршун покружился и, согнав ворон, уселся на склонившуюся над яром иву.

Низковский ездил долго. Приехал, остяки поехали за подводчиками, которые на противоположной стороне поклонялись шайтану, благодаря и испрашивая улова рыбы.

Шайтан находится близко от берега, на левом берегу Сосвы. Это — ряды деревянных идолов, увешанных платками и лоскутьями ситца.

Быстро приехали подводы. Вообще здесь смена подводчиков происходит без задержки, разве какой непредвиденный случай.

Низковский производит обмен спирта на селедку и проч., и преуспевает.

Барометр 74,4.

(У сартыньинского вахтера маленькая, белая остяцкая собачонка щенок.

— Охотничья? — Охотничья. — За кем ходит? — Исключительно за медведем. — А сколько ей времени? — Три месяца. — ?!).

(Пристаньски — обмеривают; саран-паульски — обсчитывают;

Щекурьюински — бестолковые головки.

В Щекурьюинском селении

Святы мощи открылись:

Две старухи отелились).

* * *

В Щекурьюе народу нет: есть одна попадьа, да и та дика.

* * *

— Что ты делаешь, друг?

— Штаны делаю.

* * *

Рубашка-то сломался!

* * *

Собака-то уехал!

* * *

«Ляся! Ляся! Ляся!» — кричал Семен пред каждым перекатом.

* * *

— Нет, табак не ната: нок давай, ног!

Я давал Семену корешки листового табаку, и мы курили, разжигая от костра я — папиросы из листового табаку, он — трубку, набитую «ногами». Но «ноги» плохо раскуривались, ему приходилось переменить несколько головок, чтобы трубка задымила. Через несколько минут «ноги» тухли, и Семен опять тянулся к костру за новой головкой.

* * *

Николай Павлович Вакуев, неграмотный «студент» с Елбанского озера.

* * *

Мне было тепло, несмотря на легкую блузу и полумокрый брезентовый плащ: не догорала ли это жизнь, испуская последнюю накопившуюся в теле теплоту?

* * *

Сартыньинский писарь (секретарь) после каждой чарки спирту начинал рассказывать про свою службу: переводы, жалованье и т.д.

Два новых гребца-остяка, безобразных, полуплешивых, плохо гребут, царапаются и невыносимо пердят. Пердит и спавший со мною рядом Виктор. Я чихаю и курю самокрутку за самокруткой.

— Что ж вы не гребете, расперетак вашу мать?!

В ответ они только царапаются и пердят.

— Виктор, не перди хотя ты!
Но Виктор спит спокойным
детским сном и пердит по-пре-
жнему.

* * *

Тихий, теплый вечер; тихая,
теплая ночь.

21 августа — четверг

Дождливое, полутуманное
утро; в полдень — довольно силь-
ный N. Едем то на гребях, то бе-
чевой. Пред последними до Сар-
тыньи юртами едва не залило при
переправе через реку: выдернул-
ся руль, и стоявшая на корме
остячка ничего не могла сделать;
ей там мешал и Низковский, ста-
равшийся все еще править пла-
вающим в воде рулем; остячка
схватила гребь и старалась повер-
нуть лодку, но не могла; я пере-
лез на корму, велел Низковско-
му лезть в кормовую «конуру» и
взял весло — выехали из зыбаю-
щих боковой качкою волн.

В юртах пред нашим приездом
прошел довольно сильный
ветер, сорвавший со многих
юрт берестяные крыши.

Лов рыбы — средний. Идет
язь, сельдь, сырок; попадает
много ершей.

* * *

— А сколько прогон платишь

— За 20 верст 6 руб...

— Не-ет. Прибавлять ната:
вечер.

— Едем! Едем! Там увидим!

Через некоторое время остяк
опять идет.

— Прибавлять ната: покода!

— Едем! Едем!

— Прибавлять не путешь, не
паедем.

И уходит. Через несколько
минут приходит с тремя дру-
гими и быстро везет нас.

* * *

Гребцами у нас две остячки и
остяк. Все молодежь. Пришед-
ший до отправки другой моло-
дой остяк наговаривает остяч-
кам похабщину — те ругаются
и стыдливо закрываются.

* * *

Идем бичевой. Осенний, бур-
ный, ненастный холодный день.
На последнем станке — опять
возня с ямщиками, уговоры,
угроза — и часа через два ход-
ко движемся вперед. Дует про-
тивный ветер; мы сидим, со-
гнувшись, в своих «конурах».

Поздней ночью пришли в
Сартынью и заснули в своих
неудобных положениях. Холод-
ная, дождливая, бурная ночь.

22 августа — пятница.

Дождливое, серое утро. В гос-
тях у А., вахтера, славного, от-
крытого, но взбалмошного мо-
лодого человека. Он, во время
нашей поездки, уже успел съез-
дить в Березов, тонул по дороге
несколько раз, в результате при-
вез себе невесту, пухленькую,
молоденькую девушку, с кото-
рой и почивал, когда мы *чуть*
свет заявили к нему.

* * *

Самовар, чай с лимоном и
свежими сельдями, а днем
обед: пирог и жареные язи сде-
лали нас друзьями.

* * *

Здесьние коровы очень любят есть сырую рыбу всех пород и пить рыбное поило.

* * *

Промысел — слабый: сельди мало; попадает язь, сырок и мелочь: ерш, чебак, сорога.

* * *

Близ Саран-Пауля, на ближайшем острове, псаломщик сидил самосядку*, но был пойман волостной управой, со всеми «машинными» и орудиями и разведенной брагой.

* * *

Здесь хороший урожай черницы, голубицы и смородины. Брусница здесь крупная и вкуснее обской.

* * *

Вода сильно прибывает.

* * *

У вахтера уже нет собаки, которая «ходит исключительно за медведем»: она стала охотиться исключительно за коровами, благодаря чему ее пришлось выселить в ближайšie юрты. Сейчас у вахтера другая собака, ходящая «исключительно за тетерьями».

* * *

Про поселок *Потрясуй*, в устье Ляпина, по р. Сосве, рассказывают, что жители его — садят самосадку, облапошивают остяков, но в то же время — труженики.

* * *

Здесьняя осень, начиная со второй половины августа, отличается ненастьем.

* * *

Пароход ушел в Березов за день до нашего приезда; послезавтра он должен был быть здесь; решили ждать его прихода и на нем ехать в Березов.

* * *

В селе есть кузница и хороший кузнец.

* * *

Осенняя, сеногнойная погода. То моросит, то затихает дождь, изредка проглянет солнце, но погода теплая. Сидим в палатках, спим, ходим по берегу.

* * *

Здесьнее население отрицательно смотрит на зырян, поселяющихся в краю: обиралы, лентяи и т.д. Говорят, что зыряне не платят податей, что промышляют наравне с остяками, несущими аккуратно все повинности.

В Сартынье зырян — лишь 4–5 семейств; остальные — самоеды, остяки, русские — торговый элемент.

* * *

Сенокосных угодий близ Сартыньи мало; а огородничество развито: садят картошку, репу, морковь, бобы, горох.

* * *

Видел коршуна, ворон, табун кроншнепов. Носятся гагары.

* * *

23 августа — суббота

Такое же дождливое утро и день; часов в 7 вечера выехали, наняв двух рабочих.

* *Самосядка* — местное название самогона.

24 августа — понедельник

Тихое, полуясное, теплое утро. Быстро двигаемся по течению. Остановка в юртах, на правом берегу Сосвы. Юрты значительны: до 30–40 строений, населенные остяки; есть коровы. Высокие, похожие на сахалинские, амбары для сушки рыбы, есть амбары-кладовые высоконогие; некоторые из остяков знают порусски; есть каок.

Погребенный подзол.

На правом берегу Сосвы, рядом, ниже по течению, сосновый бор (дров. лес), высота берега до 4 саж., у юрт понижается до 2 — 3 саж.

Подзол местами на глубине 2 чт., местами 1 чт. Сверху — полужелтый песок, ниже — также, с орштейновыми прослоями. В юртах много неводов: до 15; рыба ловится средняя, но плоше, чем выше. Остяки удивляются, когда она прошла.

* * *

Низковский меняет водку на рыбу. Прямо берет *стыд!* Заткнет за пояс любого торговца относительно бесстыдства покупки.

* * *

25 августа — вторник

26 августа — среда

Ночью приехали в Березов.

Из рассказов Бабикова

«Родители держали нас в страхе Божиим; храни Бог, чтобы что-

нибудь взяли без спросу, обрутали кого-нибудь! Помню, домашние все ушли на поле. Меня, маленького, оставили одного. Сижусь дома, есть захотел. Дело к вечеру, есть хочу, никого нет, а взять кусок хлеба боюсь: Бог накажет.

Не вытерпел: взял кусок, подошел к иконе: «О Господи, говорю, не украд ведь я, Ты видишь, а есть хочу».

Ем, а сам боюсь, не подавиться бы, не наказал бы Бог, что взял кусок без спросу домашних».

Октябрь 1919 г. с. Обдорское.

* * *

— Пантюшка, за что же тебя отец-то из дому выгнал?

— Как не выгнать: в праздник с парнями три рубля прогулял.

* * *

Пантюшка неводил с нами. Осень, холод, дождливо. Он без рукавиц.

— Где у тебя рукавицы?

— Дома.

— Почему же ты их не взял?

— Они жестки.

* * *

На песке Пантюшку изводили. Пошел дождь.

— Закройте у невода кибасья* и наплавья** брезентом: дождем вымочит! — сурово приказывает Бабиков.

Пантюшка исполняет.

Остальные — его на смех: закрывает от дождя камни и дерево.

* *Кибасья (кибасы)* — грузила для невода, представляли собой камень или шар из обожженной глины, завернутый в бересту.

** *Наплавья (наплавки)* — деревянные поплавки невода.

В другой раз — дождь. Не закрытая брезентом соль.

— Закройте соль брезентом: вымочит!

— Нет, теперь не обманешь! — с достоинством говорит Пантюшка.

С. Обдорское. Октябрь. 1919 г.

* * *

Походит, как гвоздь на панихиду.

* * *

1919 г. 4 июля*

Петр Лызлов, дер. Пачгина, Чердынского уезда. В Саргынье встретил. Это сын К. Носилова, писателя.

* * *

Луй-Хором-Пауль* — ниже Сар.-П. верст 50.

Старик-сказочник Ванька-Карай.

С. Обдорское 1919 г.

Осень*. Чисты и ярки северные сияния; в ночь с 3 на 4 окт.: (нов. ст.) — первый заморозок: замерзли лужи, мелкие озерки; с 5 на 6 окт — первый снег, в $\frac{3}{4}$ четв. глубиною.

С 15/2 на 16/3 октября понесло шугу.

* * *

Снег* то почти растаивает, то выпадает вновь; снег неглубокий.

* Последние четыре записи — это уже на обложке дневника. Здесь записан и адрес известного этнографа: Л. пр. Маклина д.2 кв.19 Дм.К.Зеленин; Унив. Набережная,8, Этногр. Музей Акад. Наук.

А между последней записью «Из рассказов Бабикова» и записями на обложке несколько исписанных страниц текста:

Л.111 об. — Список из одиннадцати фамилий. Все они тщательно зарисованы. Но заголовок прочесть все же можно: 2 отд. 3 взвод.

Л. 112 об. — Он похож на предыдущий оборот листа. Те же 11 строк зачеркнутых фамилий. И определить номер отделения сложно, хотя само слово «отд.», как и «взвод», просматриваются.

Л. 113. Озаглавлено «Сбор насекомых». 11, 13, 14, 16 и 17 августа. Указано место и напротив описания местности стоит цифра. (Количество видов насекомых? деньги?). Внизу подведена линейка: «Кошение травы — 1041».

Л.113 об. — 114. — «Фотографические снимки». Указаны места съемки, объекты, количество снимков и их размер.

Л. 114 об. — Заголовок «Сбор насекомых». Сделано 6 записей, датированных 30 июля, 2, 3, 4, 7, 9—10 августа. Указаны места и непонятная цифирь. Не исключено, что если соотнести со списками отелений взвода, то числа, фигурирующие в дневнике, можно трактовать очень по-разному.

Л.115—116 об. (всего 4 страницы) — Записи сделаны под заглавием «Сбор растений». На этом дневник обрывается и следует запись на обложке о сыне К. Носилова. — *Прим. издателя.*

Последняя экспедиция Дмитриева-Садовникова

Возможно, еще и сегодня на высокоом берегу Ваха, недалеко от давно заброшенных юрт Ераскиных, стоят два старых кедра с заплывшими и трудно различимыми надписями: «Тоб. Губ. Музей 1913 г.» и «Г.Д.-С. 1913 г.». Их вырезали участники экспедиции Тобольского музея, изучавшие природу этого края и быт местных остяков. «Г.Д.-С.» - инициалы Григория Дмитриева-Садовникова, провинциального учителя, этнографа и заядлого путешественника. В том году ему исполнилось 28 лет. За плечами – сотни «остяцких верст» по Ваху и его притокам, в научном багаже – несколько небольших, но емких и любопытных этнографических статей, десятки страниц дневниковых записей... В ученом мире он уже имел известность как специалист по Ваху. Первые успехи на научном поприще, несомненно, окрылили начинающего исследователя. Григорий Матвеевич мечтал о новых экспедициях в малоизученные районы Западной Сибири и Урала, но судьба оставила ему не так уж много – всего восемь лет до трагической гибели.

Казалось бы, много ли мог сделать для науки этот человек за столь недолгую жизнь, последние годы которой пришлось

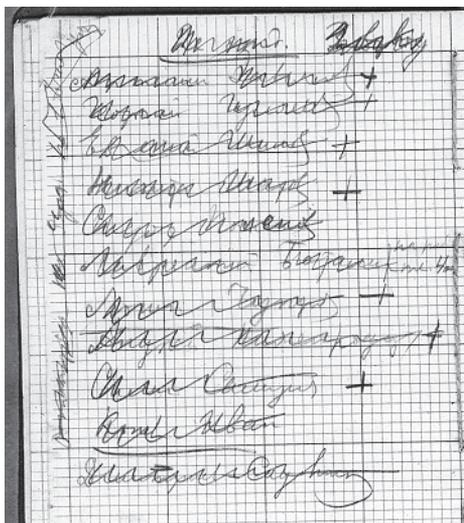
на смутное революционное время и гражданскую войну? К тому же он не имел ни специального образования, ни достаточной финансовой поддержки и большую часть года посвящал учительской работе. Тем не менее, и сегодня археологи и этнографы, изучающие культуры обских угров, регулярно обращаются к творческому наследию Дмитриева-Садовникова. Секрет научного долголетия сибирского краеведа прост: от природы наблюдательный и любознательный, он сумел найти и описать многие ушедшие в небытие обычаи и обряды, хитроумные изобретения и таинства таежной цивилизации. Благодаря ему современные этнографы располагают ценными сведениями о таких элементах традиционной культуры ханты, которые уже исчезли совсем или дошли до наших дней в сильно искаженном виде. Так, например, поистине уникальны детальные и обстоятельные описания технологии изготовления древнего «кормильца» человечества – лука (в его ваховском варианте), стрел различных типов и способов охоты с ними, рожденных тысячи лет назад.

Широкому кругу читателей о самом Григории Матвеевиче до недавнего времени не было

известно почти ничего. И только в 1998 году вышла в свет книга «Версты и строки» (Екатеринбург, Средне-Уральское книжное издательство), в которой, наряду с его полевыми дневниками и статьями о ваховских осятках, имеется биографический очерк о самом авторе, написанный известными югорскими краеведами В.К. Белобородовым и И.В. Игониной. Благодаря их разгласениям известно, что Григорий Матвеевич — уроженец Тобольска, закончив уездное училище, в 1904 году волею судьбы оказался в одном из самых глухих уголков губернии — в селе Ларьяк на р. Вах. Вплоть до 1913 года он учительствовал в местной школе. Молодой педагог быстро освоил язык местных ханты и вскоре даже составил осяцко-русский словарь и грамматику ваховского диалекта (к сожалению, так и не опубликованные). Постоянно общаясь с охотниками и рыбаками, он не только овладел промысловыми «хитростями» ваховцев, но и всерьез увлекся изучением их культуры и местной природы. В 1909 году в Ежегоднике Тобольского губернского музея появилась его первая научная

статья «С реки Ваха Сургутского уезда».

Природная наблюдательность и несомненный талант исследователя были замечены авторитетным краеведом, сотрудником музея — В.Н. Пигнатти, который поддержал его научные начинания. Накопив достаточно много оригинальных и разнообразных материалов о

От издателя: Вот та страница, на которой кто-то пытался спрятать от внимательных глаз «лишнюю», не нужную в данном дневнике, случайно туда попавшую запись. И слово «взвод» прочесть несложно, да и фамилии Дмитриева-Садовникова, Ивана Конева, Евгения Шилова, Никиты Шарова — очень даже читаются. Чьей рукой и когда внесена эта запись? Если автора — что очень похоже, то надо ли удивляться экскурсии по Сосьве в 1919 г.? А уж на чьей стороне он ловил бабочек — сегодня вряд ли для кого имеет принципиальное значение...

Ваховском крае, Дмитриев-Садовников «выстрелил» в 1913 году сразу пятью статьями, направленными им в Ежегодник Тобольского музея.

Тогда же судьба свела Григория Матвеевича с начинающим ботаником, географом и почвоведом Б.Н. Городковым. Во время их совместных экспедиций на Вах и Полуй (1913–1914 гг.) Дмитриев-Садовников, благодаря Городкову, вполне профессионально овладел методикой полевых естественно-научных работ, что позволило ему в дальнейшем самостоятельно проводить комплексные исследования.

В 1913 году Григорий Матвеевич переехал в Обдорск, куда был приглашен как опытный преподаватель для работы в местном училище. На новом месте он также развернул активную краеведческую деятельность: экспедиции на Малую

Обь, Полуй, Васюганку, Надым, сбор естественно-научных и этнографических коллекций для Обдорского и Тобольского музеев.

Спустя шесть лет, когда Дмитриев-Садовников уже вновь жил в Тобольске, состоялось его путешествие на Северную Сосьву и Ляпин: в качестве этнографа и ботаника он принял участие в геологической экспедиции Академии наук и Тобольского музея. Эта экспедиция для Дмитрия-Садовникова стала последней: летом 1921 года он исчез в Тобольске во время расправы большевиков над участниками крестьянского восстания. Видимо, ему не простили сотрудничество с эсеровскими и повстанческой газетами...

Как отмечают его биографы - В.К. Белобородов и И.В. Игонина, им не удалось разыскать материалы об этой экспедиции.

Книжный проспект

Сергеев Д.А. Изнанка мира: Фантастические были. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — 304 с.

Книга писателя из Сургута Дмитрия Сергеева «Изнанка мира: Фантастические были» не оставляет равнодушным. Написана она живо и увлекательно, читается на одном дыхании. При этом не видно ни «старомодной» озабоченности ходом земной жизни, ни панорамы исторических зарисовок с глубоким проникновением в колорит эпохи, как это бывает у Кира Булычева или И. Ефремова.

Лишь в были «Ложная дверь» явно ощущается атмосфера фантастики: «Трансляция прекращается!» — закричал ведущий программы, трижды хлопнув в ладоши. Большинство висевших в воздухе голов тут же испарилось, но особо любопытные исчезать не торопились. Тут же по площади побежали солдаты с длинными палками, на бегу нанося удары по оставшимся головам и громко выкрикивая: «Прекращается! Прекращается!». Головы быстро прятались. Андрея так поразило это

зрелище, что он не успел вовремя среагировать и сам получил палкой прямо в лоб».

Безусловно, это находка — описать, как герой произведения смотрит трансляцию, засунув голову в пустое ведро. Но житейская ирония, которая пронизывает почти все «были», превращает их попросту в фантастические байки. Произведения, мне кажется, пестрят «митьковскими переборами». Тем, что на жаргоне называют «стебом»: «В углу на стоящем вертикально бревне было горизонтально укреплено чуть заржавленное железное ведро, из которого во все стороны торчали металлические прутья. «Телевизор», — проследив взгляд Андрея, пояснил старик».

Дмитрий Алексеевич в книге мало заботится об обоснованности описываемого. Обыкновенный чемодан оказывается входом в чужой мир («Дело о черном чемодане»), нарисованная на стене избы дверь — дверью опять же в параллельный мир («Ложная дверь»). Ну и что...

Из-за того, что большинство описываемых событий развивается в параллельных мирах, вся книга воспринимается как одноэтажное здание с низким

потолком. Она «страдает плоскостопией».

Тому же, кто хотя бы немного знаком с физикой микромира, ясно, что проникновение в параллельные миры, если такие и существуют, — задача еще более нереальная, чем путешествия во времени или «проколы пространства». А ведь хорошая фантастика всегда сильна своей правдоподобностью.

Сергееву, пишущему в «постклассической» манере, нет нужды обременять себя важными и интересными техническими подробностями устройств, позволяющих путешествовать во времени, как это делал Герберт Уэллс в «Машине времени».

Судя по словам Доктора из «Точки возврата», машины времени — «просто чепуха». «Путешествовать во времени можно, только используя потенциал человеческой психики, ее особую энергию». Странное, надо сказать, предположение. Это не фантастика, а домыслы, ничем не подкрепленные.

В произведениях мастеров фантастики всегда ощущаешь дыхание бескрайнего космоса. Манящего и отталкивающего. Человек наедине со светилами. Вспомните только магию названий лучших фантастических произведений: «Магелланово облако», «Пасынки Вселенной», «Туманность Андромеды»

Звездного неба в книге «Изнанка мира» вовсе нет. Для меня

это казус. Все происходит под крышкой стола. «Вот тоннель разветвляется. Доктор ведет налево. Еще разветвление — теперь направо. Да, этот подземный лабиринт — долгий ночной кошмар, который много раз водил Дениса по своим запутанным переходам и лестницам, соединяющим разные уровни однообразных тоннелей».

Душа же просит иных миров. Новой Аркадии, быть может!

Фантастическая быль «Фобос» стоит особняком. Писатель попытался передать в быль нечеловеческий взгляд, нечеловеческое мышление. Трагическое непонимание существа и человека. Фобос, огромный спрут, «не знал, кто он такой, как попал в залив, когда, откуда и зачем

Оттуда, где громоздились гулкими корпусами плавающие вместилища, набитые копошащимися двуножками, доносились различные шумы

Он надолго залегал на холодное дно лабиринта, и в его оглушающе тихом мраке ему вновь начинало казаться, что было время, когда он был не одинок

Из нее (лодки — В.М.) высыпались двуножки и, попадав в воду, задрыгали ножками, замахали передними лапками. Фобос высмотрел среди них черного и, захватив его, приблизил к себе. Тот отчаянно забарахтался, не давая себя рассмотреть. Тогда Фобос неподвижно зафиксировал его перед собой, вытянув за верхние и нижние

конечности. Но верхние оказались настолько непрочно прикрепленными к туловищу, что тут же выдернулись из него».

Вспоминаются иные строки, написанные раньше: «Помню только непонятный шорох вокруг меня так много удивления было в моем шаге, который я переступала порог».

И тогда в неслышном, еле осязаемом звуке будто лопнувшей во мне струны я почувствовала наплыв своего пола, такой внезапный, что у меня закружилась голова

Сочленениями своих щупальцев я оперлась на края открытого настежь тела вылезла из нее. Обводы гладкие, жестокорылые, насекомоподобные». Серебристая огромная саранча мчалась через поля и села. Если животные не уступали ей дорогу, «прошивала их насквозь, под треск костей и бульканье красных струек».

Мне надо было настичь его (своего бывшего кавалера — В.М.) не слишком быстро и не совсем внезапно, ибо он должен был почувствовать все, что его ожидает Я не знала, чего хочу — убить или только познать».

Конечно же, это «Маска» Станислава Лема. Загадочное и, когда только было написано, сверхмодернистское произведение. Что его отличает от «Фобоса»? Во-первых, у этой повести «мощный» исторический колорит (балы, наряды, легенды-слухи). Во-вторых, существо — жен-

щина-саранча — претерпевает ряд страшных и захватывающих метаморфоз, тогда как спрут Фобос статичен, един в своем теле. В-третьих, утонченный психологизм. В-четвертых, в произведении есть белоствольные березы, более яркие и рельефны цвета, запахи, звуки. Что ни говори, а «Маска» на две головы выше «Фобоса», хотя попытку Сергеева описать нечеловеческое можно только приветствовать.

И вот почему. Говорят ученые, прогнозирующие будущее нашей цивилизации (можно прочесть хотя бы «Сумму технологий» того же Лема). Если человечество не погибнет от укрощения окружающих его стихий, оно перейдет в фазу автоэволюции — совершенствования себя. Собственно, уже светает. Вспомните хотя бы Институт трансплантологии в Москве, подзаряжающиеся от сети искусственные почки, первые удачные опыты клонирования. Мне думается, описание нечеловеческого в фантастических произведениях выполняет адаптивные функции для пока-человеческого сознания.

Можно еще долго разбирать достоинства и недостатки былей Сергеева, их динамичность и похожесть одна на другую героинь, юмор и «бытовизм» на каждом шагу. Книга все же получилась Живой, человеческой. Не похожей на монументальные механические саги и триллеры.

А «Маска»? Что ж, быть может, Сергеев напишет другую.

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. Постоянный автор журнала «Лукич».

Над вечным покоем **Из истории** **тюменских кладбищ**

Еще сто лет назад Н.М. Чукмалдин в своих воспоминаниях сетовал на короткую память тюменцев по отношению к бывшим городским головам Иконникову и Подаруеву: «мало развито у тюменских обывателей чувство памяти и благодарности».

Чукмалдин много путешествовал по миру и мог сравнить отношение к памяти предков в Европе и у нас. «Мне всегда казалось, — писал он, — в высшей степени ошибочным, что мы не делаем усилий запечатлеть в памяти подрастающих поколений имена людей, старавшихся о насаждении на их родине всего только полезного для народной жизни. Ведь это совсем не то, что блаженной памяти деятельность лиц мира откупной системы или позднейшая деятельность лиц, насаждавших возможно большее количество питейных заведений».

Н е так чтут свои местные таланты жители Европы. Любой город строит памятники, музеи, школы в память выдающихся людей в том месте, где прошла их жизнь и деятельность; любая провинция гордится именем выдающегося деятеля, уроженца этой провинции, и спешит издавать его биографию, рассказы из его жизни и деятельности.

Ах, если бы Тюмень явила пример исключения и учредила бы, ну хоть приходское училище, что ли, в память К. Н. Высоцкого¹.

Нет, такого не случилось.

По словам классика русской литературы В. Солоухина, «человек — явление социальное,

¹ Н.М. Чукмалдин. Письма из Москвы и Нижегородской ярмарки. Тюмень, 1898. С.4.

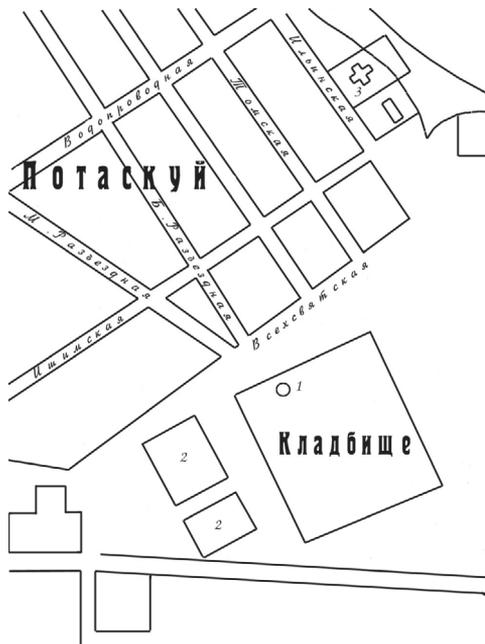
национальное, историческое, и как таковой он трехмерен. У него есть прошлое, настоящее и будущее. Без одного из этих слагаемых он не то что неполноценен, но его просто нет. Он есть как понятие физиологическое, жующее, пьющее, спящее, но его нет как понятия социального и национального»

Помним ли мы свое прошлое? Помним ли тех, кто не жалел ни своих средств, ни сил для благополучия нашего города?

Помнят ли в Тюмени городского голову Аврама Проскуракова, одного из инициаторов заведения в 1843 году в городской больнице первого термометра? Или Александра Петровича Россошных, тюменского купца, открывшего и отправившего учиться в Петербургскую консерваторию Андрея Лабинского, певшего затем на сценах Мариинского и Большого театров с Шаляпиным и Неждановой? Или Михаила Калистратовича Петухова, получившего на Всемирной выставке в Брюсселе в 1907 году Большую золотую медаль за искусственные фруктовые воды?

С горечью надо признать — большинству тюменцев эти фамилии неизвестны.

Кто сегодня скажет, где похоронен Иван Петрович Вой-

*Всесвятское кладбище
на плане г. Тюмени 1905 г.*

нов, построивший первый тюменский роддом? Где упокоились останки Андрея Ивановича Текутьева, построившего в Тюмени ремесленное училище, городскую больницу, в течение 25 лет содержавшего театр, организовавшего бесплатную Пушкинскую библиотеку? В 1916 году Текутьев был похоронен в склепе при Спасской церкви, но в первые годы Советской власти склеп был разрушен.

Где находится могила Кондратия Кузьмича Шешукова, построившего на свои средства

здание для женской прогимназии и уездного училища? Где лежит прах Прокопия Ивановича Подаруева, вложившего более 200 000 рублей для постройки в Тюмени здания реального училища, одного из лучших в России? Где похоронен Иван Васильевич Иконников, заложивший 150 лет назад украшение города — Загородный сад? Затерялись могилы художника Ивана Александровича Калганова, Василия Петровича Буркова, Николая Ивановича Давыдовского, почетного гражданина Тюмени, городского головы, врача Павла Ивановича Никольского.

Сегодня оказалось весьма проблематично найти могилу художника, краеведа Павла Афанасьевича Россомахина, умершего не так уж и давно — в 1956 году.

Долго пришлось рыться в метрических книгах, расспрашивать родственников коренных тюменцев, чтобы хоть частично восполнить пробелы в нашей памяти. Конечно, этого очень мало, но с чего-то всегда надо начинать.

Удалось установить, что на Затюменском кладбище² похоронены купец Иван Егорович Рыбин, его братья Илья и Михаил, первая акушерка, работавшая в первом родильном доме Терновская, польский повста-

нец, фельдшер Иосиф Васильевич Карнацевич³, тюменский I гильдии купец Г. Т. Молодых, уездный казначей Андрей Антонович Матусевич, бывший управляющий Западно-Сибирским пароходством Михаил Ефимович Дементьев, мой прадед — экипажных дел мастер Василий Ильич Калугин.

Согласно метрическим книгам Крестовоздвиженской церкви, место захоронения умерших в младенчестве сыновей Василия Ивановича Князева, братьев «красного звонаря» — Затюменское кладбище, а значит, и «тюменский гений» Константин Николаевич Высоцкий был похоронен там же.

На Текутьевском кладбище похоронены один из братьев Рыбиных — Павел Егорович и вся его семья, основатель колоколотейного завода Петр Иванович Гилев, поляк-фельдшер Александр Иванович Малиновский, владелец завода валяной обуви Петр Константинович Воробейчиков, управляющий казенным винным складом Иван Степанович Соллогуб, купец 2-й гильдии Матвей Антонович Вяткин, личный почетный гражданин, начальник станции Тюмень Александр Гурьевич Палкин, бывший городской голова, купец Петр Иванович Матягин. Здесь же находятся могилы Дмитрия

² В настоящее время не сохранилось.

³ Эту информацию мне любезно сообщил тюменский историк А.Н. Моношкин, правнук И.В. Карнацевича.

*Текутьевское кладбище.
Следы времени и... рук*

Епифановича и Анны Семеновны Машаровых — родителей Н.Д. Машарова, основателя и владельца чугунолитейного завода. На Текутьевском кладбище был похоронен еще до революции тюменский воинский начальник Владимир Яковлевич Куйбышев⁴, отец советского партийного деятеля Валерия Владимировича Куйбышева. Затерялась на кладбище могила одного из организаторов I съезда РСДРП в 1898 г. Виктора Алексеевича Вановского.

На Заречном кладбище похоронено большинство представителей некогда гремевшей кожевенной отрасли, в том числе известные Решетниковы и Колмогоровы, Шуваловы и Котов-

щиковы, здесь же похоронены подданные Великобритании Вардропперы. Интересно, что когда в июле 1915 года умерла вдова Агнеса Вильгельмовна Вардроппер, несмотря на то, что она была лютеранского вероисповедания, «с пением «Св. Боже» была провожена на Заречное кладбище

священниками Иоанном Страховым и дьяконом Макарием Огибениным»⁵.

Сразу надо сделать оговорку, большинство перечисленных захоронений известны лишь теоретически, точнее, по документам, конкретное местонахождение могил неизвестно ни автору, ни родственникам умерших.

Было бы несправедливо считать забвение и вандализм явлениями, присущими только тюменцам, это явления всероссийского масштаба его, можно даже назвать нашей национальной чертой, начало которой было положено не в советский период, хотя именно этому времени мы обязаны массовым

⁴ Только благодаря помощи Л.Н. Киселевой удалось найти могилу В.Я. Куйбышева, которую безуспешно искал в течение нескольких дней. Эпитафия на могильной плите которого гласит: «Вечная память дорогому мужу и любимому отцу. Дети твои тебя не забудут и будут такими же честными тружениками, как был ты. В этом твоя награда».

⁵ ГАТО. Ф.И-254. Оп.1. Д.137. Л.118 об.

разрушением старого мира. И сто, и двести лет назад наши предки так же непочтительно относились к отеческим гробам, как позже и над их могилами надругались их потомки.

Свидетельством может стать цитата из романа «Отцы и дети» Тургенева: «Как почти все наши кладбища, оно являет вид печальный: окружающие его канавы давно заросли; серые деревянные кресты поникли и гниют под своими когда-то крашенными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их подталкивает снизу; два-три ошипанных деревца едва дают скудную тень; овцы безвозбранно бродят по могилам».

К началу XX века в Тюмени было четыре городских кладбища, причем одно из них уже закрытое для захоронений и одно монастырское⁶.

1) Заречное кладбище, приписанное к Вознесенской церкви, на своей территории имело и кладбищенскую церковь;

2) Затюменское кладбище, приписанное к Крестовоздвиженской церкви;

3) Старое городское, или Всесвятское, кладбище, приписанное к городским церквям Архангельской, Благовещенской, Знаменской, Спасской, Успенской, Ильинской, оно имело на своей территории

Всесвятскую кладбищенскую церковь. Сегодня на территории бывшего городского кладбища размещается часть корпусов 3-й городской больницы, новый корпус инфекционной больницы, роддом №4, частные жилые дома по обе стороны ул. Комсомольской на отрезке от ул. Свердлова до ул. Немцова;

4) Текутьевское кладбище, открытое в 1885 году, после закрытия Всесвятского;

5) Монастырское кладбище, находившееся на территории Троицкого монастыря. Из документов Государственного архива Тюменской области известно, что на нем были похоронены начальница Тюменской женской прогимназии М.Р. Клерикова, владелец лесопильного завода И.А. Новоселов, потомственный почетный гражданин Д.В. Назаров, врач, статский советник А. Гасилов.

За советский период три из пяти старых кладбищ были стерты с лица земли, два — стараниями людей. Это Всесвятское кладбище (ныне территория 3-й городской больницы) и Затюменское кладбище. Находившееся на берегу Туры монастырское кладбище постепенно обрушилось и вместе с могилами ушло в реку.

В данной статье главным образом рассматривается история

⁶ Были в Тюмени еще четыре холерных кладбища, временно открытые в период эпидемии холеры, по миновании надобности они были закрыты. Находились они: «близ Космаковской роши, за Тюремным замком и два в Затюменской части». Точное местоположение этих кладбищ неизвестно.

только двух тюменских кладбищ, Всесвятского и Текутьевского. Текутьевское было открыто после закрытия Всесвятского в 1884 году и явилось как бы преемником старого городского кладбища, почти 200 лет на этих кладбищах находили свой последний приют тюменцы.

Всесвятское кладбище — одно из старейших в Тюмени, точная дата его открытия пока не установлена, но известно, что в 70-х годах XVIII века кладбище уже существовало. Скорее всего, кладбище было открыто после указа Святейшего Синода 1771 года, запретившего погребение мертвых тел при церквях в черте города.

Документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Тюменской области, свидетельствуют, что на кладбище еще в XVIII веке по грамоте Тобольского архиепископа Варлаама была построена Всесвятская церковь: «состоящая за городом сим на учрежденном кладбище для отпевания умерших во имя всех святых церковь весьма обветшала крышею и прочим как-то на ней креста с маковицами и крыльцо распались и ограда недокончена по благословенной же покойного преосвященного Варлаама архиепископа Тобольского 1779 года октября 12 дня грамоте та церковь построена по прошению города Тюмени граждан с обязательством их как сперва украсить оную святыню обра-

*Текутьевское кладбище.
Уцелевшая часть памятника
инженеру-технологу Н. Андрееву*

зами с иконостасом, сосудами, иною церковною утварью удольствовать так и впредь всякими церковными потребностями снабждать, того ради всем правлении — определено».

Всесвятская церковь, вероятнее всего, была построена в начале 80-х годов XVIII века и вряд ли позже, потому что к весне 1806 года она уже успела обветшать «крышею и прочим».

Прежде чем приступить к ремонту обветшавшей церкви, на место для осмотра был направлен ремесленный голова, кото-

рый адресовал в Тюменскую городскую Думу рапорт: «В силу заключенной в оной Думе 5 числа резолюции ходили мы для осмотра ко кладбищенской церкви на ней обветшалости как то маковиц со крестами...».

Тюменский протоиерей Созонт Куртуков в своем послании в Тюменскую городскую Думу, датированном 30 апреля 1806 года, потребовал «дабы она благословила все вышепрописанные предупомянутой церкви обветшалости и недоконченную ограду прочным образом по надлежащим своим мерам поправить и о последствии сие правление уведомить для должного донесения его Высокопреосвященству».

Смета на ремонт была составлена на сумму 47 руб. 60 копеек.

Дело не стали откладывать в долгий ящик и 18 мая 1806 года «присогласовали на оную поправку употребить сто рублей с одних прихожан церкви Соборной, Архангельской, Спасской, Знаменской, Успенской, Ильинской. Кроме: Заречной и Затюменской, ибо о тех церквях имеются кладбища особые...». Подписали Степан Маслов, Михайло Шапошников, Иван Белозерцев и др., всего около 30 подписей.

Для повторного осмотра церкви были направлены ремесленный голова Дмитрий Телнов и плотничного мастерства старшина Сополов, ими

«оная церковь осмотрена и оказалось все оные вещи поправить долженствующими непременно, в оную поправку употребить 100 рублей».

Для сбора денег были составлены списки прихожан вышеназванных церквей. В списке прихожан Знаменской церкви, а полное его название: «Список учиненный города Тюмени Знаменской церкви священно и церковно служителями по Указу Тюменского духовного правления о жительствующих в том приходе разного звания мужского пола людях 1806 года», значится 281 душа мужского пола. В числе прихожан — купцы: Андрей Иванов Аласин, Петр Колмаков, Иван Иванов Решетников, Василий Спиридонов Иконников 48 лет и сын его Иван 15 лет.

В приходе Успенской церкви записаны дворяне Текутьевы, купцы Опрокидневы, Колокольниковы. В приходе Ильинской церкви значатся купцы Иван Иванов Гилев, Михайло Шапошников, Степан Лукин Маслов.

На ремонт деревянной кладбищенской церкви денег так и не собрали. Через два года, 12 июня 1808 года, в Тюменскую городскую Думу из Тюменского духовного правления опять поступило послание протоиерея Созонта Куртукова. Жаловался благочинный, что «состоящая за городом на учрежденном кладбище деревянная церковь во имя всех свя-

тых обветшала крышею, и при том на оной кресты с главами и крыльцо и ограда развалились, да и сторожа при оной церкви не имеется».

Вновь городская Дума направила ремесленного голову Шапошникова и «плотничьих мастеров Андрея Ржанникова и Павла Фадюшина и Семена Черепанова» для определения объема работ и составления сметы.

22 августа 1808 года на заседании городской Думы было сообщено, что «тюменское купеческое и мещанское общество письменно присогласовали оную церковь поправить и употребить для того поправления сто рублей».

С другой стороны, Тобольская духовная консистория усилила давление на городскую Думу: «дабы оная церковь без присмотру повторно не подверглась какому-либо несчастному случаю определить к оной церкви сторожа доброго поведения».

Для того, чтобы собрать необходимые деньги на ремонт кладбищенской церкви, опять были составлены списки прихожан, но теперь уже не только городских церквей: Архангельской, Благовещенской, Спасской, Знаменской, Успенской и Ильинской, — а также списки прихожан церквей, находящихся в окрестностях города, что вызвало с их стороны не толь-

ко недовольство, но и сопротивление. Дело дошло до суда, разбирали его Тюменский земский суд и о своем решении уведомил городскую Думу.

«На сообщении оной Думы от 29 июля за № 165 о взыскании следующих на поправление кладбищенской церкви с прихожан, значущихся в приложенном при оном регистре волостей с каждой мужеского пола души по шести копеек денег, в сем суде определено. Хотя Тюменская градская Дума сделав свое положение о сборе денег на поправление кладбищенской церкви ограды и ворот также и на постройку вновь сторожки и наем сторожа, требует с прихожан, находящихся здешнего уезда, в волостях городских, крестьянской и ямской, переваловской и багандинской выслать с каждой мужеска пола души по 6 копеек, но поелику из сообщения Думы не видно, на каком узаконении основано сие ее положение или они имеют о сем особенное от начальства повеление, то без сего и по взыскание земской суд приступить не может, еще более, что таковой сбор есть противен именным Высочайшим Указам»⁷.

В принудительном взыскании денег на ремонт кладбищенской церкви городской Думе было судом отказано: «дано знать как о устройении при церквях на счет прихожан сторожек в сообщении консис-

⁷ ГАТО. Ф.И-2. Оп.1. Д.1085. Л.46.

тории никакого закона не помещено, без которого возложить сии новые повинности губернского правления нико-го не может».

Одновременно с этим со стороны полиции тюменским городничим было назначено освидетельствование тюменских кладбищ, для чего был послан прапорщик Политов совместно с членом духовного правления.

На основании донесения Политова городничий направил в Тюменскую городскую Думу письмо. «Во исполнение Указа губернского правления с прописанием Высочайшего повеления, — писал он, — касательно до того, чтоб тела умершие углублять не менее двух аршин с половиною; а поелику на здешних кладбищах в зимнее время похороненные весьма мелко закопаны, от чего могут быть испарения и вредный воздух На Заречном тюменском, то есть рекой Турою по наружности мертвых тел не оказалось, а при том от неисправности при тех кладбищах входящие ворота при всех попадали. А за рекою Турою и состоящая ограда в ветхости и падению многие части воспоследовали; а сверх оных были с упомянутых клад-

*Текутьевское кладбище.
Фамильная могила Машаровых.*

бищ усмотрено в недалеком расстоянии от оных закопанных не-малое количество мертвых тел, а какой они религии были люди неизвестно»⁸.

Городской Думе предлагалось принять меры «дабы кладбища все исправить загородью и воротами, дабы скот и звери не могли ходить и вредить погребенных; к тому же отрядить от Думы члена с рабочими людьми кости человеческие закопать, велеть землю на могилы больше набросать, дабы хотя по поверхности прикрыть».

⁸ ГАТО. Ф.И-2. Оп.1. Д.1085. Л.3.

*Текутьевское кладбище.
Памятник на могиле тюменца
Бражникова.*

Но кладбища и Всесвятская церковь остались без ремонта, и вот уже 21 июня 1811 года тюменский городничий опять пишет в Тюменскую городскую Думу: «Как за рекой Турой кладбище разгорожено и со всех сторон открыто, так что по могилам здесь свиньи и собаки бегают, могут тела разрывать, от чего сохрани Бог, может последовать вред».

В городской Думе на заседании 27 июня 1811 года при-

звано, что «всякое заведение в церквях, равно и поправка оных, производится добровольным складом денег жителей. Налоги же для сего чинить незаконно». Думе судом было предписано, чтобы «поправка у кладбищенской церкви ограды, а равно и постройка при церкви сторожки произведена была посредством добровольной складки жителей».

С добровольной складкой денег вести ремонтные работы сложнее. Безусловно, какой-то ремонт делался, хотя и не в таком объеме, как было необходимо.

И. Завалишин, описывая Тюмень 60-х годов XIX века, был поражен состоянием старого городского кладбища и признавался, что «вправе был ожидать, что тюменское градское общество заботится об месте успокоения присных сердцу, ибо нельзя же почитать умершего человека тушей павшей скотины, которую спешат зарыть в яму, да и баста! Однако я нашел тюменское кладбище (и заметьте, что тут лежит вся местная аристократия) в страшно неряшеском виде! Даже только одна половина ограды сносная (впрочем, деревянная), а другая половина обвалилась, и что всего гаже — памятники обворовывают. Да! Буквально обворовывают, мне показывал это сам Иван Васи-

льевич⁹. На его фамильном кладбище, многократно уже обкраденном, теперь все украшения на железных заклепах! А место поэтическое, в роше близ Туры. Как бы таким богачам не оградить своего кладбища крепкой каменной стеной с воротами, не иметь хорошего караула, не разбить на кладбище дорожек, не насадить пахучих кустов, не обложить дерном могилы и не поделывать скамеек для отдыха? Повторяю: кладбища должны быть общественными садами, местом духовного общения живых с отшедшими, должны возбуждать успокоительные мысли а то развалины, навоз, святотатственные поломы и похищения с памятников!».

В 1884 году комитет общественного здоровья нашел, что городское кладбище в г. Тюмени окружено с трех сторон обывательскими кварталами, на кладбище мест для могил недостаточно, и «по сему признавая погребение умерших на городском кладбище безусловно вредным, по журналу, 19 сентября 1884 г. сделал распоряжение о воспреещении предавания земле тел усопших, на нахо-

дящемся в Покровском приходе городском кладбище»¹⁰.

Решение комитета было представлено тобольскому губернатору, который и сам, будучи в Тюмени в июле 1884 года, «обратил внимание местной администрации на близость, находящегося в Покровском приходе кладбища сплошь покрытого могилами, к жилым строениям, последствием чего могут являться неблагоприятные для народного здоровья последствия».

Запретив дальнейшее погребение усопших на Всесвятском кладбище, Тюменский комитет общественного здоровья, возбудил, вместе с тем, ходатайство об отводе места для устройства нового кладбища.

Со стороны Тобольского епархиального управления возражений по закрытию старого

*Текутьевское кладбище.
Один из разрушенных памятников.*

⁹ Иван Васильевич Иконников.

¹⁰ ГАТО. Ф.И-2. Оп.1. Д.503. Л.66 об.

кладбища в г. Тюмени не было, но ставилось условие, чтобы «место под новое кладбище, на основании указа Св. Правительствующего Синода от 9 апреля 1756 г. было отведено высокое и сухого грунта». Об этом тобольский губернатор сообщил городскому голове, предложив внести на рассмотрение местной городской Думы вопрос об отводе места под новое кладбище, и о последующем ему доложить.

Свободной городской земли под кладбище у города не нашлось, поэтому городская управа вышла с предложением к государственным крестьянам Тюменского округа Богандинской волости Букинского сельского общества об уступке земли под кладбище, граничащей с городскими землями.

Сельский староста Иван Григорьев Воронов представил в управу приговор Букинского сельского схода, составленный 1885 года мая 5 дня, следующего содержания.

«Государственные крестьяне Богандинской волости Букинского сельского общества, быв в общем собрании на сельском сходе в присутствии сельского старосты Воронова, име-

Текутьевское кладбище.

Одно из загадочных захоронений. Надпись на памятнике гласит, что девица Коновалова умерла в 1883 г., хотя кладбище открыто в 1885 году.

ли суждение по предложению Тюменской городской Управы об отводе тюменскому городскому обществу под кладбище земли в количестве десяти десятин, о чем с общего и добровольного согласия их, единогласно постановили в том, что они на предложение Тюменской городской Управы отвести тюменскому городскому обществу под кладбище землю согласны, но не иначе как за арендную плату по три рубля за каждую десятину в год, деньги же должны получить за десять лет вперед, то есть, по триста рублей, по заключении контракта во все продолжение времени до закрытия кладбища

Местность эту, которую они отдают в аренду под тюменское городское кладбище, лежит по правую сторону Сибирского трак-

та от межи земли купца Текутьева, с тем, чтобы на кладбище этом общественников их, то есть жителей деревни Букиной умерших, класть безвозмездно»¹¹.

Рассмотрев вышеизложенные обстоятельства, городская Дума на своем заседании 6 июня 1885 г. постановила: «так как у городского общества города Тюмени удобной земли, для отвода под кладбище не имеется, то поручить Управе на условиях, выраженных в приговоре Букинского сельского схода принять землю под городское кладбище от Букинского сельского общества».

Уже 3 июля 1885 года член управы Молодкин, городской секретарь Соловьев и исполняющий должность архитектора Цинке довели до сведения Управы, что «они вследствие поручения Управы прибыв совместно со старостой Букинского сельского общества Вороновым и выборщиками этого общества на место земли, где предполагено к открытию кладбище, приступили к измерению земли и оказалось: что в той местности, где предполагается к открытию на законном основании кладбища, количества десяти десятин земли, принадлежавшей Букинскому сельскому обществу не имеется и таковой имеется до 8 десятин».

Городская управа внесла в Думу предложение использовать городскую землю, приле-

жащую к этому участку земли, размером до 5 десятин.

Городская Дума, рассмотрев это предложение, отклонила его, мотивируя тем, что «если занять городскую землю под кладбище до 5 десятин, то чрез это в будущем может стесниться, до крайних пределов городской выгон».

Решение же было таким: «поручить Управе землю под нагорное кладбище, за плату 3 руб. за десятину в год, согласно постановлению Думы 6 июня принять и открыть такое на том пространстве земли Букинских крестьян, какое окажется при измерении возможным к принятию».

Постановлением городской Думы от 16 июля 1885 года новое кладбище, позже названное Текутьевским, было открыто, а между тем на Всесвятском проблемы с уходом за кладбищем остались, и не просто остались, а многократно усилились, поскольку Всесвятское кладбище было уже закрыто и не приносило дохода, а средства на его содержание требовались немалые. Фактически кладбище оказалось бесхозным.

Духовная консистория требовала от городской управы наведения на нем порядка, городская управа, не имея средств на содержание закрытого кладбища, настаивала на передаче его в ведение духовного ведомства.

¹¹ ГАТО. Ф.И-2. Оп.1. Д.503. Л.66 об.

Ярким свидетельством того, что закрытое кладбище было обузой для города и совершенно не было нужно духовному ведомству, является переписка между ними.

Из письма благочинного градо-Тюменских церквей священника Михаила Иноземцева от 8 января 1900 г.

«Во исполнение указа Тобольской духовной Консистории от 18 декабря минувшего года, сим имею честь покорнейше просить Тюменскую городскую Управу огородить кладбища».

В Тюменскую городскую управу от причта и старосты градо-Тюменской Ильинской церкви от 5 сентября 1900 г.

«На старом городском кладбище Всесвятской кладбищенской церкви, приписанному к Ильинской за последнее время было несколько покушений на ограбление церкви и были даже сняты с временно устроенной деревянной колокольни четыре небольшие колокола; кроме этого хищники разрушают памятники, похищают украшения с них, железные оградки, чугунные плиты и даже кирпичи от могил и разламывают кругом кладбища деревянные заборы, почему оказывается необходимым иметь там двух сторожей, так как одному находящемуся там сторожу нет возможности быть бессменно на карауле, да одному и опасно быть там, вследствие отдаленности кладбища от жилых строений.

А так как кладбищенская церковь бездоходная и не может на свой счет содержать караульного на принадлежащем городу и упрздненном кладбище, поэтому причт и староста Градо-Тюменской Ильинской церкви покорнейше просим Тюменскую городскую Управу назначить на кладбище второго сторожа с определением ему месячного жалованья до семи рублей».

Из Тобольской духовной консистории в городскую управу от 25 июля 1901 года:

«Указом Святейшего Синода от 27 июня сего года за № 4403 по делу об устройстве и управлении городскими кладбищами в Тюмени, предписано епархиальному начальству войти в сношение с местным городским управлением об изъятии из его владения и передаче в заведывание духовного начальства всех городских кладбищ г. Тюмени».

Из журнала заседаний Тюменской городской управы от 16 августа 1901 года.

«Из дела по устройству кладбищ в г. Тюмени усматривается, что в виду возмещения расходов, которые город несет по аренде земли у крестьян Букинского общества, городская Дума в собрании ее 30 октября 1886 г. постановила ходатайствовать перед Высшим Правительством о разрешении городскому Управлению взимать за места для могил на новом кладбище плату. На ходатайство это и последовало разрешение, как видно

из предложения господина Тобольского губернатора от 19 августа 1888 года. Но так как для управления кладбищами должны быть установлены и утверждены Св. Синодом правила, то для этого в г. Тюмени была образована комиссия, но решен ли вопрос в окончательной форме из дела видно и скорее всего, что вопрос этот остался неразрешенным до настоящего времени, так как городское Управление названным выше кладбищем не заведует, сборов за места для могил и ни за что другое не производит.

Из того же дела видно, что городские кладбища в городах Тобольске, Омске куда здешнее городское управление обращалось за справками, находятся всецело в распоряжении духовного начальства».

Постановление городской управы:

«Вышеизложенное предложение Тобольской духовной консистории представить на благоусмотрение городской Думы, доложив ей при том, что городская Управа со своей стороны полагала бы городские кладбища предоставить всецело в распоряжение духовного начальства».

*Текутьевское кладбище.
Чугунная плита на могиле детей
Н.Д. Машарова*

Постановление городской Думы от 6 ноября 1901 года:
«принадлежащие городу кладбища, поименованные в докладе городской Управы, передать в ведение духовного ведомства в будущем 1902 году, в том виде, в каком они есть в настоящее время, но без отчуждения земли, возврата израсходованных на новое кладбище 235 рублей 19 копеек не требовать.

Поставить духовному ведомству условием, чтобы оно в течение 1902 и 1903 годов предоставило бедным людям места для

могил бесплатно, а в будущее время когда будет установлена какая-либо плата за места, с бедных людей взымалась бы такая по их средствам, возможно меньшая, а в случае неимения средств давались бы места бесплатно и тогда»

Письмо в Тюменскую городскую управу из Тобольской духовной консистории от 8 января 1902 года.

«При обозрении Его Преосвященством, епископом Тобольским и Сибирским Антонием градо-Тюменских кладбищ во время поездки с 20 по 29 сентября 1901 года, замечено, что старое закрытое кладбище, находящееся ныне в черте городского населения в Ильинском приходе, с небольшою каменною церковью — обнесено ветхим дощатым деревянным забором, во многих местах погнившим, покосившимся и поломанным, так что чрез него удобен доступ на кладбище; оно все заполнено могилами, расположенными без всякого порядка, так что и проход между ними затруднителен; очень многие могилы осыпались, сравнялись с землей или даже образовали ямины; очень многие надгробные памятники от времени весьма обветшали, разрушились или частью разломаны и расхищены человеческими руками, так как по полицейским сведениям это кладбище служит в теплое время местом ночлега для, так называемых «золоторотцев», для их сборищ и для укрывания краденых вещей,

поэтому более ценные памятники расхищены систематически; так как это кладбище уже закрыто и более на нем покойников не хоронят, то доходности оно никакой не дает, а между тем требуется усиленный ремонт его ограды и усиленная охрана от дальнейшего наглого расхищения надгробных памятников, а также поддержание существующих памятников со стороны родственников почивших и благотворителей в сколько-нибудь приличном виде, поэтому следует предпринять капитальный ремонт кладбищенской ограды, меры к усиленной охране кладбища от дальнейшего расхищения надгробных на нем памятников и для поддержания кладбища в приличном сколько-нибудь виде».

Письмо причта и старосты Ильинской церкви от 25 апреля 1905 года в Тюменскую городскую управу.

«В 20 число сего апреля от неизвестной причины произошел пожар на старом городском закрытом кладбище, погорели некоторые кресты и надгробные памятники. Пожарною командою, прибывшею на кладбище, разобрано и разбросано несколько звен старой ограды с восточной стороны, которая сделалась открытой для скота, который каждый день наполняет кладбище, повреждая надгробные памятники и кресты. Сторож кладбища Андрей Туровинин предъявлял об этом городской Управе, то ему ответили, что все городские клад-

бища находятся теперь в ведении духовного ведомства.

Ввиду чего причт и староста Пророко-Ильинской церкви, в районе которой находится старое кладбище, считают своим долгом доложить городской Управе, что тюменской кладбищенской комиссией, утвержденной Его Преосвященством в 1902 году, в духовное ведомство приняты только три кладбища: новое городское, Затюменское и Заречное, а старое закрытое кладбище, как не приносящее никакого дохода и ограда его уже ветхая и во многих местах частью расхищаемая ворами, осталось в ведении городского общества. Протоиерей Д. Космаков».

Из ответа на послание Тобольской духовной консистории в Тюменскую городскую Думу от 17 марта 1907 года с очередной просьбой отремонтировать ограду закрытого кладбища.

«Согласно отношения Тобольской духовной консистории от 25 июля 1901 года за № 9840, основанного на указе Св. Синода от 27 июня 1901 года означенные принадлежащие городу тюменские кладбища переданы в ведение духовного ведомства».

*Текутьевское кладбище.
Могила, ставшая безымянной*

В Тюменскую городскую управу от ветеринарного врача Тюмени 3 апреля 1907 года.

«Клиенты Потаскуйского табуна жалуются, будто благодаря неогражденности старого кладбища и городской рощи, скот заходит туда и бывают случаи поранения».

В Тюменскую городскую управу от причта и старосты Ильинской церкви от 25 января 1908 года:

«В Ильинском приходе существует 2 кладбища: новое, на-

ходящееся за полотном железной дороги¹² около Тобольско-Ялуторовского тракта и старое при Всехсвятской церкви — последнее в 1884 г. как заполненное могилами закрыто для общественного пользования и в настоящее время погребение на нем допускается в особо исключительных случаях¹³

Кладбище это было огорожено заплотом, но последний в настоящее время стал ветхим и при том расширяется и разрушается (вероятно) живущими вблизи жителями «слободок». Хищению и разрушению подвергается не только ограда кладбища, но и надгробные памятники и оградки могил. Правда, подобное печальное явление наблюдалось и в прежние годы, но в незначительной степени; ныне же оно приняло такие большие размеры, что в настоящее время можно считать более половины расширенных заплотов. Виновники этого расширения оставались долгое до сего времени в неизвестности и только ныне 21 или 22 января околоточным надзирателем г. Смолиным

*Текутьевское кладбище.
Сейчас утановить, кому принадлежала
эта могила, кажется невозможным.*

было в одном из домов вблизи кладбища найдено несколько похищенных плах от ограды, часть которых была обращена уже в дрова, при чем был задержан и виновный, который согласно протокола был арестован. Виновный, (единственный из многих доселе остающихся неизвестными) понесет несомненно заслуженную кару, но будущее кладбища от этого не улучшится

Разрушение и хищение ограды и надгробных памятников и вообще неблагоустройство этого кладбища обращало на себя внимание и местной полиции, и Епархиального Преосвященного и, наконец, начальника губернии, коим в 1904 году было предложено городской

¹² Имеется в виду железная дорога, шедшая вдоль нынешней ул. М. Тореза.

¹³ Последнее, известное автору, захоронение на Всехсвятском кладбище, закрытом в 1884 г., было сделано 10 декабря 1908 года, тогда была похоронена некая Битюкова Мария Григорьевна, 80 лет.

Управе привести это кладбище в надлежащий вид; об этом же ходатайствовало пред городской Управой и духовное начальство. Со стороны городской Управы по этому вопросу последовал отказ, мотивированный тем, что все кладбища г. Тюмени в 1902 году переданы в ведение духовного начальства, которое и может содержать их в должном виде на средства, получаемые от платы за могилы.

Относительно приведенной мотивировки к отказу нужно заметить следующее:

1) В Тюмени существует 4 кладбища, из коих одно — старое при Всехсвятской церкви закрыто (для погребения жителей), а на остальных 3-х (Затюменском, Заречном и новом) производится погребение, при чем взимается установленная плата за могилы, на какую и содержатся сторожа и могильщики и эти кладбища не требуют от городского Управления никаких пособий.

2) Старое кладбище при Всехсвятской церкви, как уже было сказано, закрыто для погребения и потому не имеет дохода от могил, на который бы могло поддерживаться в благоустроенном виде. Церковных доходов от совершения богослужений в кладбищенской церкви (только по воскресеньям и праздничным дням) бывает недостаточно даже на покрытие необходимых расходов по церкви (отопление, содержание

трапезника, вино, просфоры и необходимый ремонт); о расходах же на поддержание самого кладбища, следовательно, не может быть и речи.

3) Кладбищенской комиссией в г. Тюмени, учрежденной Епархиальным начальством по заведыванию переданными городским управлением кладбищами, старое кладбище не было принято, как разрушенное и не приносящее дохода, на который бы можно было его содержать в приличном виде, — о чем городской Управе и было сообщено причтом отношением от 25 апреля 1905 года.

4) На основании ст. 5 Городового Положения, 701 ст. Уст. Врачебн. Т. XIII изд. 1892 г. обязанность огораживать и окапывать опустевшие (закрытые) кладбища, среди населенных мест находящихся, лежит *«на владельце земли, отведенной под кладбище»*, каковым владельцем должно быть признано городское управление. По смыслу закона кладбище составляет предмет общественного, но не гражданского права; а по ст. 717 того же Устава, запрещается обращать прежнее кладбище под пашню, или другим каким бы то ни было образом истреблять оставшиеся на оном могилы.

Ввиду всего вышеизложенного и принимая во внимание, что старое кладбище в настоящее время находится в самом жалком виде (ограда расхища-

ется, надгробные памятники уничтожаются), что средства у кладбищенской церкви на приведение его в должный вид и поддержание в таковом в будущем не имеется, — грешно пред Богом и преступно, ибо здесь покоится прах предков многих даже из доселе здравствующих жителей Тюмени и — что чувство уважения к праху предков и ближних закреплено для православных христиан священным обычаем на протяжении многих веков существования церкви».

В конце, подводя итог такому длинному и аргументированному посланию, причт Пророко-Ильинской церкви просил городскую управу:

«1) Принять старое кладбище по-прежнему в ведение города;

2) Устроить новую ограду вокруг всего кладбища с употреблением на это годного материала от старой;

3) Для охранения на будущее время ограды и надгробных памятников от расхищения и разрушения — установить надзор на кладбище чрез караульных под их ответственность».

После передачи кладбищ в духовное ведомство положение их кардинально не улучшилось, газета «Ермак», которую трудно заподозрить в симпатии к городским властям, поместила следующую заметку о Затюменском кладбище:

«Много раз уже указывалось на недосмотр и небрежное на-

блюдение на затюменском кладбище. Порядки отнюдь не изменились, а стали еще хуже. По кладбищу разгуливают лошади, топчут могилы и никому до этого нет дела. Когда завывание кладбищами лежало на обязанности городского управления, подобных безобразий не наблюдалось. Давно бы пора обратить внимание духовному ведомству на состояние кладбищ и употреблять поступаемый налог за могилы на благоустройство кладбищ, а не на другие потребности».

Оригинальное решение многолетней проблемы ограждения старого Всесвятского кладбища предложил Тюменской городской управе гласный городской Думы тюменский мещанин Алексей Петрович Ретин. 4 апреля 1908 года от него поступило заявление такого содержания:

«Многие из наших граждан заняты вопросом относительно старого кладбища, находящегося в Потаскуйском районе, заборы которого наполовину разрушены и неизвестно кем и куда растасканы, и многие также говорят, что нужно бы и непременно нужно эту разрушенную изгородь как-нибудь да восстановить. А так как городское управление нуждается в средствах, то я со своей стороны предлагаю устроить это так: место, примыкающее с северной стороны кладбища разбить на участки и раздать желающим

в аренду для постройки новых жилых помещений, и вопрос решен. Таким образом, кладбище наше будет загорожено без всяких затрат со стороны управления. Полагаю, что это устроить возможно».

Городская Дума поддержала мудрое предложение гласного Ретина: «Разделяя со своей стороны предложение гласного городской Думы Ретина городская Управа полагала бы при отдаче в аренду примыкающей к кладбищу местности поставить арендаторам обязательное устройство на их счет прочных заборов, которые и послужат для кладбища оградой.

Тогда Ильинскому причту останется наблюдение только за церковью и находящимися на кладбище надгробными памятниками; принять же обратно сказанное кладбище в ведение города было бы нарушением Указа Св. Синода от 27 июня 1901 года за № 4403».

Городская Дума на своем собрании 15 мая 1908 года постановила одобрить доклад управы.

Так появились дома с участками на четной стороне тепе-

Текутьевское кладбище.

Могила тюменского купца М.П. Патрушева

решней ул. Осипенко на отрезке от ул. Свердлова до места слияния улиц Осипенко и Комсомольской. Позже, уже в послевоенное время, улица Тобольская, ныне Комсомольская, прошла прямо по кладбищу¹⁴.

В 1910 году 26 октября в городскую управу обратился с заявлением указной муллы Тюменской городской мечети Салим Гирей Хайрутдинович Габитов, в котором он писал: «ввиду того, что мусульманское кладбище, находящееся рядом с русским, около ялаторовского тракта, уже почти совсем заполнено, покорнейше прошу городскую Управу отвести для погребений еще 150 кв. с. (30x50) рядом с теперешним местом»¹⁵.

Ему ответили, что по указу Св. Синода все кладбища пере-

¹⁴ На карте г.Тюмени 1937 года Всесвятское кладбище уже обозначено как парковая зона.

¹⁵ Там же.

даны духовному ведомству и в распоряжении городской управы они более не находятся, да и тем более, эти земли были арендованы у крестьян Букинского сельского общества.

12 марта 1911 года в городскую управу поступила просьба от настоятеля римско-католического костела Тюмени Будриса, в котором он от имени своих прихожан вышел «с ходатайством в городскую Думу об отводе участка земли при Текутьевском кладбище».

Католикам отказали по тем же мотивам, что и мусульманам.

Но к 1913 году и Текутьевское кладбище оказалось заполненным, и в Тюменскую городскую Думу последовало обращение благочинного градо-Тюменских церквей священника Михаила Зверева. В своем письме от 28 апреля 1913 года он писал: «Вынужден обратиться в городскую Управу с покорнейшей просьбой: не найдет ли она возможным расширить так называемое Текутьевское кладбище прирезкой к нему десятин трех земли. Кладбище переполнено могилами.

Если у города около кладбища нет земли, не найдет ли Уп-

*Текутьевское кладбище.
Гранитная плита на могиле
бывшего городского головы (1885–1889 гг.)
Петра Ивановича Матягина.*

рава возможным арендовать землю под кладбище у крестьян деревни Букиной. Граница земельных участков этих крестьян соприкасается с границами кладбища. Отводить место под кладбище где-либо в другом месте, вдали от существующего, едва ли будет приятно для горожан.

На возможное со стороны Управы заявление и указание мне на то, что на предмет аренды земли духовное ведомство может употребить суммы кладбищенских денег, честь имею доложить, что кладбищенские деньги расходуются во 1-х, на сторожей, а во 2-х, на благоустройство кладбища. Наконец, эти деньги имеют быть затрачены на предполагаемое устройство на кладбище храма, о чем уже возбуждено соответствующее ходатайство».

Обращение М. Зверева обсуждалось на заседании городской

управы 7 мая 1913 года, ее члены рассматривали возможность «расширить новое кладбище, что у Текутьевской мельницы». Но в конце концов управа и поддерживавшая ее Тюменская городская Дума порекомендовали благочинному самому договариваться об аренде земли под кладбище с букинскими крестьянами.

Прошло почти два года. В связи с тем, что в сентябре 1915 года истекла очередной десятилетний срок договора аренды земли под кладбище и возникла необходимость перезаключать договор аренды, в Тюменскую городскую управу 12 августа 1915 года поступило письмо от благочинного градо-тюменских церквей Петра Ребрина. Благочинный писал, что «срок последнего договора истекает 22 сентября 1915 года, причем Букинское общество предупредило Кладбищенскую комиссию, что при заключении нового договора, оно намерено повысить арендную плату до 25 рублей за десятину».

В течение 30 лет, начиная с 1885 года, арендная плата за землю, занятую Текутьевским кладбищем, составляла 3 рубля за десятину, но с началом мировой войны выросла инфляция, и букинские крестьяне повысили арендную плату.

Благочинный попросил городскую управу «заключить договор с Букинским обществом о

сдаче земель, занятых Текутьевским кладбищем на дальнейший срок и озаботиться увеличением названного кладбища путем принудительной прирезки» земель, а если арендный договор перезаключить не удастся, то «отвести участок земли для нового кладбища в районе ближайшем к Текутьевскому кладбищу».

Как развивались события дальше, остается только догадываться, документов более позднего времени выявить не удалось. Скорее всего, городская управа договариваться с Букинским обществом о расширении Текутьевского кладбища не захотела и дело «спустило на тормозах», а тут и революция подоспела. Ситуация кардинально упростилась. У крестьян дер. Букино спрашивать вообще не стали, земли стали народными, и, видимо, поэтому Текутьевское кладбище пережило свое второе рождение: прирезай земли, сколько хочешь. Хоронить здесь закончили в начале 60-х годов, когда город всюду стал расширяться от улицы Мельникайте в сторону района КПД.

Еще один вопрос: откуда пошло название — Текутьевское кладбище? Мне приходилось слышать две версии. Первая: кладбище названо по имени своего основателя — городского головы Текутьева¹⁶. Вторая:

¹⁶ «В 1906 г. купец А.И. Текутьев купил здесь землю для устройства последнего земного приюта усопшим землякам». См.: А.С. Иваненко. Прогулки по Тюмени. Тюмень: Слово, 1999. С. 51.

на этом кладбище похоронен Текутьев, один из самых известных людей Тюмени начала XX века. Но ни та, ни другая версии не нашли своего документального подтверждения.

Текутьевское кладбище было основано в 1885 году, когда А.И. Текутьев к городской власти никакого отношения еще не имел и не мог быть основателем.

Что касается второй версии, то она также не выдерживает никакой критики. А.И. Текутьев умер в 1916 году и был похоронен в склепе при Спасской церкви. Кладбище еще при жизни Андрея Ивановича называлось Текутьевским, и не просто в устной речи, но даже в документах.

Свое название Текутьевское кладбище получило благодаря своему местоположению. Дело в том, что под кладбище было отведено место, соседствующее с участком земли, принадлежащем Текутьеву, и находящейся на этом участке его мельницей. Кладбище сначала называлось «новое», затем в архивных документах начала XX века стало

встречаться название «кладбище, возле мельницы Текутьева», согласитесь, что это очень длинное название. Позже, в документах, оно фигурирует как «так называемое Текутьевское кладбище», и, наконец, стали называть его коротко и ясно: «Текутьевское кладбище».

Это в начале XX века любому тюменцу было ясно и понятно, что кладбище находится недалеко от заимки Текутьева, потому так и называется, но со временем не стало ни Текутьева, ни его мельницы¹⁷, а название так и осталось.

К 400-летию Тюмени часть Текутьевского кладбища (несколько десятков метров), прилегающую к улице Республики, превратили в парковую зону, и это не противоречит закону,

*Текутьевское кладбище.
Плита с могилы младенца Корякина.*

¹⁷ Мельница Текутьева находилась на территории теперешней сетевязальной фабрики, и ее кирпичный корпус до пожара в 1960-х годах занимали производственные помещения фабрики.

принятому Государственной Думой в 1996 году, строительство же зданий и сооружений на территории кладбищ запрещается тем же законом. Но на территории 3-й городской больницы, устроенной на месте бывшего Всесвятского кладбища, уже возведен новый корпус инфекционной больницы, строится многоэтажный жилой дом, заказчиком которого выступает та же инфекционная больница.

«Хотите здесь жить — звоните» — призывает объявление, висящее на фасаде строящегося дома. Правильнее было бы написать: «Хотите жить на кладбище — звоните».

Мой давний знакомый В. Каширин рассказал мне как-то два случая, касающихся старого Всесвятского кладбища.

Однажды, а дело было в 60-х годах, когда сам он был еще мальчишкой и жил в районе ул. Осипенко, произошел случай, запомнившийся ему на всю жизнь. Он с товарищами стал свидетелем того, как при проведении земляных работ по ул. Комсомольской ковш экскаватора, копавшего яму, вместе с землей извлек хорошо сохранившийся, еще долбленный гроб. Экскаваторщик, очевидно, был человек не суеверный, открыл свою находку, и взору замерших мальчишек предстал человеческий скелет с длинными, по всей видимости, женскими волосами. Вытряхнув содержимое на землю, экскаваторщик подобрал два

выпавших золотых колечка и, как ни в чем не бывало, продолжил работу.

Другой случай произошел гораздо позже, уже в 80-е годы. Во дворе одного из коммунальных домов по ул. Комсомольской жильцы дома наткнулись в своем дворе на кирпичную кладку склепа. Проломив сверху кладку, увидели, что образовалось отверстие, и, не раздумывая долго, стали использовать склеп как помойную яму.

Летом этого года мне удалось поговорить с пожилой женщиной, хозяйкой одного из домов на ул. Комсомольской, и вот что она рассказала.

Приехали они семьей в Тюмень в 1948 году, а в следующем, 49-м, начали строить свой дом на отведенном им месте. Их дом был построен одним из первых в этом районе. На мой вопрос, знали ли они, что здесь территория старого кладбища, она сказала: «Позже узнали, когда стали на своем огороде находить кости и черепа, даже на небольшой глубине».

Несколько лет назад, — рассказывала моя собеседница, — копали траншею под водопровод вдоль ул. Комсомольской и недалеко от ее дома, почти напротив ворот, строители наткнулись на кирпичную кладку склепа. Сломав верхнюю его часть и проложив трубы, все это закопали. После долгой паузы она сказала: «Тут все построенно на костях, — и продолжила:

— А судьбы у большинства жителей домов, построенных на территории старого кладбища, не сложились. Очень трудные судьбы, страшные смерти».

Является ли виной всему отрицательная энергетика кладбища, определенно сказать трудно, но моя собеседница уверена, что именно кладбище оказало свое влияние.

Расценив мои расспросы по-своему, эта усталая пожилая женщина напоследок нашей беседы с надеждой спросила: «А может быть, нас, наконец, снесут?».

Не хочется, чтобы люди, которые будут жить в новом доме по ул. Комсомольской, задавали когда-нибудь такие же вопросы.

На тюменских кладбищах лежит прах многих поколений тюменцев — известных и не очень, богатых и бедных, скупых и щедрых — все они были нашими земляками. Пусть же, наконец, их прах обретет покой.

Именно о людях давно ушедших поколений написал

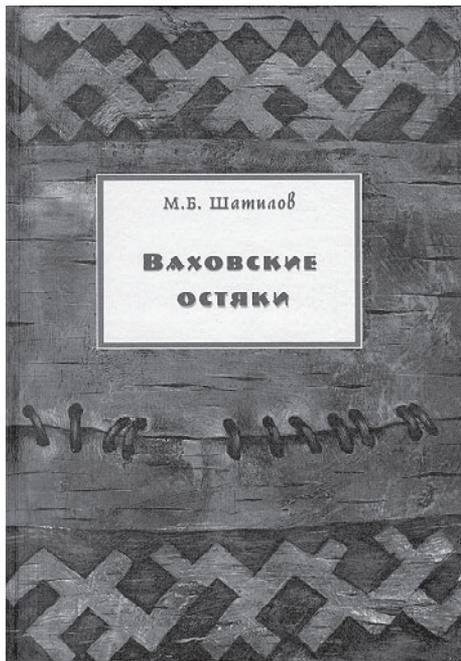
теплые слова С. Аксаков: «Вы не великие герои, не громкие личности, в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили, но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь также исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь в свою очередь будем любопытны и поучительны для наших потомков. Вы были такие же действующие лица великого всемирного зрелища, с незапамятных времен представляемого человечеством, так же добросовестно разыгрывали свои роли и так же стоите воспоминания. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь с вами ваше потомство. Оно встретило вас с сочувствием и признало в вас братьев, когда и как бы вы ни жили, в каком бы вы платье не ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!»¹⁸.

¹⁸ С. Аксаков. Собрание сочинений. Т.1. М.: Гос. изд., 1955. С.279.

Михаил Бонифатьевич Шатилов. «Ваховские остяки»*

Закрывая последнюю страницу книги М.Б. Шатилова «Ваховские остяки», мы ловим себя на мысли, что ваховский край — далеко не тот, ханты — не те, река — не та, леса — не те. Наоборот, открывая книгу, мы как бы переступаем порог иного мира, переходим из промышленно-индустриального мира в мир людей самой древней в мире профессии — охотников и рыболовов.

Переход от охотничьей культуры к индустриализации в иных местах занимает два-три столетия; в Сибири он осуществился в течение нескольких десятилетий. Произошла столь молниеносная ломка, что могла

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки/Под ред. С.Г. Пархимовича. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — 288 с. — (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»). — Книга издана по заказу Нижневартовского муниципального учреждения «Библиотечно-информационная система» (директор В.И. Чернышова).

При подготовке книги к печати предисловие к «Ваховским остякам» попросили написать профессора кафедры археологии и краеведения Томского гос. университета В.М. Кулемзина. Однако статья от него поступила в издательство слишком поздно: книга уже находилась в печати.

Нынешняя публикация — это присланная Владиславом Михайловичем статья для книги М.Б. Шатилова.

ее схватить лишь вспышка фотоаппарата.

Такой вспышкой и оказался М.Б. Шатилов.

Михаил Бонифатьевич родился 23 мая 1882 года в селе Смолянском Бийского уезда Томской губернии в семье священника; с 1898 года его жизнь связала с городом Томском, где он учился сначала в духовной семинарии, а затем, оставив ее, на юридическом факультете Томского университета. Здесь он стал активным участником так называемых потанинских вечеров, а идеями главных идеологов областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева он увлекся еще до приезда в Томск. Всех сторонников потанинских вечеров, где, кстати, нередко бывал и легендарный геолог В.А. Обручев, объединяла вера в обновление Сибири, культурный подъем коренного населения. Как и многие другие, М.Б. Шатилов незадолго до Февральской революции примкнул к партии эсеров, хотя активным ее членом никогда не являлся.

После Октябрьской революции, когда власть находилась в руках Сибирской областной Думы, как органа исполнительной власти (до выработки решений Всероссийского учредительного собрания), М.Б. Шатилов занимал пост министра по туземным делам Сибирского временного правительства. Вскоре Колчак расформировал «местное правительство». Пос-

ле нескольких арестов, начиная с 1920 года, органы ЧК оставляют Михаила Бонифатьевича в покое. Шатилов полностью отдается музейной работе, назначенный в 1 сентября 1922 года директором Томского губернского музея, оставляет кафедру туземного права и быта Томского университета.

Михаил Бонифатьевич становится одним из инициаторов создания Общества изучения Томского края, которое было учреждено 17 февраля 1925 года при Томском краевом музее. М.Б. Шатилов совершает ряд экспедиций, много работает в целях пополнения фондов музея, ведет большую лекционную и пропагандистскую работу. Это возможно было лишь при поддержке Комитета по делам народов Сибири и Севера, созданного при ВЦИК в 1925 году. В свою очередь, работы Михаила Бонифатьевича использовались как губернскими властями, так и комитетом.

Поездка к ваховским ханты в 1926 году относится к самому насыщенному периоду жизни Михаила Бонифатьевича; книга о результатах этой поездки была высоко оценена в центральных и местных научных кругах. Однако многие рукописные работы оказались безвозвратно утерянными.

10 августа 1933 года М.Б. Шатилов был арестован по обвинению принадлежности к «повстанческо-белогвардейской

организации» (ст. 58-2-11 УК РСФСР), а 5 августа этого же года был оглашен приговор: заключение в исправтрудлагерь сроком на десять лет. Более о нем ничего неизвестно, как и о судьбе его жены Ольги Александровны и двоих детей — сына Игоря и дочери Галины.

Со времени выхода книги М.Б. Шатилова «Ваховские остяки» прошло без малого семьдесят лет. За это время далеко вперед ушло сибиреведение и финно-угроведение. Появился и дал свои результаты комплексный метод исследований, сочетающий в себе археологию, этнографию, фольклористику. Наоборот, ряд вопросов и задач, которые занимали Михаила Бонифатьевича, стал компетенцией отдельных научных направлений, как религиоведение или культурология. Некоторые положения, догадки, аргументация, принадлежащие перу М.Б. Шатилова, не получили подтверждения. Современному исследователю нельзя забывать и о том, что Михаил Бонифатьевич не имел высококвалифицированной этнографической подготовки; не случайно его рассуждения о нор-

мах права, формах собственности несоизмеримо выше, чем этнографический или лингвистический экскурсы.

Большое значение для науки имеет приведенный экономический анализ материальной части культуры ханты. Многие из описанного М.Б. Шатиловым уже не сохранилось даже в 1960-х годах, т.е. до нефтяной эйфории, не говоря о сегодняшнем времени. Именно по этой причине книга М.Б. Шатилов «Ваховские остяки» никогда не потеряет своего значения для историков-краеведов, этнографов, музейных работников — сибиреведов в целом.

О М.Б. Шатилове и его произведении можно прочитать в сб. Из истории шаманства*. Томск, 1976, сб. Былое и новь. Томск, 1992 (ст. В.Д. Славнина «Михаил Бонифатьевич Шатилов»), сб. Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Т. VIII. Томск, 1995 (в этом сб. ст. Н.А. Тучковой «Фонды М.Б. Шатилова в краевом музее»), сб. Северная книга**. Томск, 1994.

* В указ. сб. фрагмент дневниковых записей М.Б. Шатилов «Из путевых заметок по Нарымскому краю».

** В указанном сборнике помещена рукопись «Драматическое искусство ваховских хантов», которая, судя по всему, принадлежит перу М.Б. Шатилова. Рукопись была обнаружена в фондах музея, но ее первая страница отсутствовала.

*Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь**

В 1885 году, отправляясь в Северо-Западную Сибирь, главным образом, с целью производства антропологических исследований над ее населением, я получил от Высочайше учрежденного Комитета по устройству в Москве Музея прикладных знаний поручение составить коллекцию по этнографии местного края. Принявши с удовольствием такого рода поручение, я старался везде, где только мог, доставать материалы и предметы, особенно имеющие отношение к промышленной этнографии, отдел которой существует в музее.

Низкий уровень культуры инородцев и не особенно высокий — местных русских служит причиной того, что и теперь предметами торговли с обеих сторон являются те же самые вещи, которые служили соединяющим звеном еще между древними новгородцами и прежними обитателями Зауралья — тот же пушной товар с одной стороны и метал-

лические изделия — с другой; только к мехам теперь присоединилась рыба, а к металлам — ситцы, сукна, водка, огнестрельное оружие и разные мелкие поделки. Как прежде, так и теперь, торговля ведется, преимущественно, меновая и главными деятелями здесь являются русские, потомки дружин Ермака; затем поселенцы прежних времен и настоящих — добровольные и невольные; наконец, евреи — одним словом, все обитатели Березова, Обдорска и вообще селений, расположенных по реке Оби и по ее притокам. В последнее время число торгующих увеличилось: стали ездить тобольские купцы, преимущественно ради рыбной ловли, но некоторые вместе с тем везут с собой и все припасы, необходимые в жизни инородца; стали среди самих инородцев встречаться такие, которые, познавши всю прелесть торговли и ее выгоду и имея несколько денег или доверие со стороны рус-

* Текст воспроизводится по изданию типографии А.А. Карцева, комиссионера Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (Москва, 1888). Комментарии к словам, имеющим цифровой надиндекс, приводятся по вышеуказанному источнику.

Помещая статью под рубрикой «Текст-раритет», редакция анонсирует издание книги С. Пархимовича и С. Турова «Выдающиеся тобольские и сибирские губернаторы», которая появится в свет до конца октября текущего года. — *Прим. издателя.*

ских, начинали собственное дело, но, главным образом, появилось из Зауралья множество зырян, которые понемногу захватывают в свои руки всю торговлю и делают опасными конкурентами русских и иных торговцев тем более, что по образу жизни зыряне имеют гораздо более общего с инородцами, особенно с оленеводами, чем русские, и это дает им, понятно, большое преимущество перед ними.

Определенных мест торговли, за исключением Обдорской ярмарки, происходящей в декабре и январе, не имеется, а обыкновенно при наступлении зимнего пути торговец, снарядивши двое — трое саней, а иногда и одни, нагруженные разными тканями, металлическими изделиями и, главным образом, водкой, отправляется по юртам и чумам и предлагает свои услуги, которые в это время принимаются довольно охотно, особенно если лето было удачным и рыбная ловля шла хорошо; затем второй объезд совершается в декабре, когда инородцы охотники вышли из лесов со своей добычей, а оленеводы уже пришли с отдаленного севера или с далеких гор, и, наконец, последний раз — весной, когда наступает пора наста, когда охотятся за лосями и дикими оленями, шкуры которых и приманивают торговцев. Летом очень нередко по рекам и речкам завозятся барки с мукой, солью, чтобы зимою было удобнее производить торговлю этими насущными теперь

для инородца припасами. У каждого торговца есть свои клиенты, с которыми он постоянно ведет дело, у которых он приобретает всю добычу и которых он снабжает всем, что им необходимо; такие клиенты обыкновенно всегда в долгу у своих благодетелей, которые употребляют все усилия, особенно часто это практиковалось прежде, чтобы завлечь еще свободного от долгов в долги, и раз это удастся, вырваться попавшему почти невозможно: по мере того, как он будет уплачивать старые, на него будут нарастать новые, и так до конца жизни, причем долги отцов переходят даже на детей, которые большей частью беспрекословно их выплачивают, боясь иначе причинить мучения своим родителям в зауробной жизни; только в последнее время, когда инородцы сделались более опытными, они стали отказываться от долгов отцов и дедов и освобождаться от опеки своих благодетелей, забирая в долг у одних и продавая свою добычу потихоньку другим; при той разрозненности и недоверии, которое существует между торговцами, это практикуется довольно успешно, тем более, что они сами часто подбивают инородцев обмануть своего доверителя, не показавши всей добычи, а только часть с тем, чтобы остальное продать им; результатом этого является то, что инородцы стали обманывать всех торговцев, а последние — друг друга. С одной стороны, это обстоятельство, с дру-

гой — уменьшение пушного зверя и увеличение числа торгующих вполне объясняют жалобы торговцев на упадок торговли и на их сравнительное разорение, тем более, что обороты, совершаемые в крае, вообще довольно незначительны; что хотя барыши на товары берутся громадные — до 100 и до 200%, но при редкости населения (до 10 и даже менее человек на квадратную милю), при его малых потребностях, у редкого торговца оборота бывают более 500 рублей в год, если только он не занимается рыбной ловлей, но это уже дело другое, обыкновенно же рублей 200—300, и поэтому, действительно, заработки не особенно велики.

Выехав из Москвы в мае и вернувшись в апреле, я мог проследить постепенно течение жизни инородцев в зависимости от времен года, которые, как мы увидим ниже, имеют здесь громадное значение. Путь мой лежал через Нижний, Казань, Пермь, Тюмень, Тобольск, Березов и Обдорск; затем были посещены левые притоки Оби — Северная Сосьва с Сыгвой и правый — Казымь; был осмотрен Урал севернее истоков Печоры и тундра ради ознакомления с летней жизнью инородцев, особенно оленеводов. В ноябре и декабре, когда наступила пора уплаты ясака, ради которого инородцы съезжаются из самых отдаленных мест, куда в обыденное время или совсем нельзя пробраться, или только пешком, я посетил все

пункты, расположенные на Оби и Казыми, где происходила эта уплата. Места эти интересны не только в смысле ознакомления с самими жителями, но, главным образом, как центры, где происходят главные столкновения между русскими и инородцами. Торговли здесь большой не бывает — торговцы уже заранее все приобрели, здесь происходит только при посредстве часто властей, а иногда и без них, уплата старых долгов, приобретение новых, наем в работу и отдача в аренду рыболовных угодий. Поводов к столкновению много: то русский насчитает лишнее, то инородец забудет свой долг, то наймется раз на лето к двум хозяевам и с обоих возьмет задатки, то угодыя сдаст нескольким лицам, а потом жалуется, что ему нечем подать платить. Прежде всего, конечно, взыскивается ясак, затем казенные долги — за муку, соль и порох, продаваемые из казенных амбаров, и, наконец, уже частные. Большею частью у инородца не хватает на уплату не только частных, но и казенных долгов, поэтому если у него имеются какие-нибудь угодыя, которые желают снять в аренду русские, то сейчас же происходят торги, и часть полученных денег идет казне, а остальные кредиторам, но обыкновенно дело обходится без торгов, потому что прежний кредитор берет на себя долги своего должника и взамен этого оставляет за собою его угодыя, по выгодной, конечно, для себя цене; но одними

угодьями дело кончается редко: вместе с ними сдается, если можно только так выразиться, и сам владелец, нередко со всей семьей, так что он является работником на собственных угодьях за самую низкую плату: за все время рыбной ловли — с половодья до заморозков, т.е. приблизительно за 4—4¹/₂ месяца, он получает 18—25 рублей, причем, кроме того, хозяин обязан ему выдать пару сапог — бродней, в которых ловят рыбу, верхнюю одежду из грубого солдатского сукна, да давать по фунту в месяц махорки. В продолжение лета забирается, конечно, больше условленной платы, опять накаплиются долги, опять на следующее лето идти в работу — если не по своей воле, так по воле начальства. И идет так из года в год и конца не видать!

Некоторые из торговцев и промышленников, видя, что промыслы все более и более падают, что инородцы стали обманывать не хуже, чем их прежде обманывали, готовы были бы прекратить все торговые сношения с ними и заняться только рыбопромышленностью, но боязнь окончательно потерять тогда все долги удерживает их от этого и заставляет их, к сожалению, продолжать оставаться опекунами над местным населением, которое до того, впрочем, к этому привыкло, что, предоставленное теперь самому себе, оно, наверно, в продолжение многих лет стало бы терпеть сильную нужду.

В конце декабря я отправился на Обдорскую ярмарку, интересную в том отношении, что сюда приезжают к этому времени все низовые инородцы, как остяки, так и самоеды, с той целью, чтобы, уплатив ясак, продать скопленную почти за год добычу и сделать себе запасы вплоть до следующей ярмарки. Благодаря тому, что в низовых тундрах торговцев в продолжение года почти не встречается и только теперь стали появляться зыряне; благодаря тому, что на севере и припасы получше, и оленьих стад побольше, на ярмарку приезжает много торговцев со всего течения Оби и Иртыша, и это время — самое горячее по торговле из всего года. Обдорск представляет из себя последнее русское селение с пустынными окрестностями, с небольшими перелесками, которые отделяются друг от друга или болотистыми пространствами, или тощими полярными кустарниками, растущими на плотной почве, покрытой ягельными и мхами, к которым только летом присоединяется морошка, и то встречаемая здесь не в таком обилии, как в местах более южных.

Летом половина домов в Обдорске заколачивается, так как их хозяева целыми семьями на несколько месяцев отправляются на рыбную ловлю, и только осенью, когда все рыбопромышленники возвращаются назад, Обдорск является таким же оживленным, как и во время ярмарки, до нача-

ла которой у местных хозяек масса работы: они все заняты печением хлеба в виде ковриг, которых выпекалось прежде до 100000 штук, а теперь до 30—40000. Эти ковриги готовятся для инородцев-оленоводов, которые понемногу, с наступлением холодов, начинают подвигаться к югу, где их олени находят не вытоптанной еще корм. Как печется хлеб, нетрудно догадаться — было бы побольше, а то все съедят у себя в тундре — все равно берут запас на год. Вот это-то обстоятельство, сходжение раз в год, и служит главной причиной значения Обдорской ярмарки, поэтому с тех пор, как только в тундре появились наезжие торговцы, как только инородцы стали приходить в другие места, помимо Обдорска, за сбытом своих продуктов и за покупкой чужих, тогда значение Обдорска стало падать, и в настоящее время его обороты сократились более чем вдвое. Остановившись от Обдорска на расстоянии нескольких верст, иногда даже двух—трех десятков, инородцы днём приезжают в село и начинают понемногу расторгиваться и совершать покупки. Целый год трудился и работал инородец, не видал часто за это время лица человеческого, не мудрено поэтому, что хочется отдохнуть ему. И вот начинаются попойки, уносящие с собой большую часть привезенных шкурок, моржового и мамонтового зуба и других предметов. Проживши в окрестностях Обдорска недели три—четыре,

сделавши все, что ему надо, инородец идет опять в тундру, подвигаясь все ближе и ближе к северу затем, чтобы при наступлении холодов, опять повернуть на юг. Причиной такого движения служит масса мушкары и комара, которая летом мучит оленя и заставляет его искать более удобных мест, а такими-то и являются возвышенности и морские берега, освещаемые ветром, прохладным от плавающих в океане льдин.

Я не буду говорить здесь подробно об ярмарке — это будет сделано впоследствии, скажу только несколько слов о местном населении и затем перейду к описанию привезенных вещей, составляющих в настоящее время собственность музея.

Население Северо-Западной Сибири довольно смешанное; не говоря про русских и зырян, здесь сталкиваются три народности: самоеды, остяки и маньзи, которые прежде играли гораздо большую роль, чем это суждено им теперь. Остяки населяют, главным образом, среднее и нижнее течение реки Оби с ее притоками и низовья Иртыша; самоеды живут по низовым тундрам, бродят со своими стадами по берегам Ледовитого моря и его островам, а маньзи, известные у прежних писателей под именем угров, или югров, и называемые местными русскими остяками, составляют население рек Северной Сосьвы, Сыгвы с их притоками; по типу, языку, обычаям и религии это есть не что иное, как те вогулы, остатки

которых теперь встречаются в виде нескольких семей в Верхотурском уезде Пермской губернии.

По мере приближения к востоку, т.е. к Оби, и к северу, т.е. к Ледовитому морю, маньзи все более и более теряют свою чистоту, так как на востоке замечается смешение их с остяками, а на севере — с самоедами. Следы подобного смешения видны вообще между всеми тремя народностями, и оно вполне понятно ввиду тех частых браков, которые заключаются между их представителями. С одной стороны, это обстоятельство, с другой — одинаковые условия жизни производят то, что в нравах, обычаях, занятиях, в одежде, в принадлежностях домашнего быта, в пище замечается масса общего, что необходимо иметь в виду при рассмотрении привезенных вещей, которые все делались на месте и руками инородцев; вещи

эти частью приобретались за деньги, частью выменивались на разные предметы, захваченные мною из Москвы, причем, не зная точно потребностей местного населения, я захватил, между прочим, с собой партию серег и ножниц, но, к моему удивлению и сожалению, и то, и другое пришлось раздарить русским, так как из инородцев никто их не брал: вместо ножниц они все делают ножом, а вместо серег проделывают, и то очень редко, сквозь мочку ушей ремешки с нанизанными на них бусами, бисером и медными цепочками.

В последующем отчете, более обширном, чем этот предварительный, будут подробнее разработаны многие вопросы, которые здесь лишь только намечены и для решения которых имеются материалы.

Перехожу теперь к описанию коллекции.

Описание привезенных вещей

При составлении коллекции имелось в виду представить полную картину обстановки жизни местных инородцев, поэтому в ее состав вошли вещи не только местного происхождения, но также и привозные, которые употребляются инородцами и получают ими от русских или зырян. Составление такого рода коллекций — дело в высшей степени скучное и кропотливое, но в настоящее время, когда всякий мало-мальски большой му-

зей имеет уже различные вещи, особенно бросающиеся в глаза и отчасти характеризующие ту или другую народность, необходимость в коллекциях систематических, вполне рисующих жизнь, очевидна, и тем более теперь, когда замечается усиление ассимиляции племен; когда, вследствие постоянных сношений, теряется самостоятельность народа; когда у него появляется более заимствованного, чем своего.

Русские этнографические музеи имеют перед собою завидную цель — сохранить для потомства следы исчезающей самостоятельности каждой народности, входящей в состав империи, и в этом отношении они находятся в лучшем положении, чем музеи иностранные, так как перед ними гораздо большее поле деятельности.

Время собирания курьезов, отдельных, ничем не связанных, фактов исчезает, и наступает время систематизации и сравнительного метода.

При описании вещей, входящих в состав привезенной коллекции, я буду придерживаться

разделения на группы, хотя, конечно, провести точно везде это разделение часто не только трудно, но даже и невозможно.

Привезенные вещи группируются следующим образом:

1. Одежда, материалы, из которых она готовится, и инструменты, при этом употребляемые.

2. Принадлежности охоты и рыбной ловли и инструменты, употребляемые при их приготовлении.

3. Принадлежности домашней обстановки.

4. Пища, лекарства и краски.

5. Предметы, имеющие отношение к религии.

1. Одежда, материалы, из которых она готовится, и инструменты, при этом употребляемые

Одежда инородцев Северо-Западной Сибири не бывает везде одной и той же: в местах, где по соседству постоянно живут русские и зыряне, или где они бывают наездами, там у инородцев часто встречаются принадлежности одежд, приготовленные из русских товаров — ситцу, сукна; там носят нередко зырянские чулки с поясками и русские сапоги с полушубками. Инородцы-оленеводы делают преимущественно свою одежду из оленьих шкур, летом выделанных вроде замши, а зимой прямо с шерстью;

не оленеводы же пользуются привозными материалами, получаемыми ими как от русских и зырян, так и от своих сородичей, раз дело идет о шкурах и мехах. Работают одежду сами, причем весь этот труд в семье лежит на женских руках, так как мужчины только в дороге, на рыбной или звериной ловле занимаются починкой разорванного, для чего у каждого из них всегда находится небольшой дорожный мешочек — *хум най сактас**, сделанный или из замши, или из сукна, и имеющий обыкновенно три от-

* Названия здесь приводятся на языке маньзов, причем дается подробное и точное наименование каждой вещи, что, как мне кажется, может принести известного рода пользу и лингвисту, и этнографу. В приводимых здесь словах употреблены в некоторых случаях надстрочные знаки, значение которых таково: тире — указывает, что известная гласная буква

деления, причем в одном помещается огниво — *уля кэр*, в другом трут — *тапьяк*, в третьем — трава для огнива — *тан'эв*, быстро вспыхивающая и заменяющая собой часто трут; растет по крутым берегам рек; в промежутках между отделениями находятся иголки — *юндыт*; нитки, сделанные из оленьих жил, *сали-тан* — и обыкновенно употребляемые при шитье, и которые лишь редко на Оби заменяются нитками, приготовленными из крапивы; подобный несессер помещается или в кармане штанов (единственная одежда, где есть карманы), или прикрепляется к поясу. Различить по одежде маньза, остяка и самоеда — дело невозможное, и только отчасти по типу, а, главным образом, по головному убору, можно сказать, кто маньз, остяк или самоед, так как самоеды стригут или, вернее сказать, режут (ножницы у них не в ходу) свои волосы очень низко, а маньзы и остяки или заплетают себе косы, особенно первые, или оставляют длинные волосы, распущенные по плечам. Различие между мужской и женской одеждой выражается, главным образом, тем, что женщины, начиная с момента половой зрелости (лет 14), носят прямо на теле особый пояс — *эва экыт* или *эва кась*, сделанный из кожи оленьей, ко-

ровьей или лошадиной, покупаемой за большие деньги; причем один ремень обхватывает талию, а другой, начинаясь от середины поясицы, идет между ногами и спереди пристегивается к пряжке, находящейся на первом ремне; между ним и телом всегда находится небольшое количество наструганного дерева — *тып ив оссых*, по-русски вотлепа, употребляемого ради чистоты; считается в высшей степени неприличным и обидным для женщины сказать в ее присутствии название этого пояса, точно так же и она сама, говоря про него, выражается всегда описательно; расстегивать самой для мужчин пояс считается позором, и на это рискнет только самая отбойная; в старости, после прекращения менструаций, его иногда снимают, а иногда носят до смерти; ремни обыкновенно украшаются в большом количестве бисером и бусами. Женские рубашки — *эва сүн* гораздо длиннее мужских — *хум сүн*, доходят немного ниже колен и имеют часто подол, рукава — *тайт* и ворот — *сылю*, обшитые бисером и бусами, тогда как у мужчин, и то только у наиболее зажиточных, обшивается один ворот; женские штаны — *эва соуэ кас* или *омсям* делаются длиннее мужских, причем все-таки редко оканчиваются ниже

произносится как долгая; запятая, поставленная над буквой х, указывает, что это х надо произносить с придыханием, как, например, оно произносится в слове Господь, та же запятая, поставленная над буквами нг или гн, служит указанием на носовое произношение этих звуков, отчасти напоминающее произношение, например, французского слова *oncle*.

колен и имеют затем как бы нагрудник, закрывающий грудь; надо только оговориться, что штаны, как у мужчин, так и у женщин, не составляют какой-либо необходимой принадлежности одежды даже зимой, то же касается до лета, то тогда большею частью весь костюм состоит из рубашки, обуви, да и у женщин к этому прибавляется еще их пояс. Мужские зимние сапоги — *хум ерн уай* имеют спереди поперечную тонкую полоску белого, а иногда и темного цвета (смотря по тому, из каких шкурок сделаны вообще сапоги — полоска бывает всегда другого цвета, чем они), между тем как у женских — *нэ ерн уай* этой полоски не бывает; женские летние сапоги *нэ-соуэ вай* имеют спереди ремешки, связанные в виде креста, ниже которого расположена поперечная полоска в виде одного креста X, а мужские — *хум соуэ вай*, в виде двух крестов^x. Есть еще одно различие между принадлежностями мужского и женского костюма — это в ноже, который у женщин — *эваказай* бывает всегда гораздо шире, чем у мужчин — *хум казай*, и притом подвешивается не к широкому кожаному поясу с разными украшениями, как у мужчин, а просто к широкой красной или пестрой тесемке, приобретаемой, большей частью, у зырян; подобный нож сопровождает женщину всегда в дороге, и часто даже дома она с ним не расстается. Существенного различия между одеждой жен-

щины и девушки нет; можно принять только за правило, что одежда девушки всегда роскошнее (сравнительно, конечно) одежды женщины, потому что у ней гораздо больше разных украшений, чем у женщины, и что головные платки — *нуңг* тор, делаемые из ситца и обшиваемые бахромой из ниток, девушками носятся гораздо реже, чем женщинами, и если они надеваются ими, то исключительно ради предохранения головы от непогоды, тогда как женщины носят их, главным образом, с целью скрывать свое лицо от старших родственников мужа и от почетных гостей (факт в высшей степени интересный и который служит, вероятно, остатком обычая тех времен, когда существовало право старшего в роде); платок этот накидывается прямо на голову и не подвязывается под подбородком, благодаря чему он часто скользит с головы и его приходится постоянно поправлять.

Зимний костюм вообще состоит из малицы — *мольсян*, шубы в виде сорочки до колен, надеваемой через голову, шерстью вовнутрь, с пришитыми рукавицами, шерстью наружу, и иногда с прикрепляемой шапкой, слеланной из шкуры новорожденных оленей — *пазых*; иногда подобной шапки не бывает, и она заменяется стоячим воротником из шкуры старого оленя, только что вылинявшего; сама малица обыкновенно делается из так называемых маличных неплуев, т.е. молодых

олений, убитых в конце августа или в сентябре, тогда как просто неплюем — *неплюю*, называется молодой олень, убитый в июле или самом начале августа; подол малицы обшивается сперва несколькими тонкими полосками из оленьих шкур разного цвета шерстью наружу, а затем оканчивается широкой полосой вершка в два—три обыкновенно темного цвета; но самой лучшей, самой красивой отделкой считается обшивка, сделанная из собачьей шкуры с длинной белой шерстью, получаемой или от своих старых и вообще негодных для службы собак, или покупаемой за сравнительно дорогую цену (до трех рублей шкурка на Обдорской ярмарке или у своих соседей).

Малица подпоясывается всегда широким кожаным ремнем, усаженным в несколько рядов медными пуговицами и снабженным большими пряжками. К этому поясу подвешиваются два мешочка из оленьей шкуры: один для вотлепа, употребляемого для протирания губ и рук после еды и для забивания зарядов в ружье вместо пыжа; другой для точила; с левой стороны нож — *казай*, обточенный с одного края и с ручкой, сделанной большей частью из дерева и выложенной свинцом; нож этот находится в ножнах — *сыталь* из дерева, редко из кости, но почти всегда обтянутых узкими медными полосками; сзади к поясу на оленьей жиле или на проволоке подвешивается

клык — *торев пунг* бурого или белого медведя, который имеет значение талисмана: перед ним инородец приносит клятву, говоря: «если я скажу неправду, то задери и съешь меня», берет его в рот, кусает и троговаривает: «если я не прав, то кусай меня так же, как я кусаю теперь твой зуб»; перед ним он, как и перед целой шкурой, выражает свои просьбы: «лесной зверь — дай мне счастья» или «когда я буду в лесу и встречусь с тобой, то не тронь меня»; помимо этого зуб считается также хорошим средством против болезни зубов, желудка и поясницы. В последнем случае им натирают спину, а в первых двух его скоблят и полупыленным порошком или посыпают большой зуб, или же принимают внутрь с водой, а если есть, то и с водкой.

Поверх малицы надевается иногда чехол, сделанный из разноцветного сукна: красного, синего и зеленого, и доходящий только до меховой обшивки, причем нередко бывает, что рукава другого цвета, чем остальная часть. Надевается он только в более или менее торжественных случаях. Иногда он заменяется одеждой — *порха*, сделанной вроде малицы, только из неплюев, шерстью наружу, без рукавиц, но зато всегда с пришитой шапкой, украшенной иногда оленьими ушами; порха делается обыкновенно несколько длиннее малицы и надевается при поездке в гости или на праздниках; вооб-

ше она составляет предмет роскоши, тогда как другая одежда, сделанная наподобие порхи, только гораздо длиннее — почти до пят — *гүсь*, составляет предмет необходимости; *гүсь* надевается во время холодов или дальней дороги поверх малицы, никогда не опоясывается и делается обыкновенно из зимних оленьих шкур, обладающих самым длинным и жестким волосом, лишь иногда он делается, как и порха, из неплюев; цветные украшения на гусе редки, тогда как порха бывает вся испещрена разными узорами из разноцветных оленьих и иногда даже суконных полосок. Кроме этих одежд, употребляется еще одна — *сах'ай*, род халата из шкур неплюев, шерстью наружу и, большей частью, без подкладки; если же она и бывает, то преимущественно делается из птичьих шкурок — уток, гусей, иногда лебедей; когда было много соболей, то и они шли на эту подкладку, о чем можно судить по старым сахай, сохранившимся еще у старков; одежда эта шьется или без воротника, или с воротником отложным; причем спереди — сверху до низу — идут ремешки для завязки; сахай надевается дома при гостях как летом, так и зимой, иногда прямо на голое тело; в редких случаях его надевают и при поездках в гости, только на недалеее расстояние.

На ноги зимой надевают прямо на тело чулки из шкуры неплюев, шерстью внутрь — *кес*, длиною до колен. Поверх *кес* на-

девают сапоги, *орн уай*, сделанные обыкновенно из шкур с оленьих ног шерстью наружу и длинной выше колен; чтобы они не спадали, их подвязывают красными зырянскими поясками и, кроме того, ремешками, пришитыми к их краю, прикрепляют к ремешкам штанов; сапоги эти бывают, большей частью, изукрашены по различным направлениям резными узорами из кусочков оленьей шкуры, сделанных очень искусно; прежде чем их надеть, в них кладут пучки сухой болотной травы, чтобы не было жестко; такие сапоги боятся сырости, и потому их тотчас же, по возвращении домой, снимают и сушат вдали от огня; затем мнут вместе с гнилушками; отчего они не трескаются и могут прослужить более трех зим. В сильные холода или при дальней дороге, кроме чулок и орн уай, надевают еще громадные сапоги из оленьей или чаще из спинной шкуры, шерстью наружу, которые также навиваются сухой травой; ходить в них невозможно — приходится только ездить.

Рукавицы — *пасса* большей частью пришиваются к малице и только иногда делаются отдельно; шерстью они всегда наружу; материалом для них служит оленья, лосиная, собачья шкура, а в местах, близких от русских поселков, и овечья; величина их значительна, и надевание нескольких рукавиц сразу практикуется в сильные морозы довольно часто.

Шапка — *кент* — редко носится отдельно, а почти всегда пришивается или к малице, или к порхе, или к гусю; если она надевается отдельно, то всегда шьется из шкур новорожденных оленей и двойная — шерстью внутрь и наружу; имеет длинные (до аршина) подвязки, которыми, впрочем, не подвязываются, так как для этого служат особые тесемки, пришиваемые к внутренней стороне меховых подвязок, украшенных, в свою очередь, разноцветными поперечными полосами; шапка эта взята от зырян, почему и зовется зырянской.

К зимней одежде, кроме перечисленной, надо также отнести ту, которую носят женщины низовых инородцев, как самоедов, так и остяков, именно — головной убор, шарф, в виде боа, и теплую шубу. Головной убор представляет из себя нечто вроде прежних капоров и делается обыкновенно из оленьей шкуры — двойной, шерстью внутрь и наружу, причем внутренняя сторона состоит из оленьей зимней шкуры с длинным волосом, а верхняя, наружная, из только что вылинявшей; самый ободок обшивается обыкновенно белым песцом; сверху нашиваются разноцветные суконные лоскутки, а снизу подвешиваются металлические украшения, состоящие из медных трубочек, кружков, больших колец и т.д.; иногда этих украшений до того много, что они весят до 10–15 фунтов: чем боль-

ше их и чем больше слышится грому и треску при ходьбе, тем считается лучше и красивее. Спереди под подбородком находятся ремешки, которыми капор и подвязывается. Шарф делается из беличьих хвостов (прежде, по рассказам, делали из соболей), которые при этом особым родом расправляются и сшиваются; чем шарф длиннее, тем лучше.

Теплая шуба, так же как и капор, двойная: с внутренней стороны делается из зимних оленьих шкур, а с наружной — из только что вылинявших (из неплюев редко) и также обшивается спереди и снизу шкурой белого песца или собаки; рукава, подол украшены разноцветными полосами и обшиты иногда бусами и позументом; к рукавам прикрепляются бубенцы, преимущественно в плечевом и локтевом сгибе. Шуба эта подпоясывается особым поясом; главную часть его представляет медный кружок, к которому прикрепляется с обеих сторон широкая тесьма. У этих же низовых инородцев существуют особые деревянные лопаточки — широкие, до $1\frac{1}{2}$ — 2 вершков — у женщин, и узкие — до одного вершка — у мужчин для обивания зимней одежды от снега; лопаточки эти иногда красятся красной или черной краской и украшаются резьбой.

Летняя одежда состоит из рубашек, штанов и сапог; про пер-

вую и вторую принадлежность костюма было уже сказано, здесь только надо прибавить, что ни мужчины, ни женщины никогда рубашек не подпоясывают, а дети иногда бегают совсем голые; что же касается до обуви, то она делается из оленьей замши — *няр соуэ* и надевается прямо на босую ногу, исключения редки, когда предварительно надевают зырянские шерстяные чулки — *саран уай*; обувь эта — *соуэ-вай*, делается несколько выше колен и также, как и зимняя, подвязывается тесемками и прикрепляется к штанам ремешками; подошвы делаются тоже из оленьей шкуры или чаще, для прочности, из лосиной, но всегда с шерстью; причем чтобы не было больно ходить в них, как и в зимнюю обувь, подкладывается сухая трава; иногда эта обувь вся, иногда только часть, красится в красный цвет особой минеральной краской — *нэри*; осенью вместо этой обуви, которая от сырости скоро портится, носят так называемые — *няр няра*, верхняя часть голенища которых делается из холста, а нижняя вместе с колодкой — из лосиной или лошадиной кожи, причем подошвы обязательно с шерстью; подвязываются они к ноге в двух местах: где начинается и где кончается холстинное голенище; чтобы предохранить их от влияния сырости, их держат в продолжение нескольких дней в дыму, что служит лучшей гарантией их целостности. Кроме описанной обуви, женщины на Оби на-

девают кожаные туфли, сплошь обитые разноцветным бисером, с соблюдением симметрии и известных узоров.

Вместо мехового гуся летом и осенью надевают суконный, который шьется совершенно так же, как и меховой.

Необходимую принадлежность женского костюма составляет женский рабочий мешок — *ханзан'э тучен'э*, делаемый из оленьей шкуры с различными узорами; к нему прикрепляется обыкновенно еще небольшой мешочек или просто кусок кожи для наперстка и иголок; в свой тученг женщины кладут решительно все, что нужно для шитья: лоскутки, полоски из кожи и шнуры, жилы, нитки и прочее.

Что касается до кос — *ах'ы сах'ы*, то они все оплетаются красными зырянскими поясками — *саран куалых*, и это оплетание, благодаря прибавочным пестрым тесемкам — *ханзан'э саран куалых* продолжается гораздо ниже волос, иногда почти до пят; снаружи заметить, где кончаются волосы, невозможно, и это подало повод некоторым описывать этих инородцев с волосами до земли. К косам прикрепляются медные кольца, цепочки, бубенчики, ленты, а на концах даже небольшие мешочки, расшитые бисером и бусами.

Кроме вышеописанных принадлежностей одежды, есть еще одна, которую надевают только во время жертвоприно-

шений и плясок в честь медведя; одежду эту инородцы приносят также в дар своим богам; делается она в виде халата, довольно длинная, с отложным воротником и застежками или пуговицей наверху; материалом для нее служит хороший пестрый с разводами ситец, яркого цвета сукно, шаль в восточном стиле и т.д.; края рукавов, подола, воротника и перед обшивается всем, чем только возможно: бусами, бисером, позументами, свинцовыми и оловянными пластинками, бубенцами и пуговицами.

Все принадлежности одежды, как уже было сказано, обыкновенно делаются самими женщинами, но и между ними есть такие, которые на далекое расстояние славятся своим умением шить и особенно украшать узорами разные части костюма, и им-то иногда в торжественных случаях — для свадеб или чаще для приношения богам — даются заказы, за которые выплачивают не деньгами, а натурой; гораздо чаще совершается, однако, покупка материала, причем он приобретается не только у русских и зырян, но и у своих сородичей — или более богатых оленьими стадами, или у которых, благодаря более удачной охоте, накопилось больше разных шкурок.

Для инородцев Северо-Западной Сибири местом встречи, местом покупки и продажи служит, главным образом, Обдорск-

кая ярмарка, происходящая в декабре и январе, куда они стекаются также и для внесения ясаку; теперь, благодаря той эксплуатации, которой инородцы подвергаются здесь со стороны русских и зырянских торговцев, они стали обегать Обдорск, это самое северное селение по системе Оби, и начали выезжать со своими стадами и товарами, состоящими из шкурок, рыбы, мамонтовой и моржовой кости, на среднее течение Оби и Енисея, на устье Иртыша и в другие, более выгодные для них места, где они могут сбывать свои товары гораздо дороже, а покупать все, что им нужно, гораздо дешевле; вследствие этого обороты Обдорской ярмарки уменьшились, даже по официальным данным, с 72 тысяч рублей на 45.

Стоимость материалов, приобретаемых на Обдорской ярмарке или в других местах и идущих на приготовление различных частей одежды, подвержена довольно сильным изменениям, так как цены на пушной товар находятся в зависимости от количества привезенного материала и от спроса на него, а пушной товар здесь играет главную роль благодаря тому, что торговля до сих пор носит характер меновой и основанием ее служат меха, причем единицей считается беличья шкурка, к ценности которой и подводится ценность других предметов.

Товары русские и зырянские, продаваемые инородцам,

идут приблизительно по такой цене: 1 аршин простого солдатского сукна стоит 20 белок (считая белку по 10 копеек, хотя иногда ее ценность подымается до 35 коп.); 1 аршин красного, зеленого и синего сукна самого низкого качества — 40–50 белок; 1 аршин ситцу — 3–4 белки; 1 аршин простого холста — 3–4 белки; красные зырянские узкие пояски — 1–2 белки, широкие и пестрые — по белке за штуку; иголки — пара — белка; медные украшения: цепочки, трубочки, литые изображения — фунт — 20–30 белок; медные кольца — четыре штуки — одна белка. Чтобы показать, насколько выгодны для продавцов приведенные цены, возьмем для примера хотя бы последний случай: 4 кольца продаются за одну белку; даже считая белку за 10 коп., мы получим, что стоимость каждого кольца равна $2\frac{1}{2}$ коп., между тем как на Ирбитской ярмарке сотня подобных колец продается за 50 коп.; иначе, вместо $\frac{1}{2}$ копейки берется $2\frac{1}{2}$, и так далее, все в том же роде.

Что же касается до оленьих шкур, продаваемых инородцами, то цена на них такова: шкура новорожденного оленя — пазых — 80 коп.—1 р. 20 коп.; неплюя 2 р. 25 к.—3 р.; маличного неплюя 2 р.—2 р. 25 к.; шкура старого оленя с зимней шерстью, так называемая «постель» (употребляется при спанье), 1 р.—1 р. 25 коп.; шкура с пары оленьих ног — 25 к., с головы — 10 коп.; зам-

ша из шкуры неплюя — 3 р., из «постели» — 2 рубля.

Чтобы не возвращаться ниже к ценам, существующим вообще на шкурки, я приведу их здесь: соболь — *нѣхс* хороший стоит 12 рублей, средний 8 рублей, плохой 3–4 рубля; колонок 2–3 рубля, выдра — *хул тѣп* 3–8 рублей, бобер — *вит уй* 6–12 рублей, росомаха — *тулмах* 5–10 рублей, лисица — *охсар* 4–8 рублей, волк — *сали уй* 3–6 р., бурый медведь — *торев* 5–12 р., белый медведь — *янг торев* 15–25 р., заяц — *соур* 10–15 к., белка — *лезгын* 10–15 к., горностаи — *сельзи* 10–15 к., голубой песец — *лѣбак* 8–15 р., белый песец — 2 р. 25 к. — 3 р., недопесок — 1 р. 50 к.—2 р., синяк — 1 р. 30 к. — 1 р. 40 к., крестоватик — 95 коп.—1 р. 10 к., норник — 40–50 коп., копанец — 15–20 к., пара лап белого песка — 10 коп., недопеска — 8 к., синяка и крестовика — 4 к., пара лисьих лап — 25 коп., пара ног пазых — 3 коп.

Различие между белым песцом, недопеском, синяком, крестоватиком, норником и копанцом чисто возрастное: копанцом называется молодой песец до недели; от одной до трех недель зовется норником, далее, до начала августа, крестоватиком; затем до сентября — синяком, до ноября — недопеском и только в ноябре песец достигает полного возраста и делается совершенно белого цвета, почему и зовется белым; что же касается до голубого песка

или, вернее сказать, до дымчатого, то он является довольно редко и в виде исключения.

Шерсть копанец имеет мягкую темно-бурую, затем в форме норника и крестоватика у него около пахов появляются довольно многочисленные более или менее желтоватые пятна, которые все расширяются по направлению к хребту, пока, наконец, общий цвет животного не делается темно-серым или, вернее сказать, светло-дымчатым, что и придает ему название синяка; эта форма затем переходит в желто-белого недопеска, который, как уже сказано, к зиме делается чистым песцом с белоснежной пушистой шерстью; иногда песец в течение всей своей жизни сохраняет первоначальный цвет шерсти, свойственный самому юному возрасту — почти копанцу, тогда-то и получается дымчатый песец, или голубой, потому что его темно-бурый цвет зимой принимает легкий оттенок голубого цвета.

Чтобы приблизительно показать то количество шкур, которые привозятся в Обдорск, приведу цифры за 1886 год, когда на ярмарку песца белого было привезено 4217 штук, недопеска — 218, синяка — 320, крестоватика — 812, лисиц — 240, медведей бурых — 12, белых — 6, неплюев — 5040, пазых — 3870, лап песцовых — 13000.

В привезенной коллекции по одежде, по материалам, из которых она делается, и по орудиям, которые при этом употребляются, имеются следующие вещи:

1. Мольсян, с суконным верхом.
2. Гусь из шкур неплюев.
3. Гусь из постельных шкур.
4. Сахай из шкур неплюев*.
5. Женская шуба низовых инородцев.
6. Детская порха — *няурам порха*.
7. Летний суконный гусь.
8. Нарядная верхняя суконная одежда, надеваемая при жертвоприношениях и на праздниках, а также и жертвуемая богам.
9. Тоже, только сделанная из шали.
10. Меховой головной убор низовых инородцев.
11. Зырянская шапка.
12. Платок для головы.
13. Шарф низовых инородцев-женщин, сделанный из белых хвостов.
14. Мужской кожаных пояс со всеми принадлежностями: с ножом, с мешочками для вотлепа, точила и с клыком белого медведя. Клыки эти у молодого медведя большей частью бывают пустые, у старых же — плотные и обыкновенно гораздо желтее цветом; предпочитают носить зубы от старых зверей.

* Черный ободок на рукавах называется *тайт сунт экти*. Красный — *харт миль*, черный ободок вдоль полы — *мабль экти*; красный — *мабль харт миль*; черный ободок внизу — *елы экти*, красный — *елы харт миль*; ремешки, которыми завязываются — *кегным*.

15. Женский пояс низовых инородцев с большой медной пряжкой спереди.

16–17. Рукавицы оленьи — две пары различного вида.

18. Рукавицы собачьи.

19. Рукавицы овечьи.

20. Обувь зимняя (мужская).

21. Обувь зимняя (женская).

22. Чулки из шкур неплюев, а по-русски — чижии.

23–24. Зырянские шерстяные чулки — *саран сахым уай*, очень любимые сибирскими инородцами; их ценность доходит до 1р. 50 к.

25. Обувь летняя (мужская).

26. Обувь летняя (женская).

27–28. Обувь осенняя, две пары.

29. Кожаные женские туфли, все расшитые бисером.

30. Мужская рубашка.

31. Женская рубашка.

32. Замшевые штаны без нагрудника.

33. Замшевые штаны с нагрудником.

34. Украшение в виде разноцветной полоски, сделанной из кусочков замшевой кожи, местами окрашенной.

35. Искусственные женские косы со всеми украшениями.

36. Искусственные мужские косы.

37. Зырянские красные пояски и пестрые тесемки.

38. Ручные маленькие пяльцы — *куалых сагнэ парт*, сделанные одной девушкой маньзов по образцу зырянских. Эта девушка единственная, на-

сколько мне известно, из всех инородцев Северо-Западной Сибири (необруселых), которая умеет плести; шерсть она берет, распуская старые зырянские чулки.

39. Поясок, сплетенный этой девушкой для волос — *эгва пун'э сагнэ куалых*.

40. Женский рабочий мешок, украшенный узорами и побрякушками, в нем находятся иголки, нитки из оленьих жил и другие принадлежности, необходимые при шитье.

41. Мужской дорожный мешочек, сделан из сукна; складывается в виде несессера и имеет три отделения с огнивом, трупом и сухой травой, в промежутках между ними иголки и нитки.

42. Веретено — *сэдэи нял* с намотанными на нем нитками, прядением которых занимаются инородцы, живущие около русских.

43. Крючок для мотки ниток — *сопас*, часто делается из кости.

44. Нитки из крапивы; теперь употребляются редко, но в недавнее время из них ткали холсты, очень прочные и довольно красивые; теперь можно найти крапивный холст только случайно.

45. Сырые оленьи жилы — *сали сыс тән*, из которых теперь делаются нитки, в высшей степени тонкие и крепкие.

46. Сырая лосиная жила — *яны'х уй сыс тән*, употребляется в тех же условиях, как и оленья.

47. Оленья жила, битая и трепаная, приготовлена для кручения ниток.

48. Нитки из жил, они гораздо крепче всех прочих и поэтому, главным образом, и употребляются при шитье кожи.

49. Костяное шило — *яных'уйлу косьнэ юнднэ соль*, употребляется при сшивании плотных кож.

50. Игольник — *юндып кась*, представляющий из себя пустую кость, сквозь которую продета тесемка с иглками.

51. Швейка — *инзахтен пāрт* из дерева с закрывающимся ящичком посередине, по бокам вставлены маленькие деревянные клавиши, как бы клавиши; окрашена в красный цвет нэрпом; в ящик посередине кладутся иголки, нитки и лоскутки, а клавишами забавляются маленькие дети, перебирая их в то время, когда мать работает; теперь подобных швеек не делают, встречается редко и, главным образом, при раскопках древних могил.

52. Веребочка из женских волос, ею иногда завязываются разные части одежды; особого значения не придают.

53. *Поняп* — форма для литья свинцовых и оловянных украшений на разные части одежды, делается из дерева и мягкого камня.

54. Очки — *сам кэр*, самодельщина, обшиты по бокам оленьей кожей, носят во избежание глазной боли при сильном лучепреломлении.

55. Лопатка мужская, употребляемая низовыми инородцами для обивания снега на одежде.

56. Женская такая же лопатка.

57. Шкура новорожденного оленя и шкура с его ног.

58. Шкура неплюя.

59. Зимняя шкура старого оленя — постель и шкура с его ног.

60. Летняя вылинявшая шкура старого, дикого оленя.

61. Шкура с головы оленя, употребляемая для обшивания мелких вещей.

62. Оленья замша, приготовленная остячкой.

63 — 65. Три оленьих шкуры, указывающие на постепенную переработку их в замшу: а) шкура выбритая, выколоченная, но не мятая, б) кожа после мялки с рыбьим жиром и в) кожа, совершенно превращенная в замшу. Такого рода замша готовится в Обдорске, на заводе одного из местных жителей И.И. Карпова, который покупает шкуры, выделывает их и отправляет на Ирбитскую ярмарку, где спрос на эту замшу пока не очень велик, так как она не может похвастаться особенно хорошими свойствами; она слишком жирна, что зависит от уменьшения ее выделывать; продается на вес и цена каждой шкуры приблизительно равна 2 р. 30 к.—2 р. 50 к.; выделывается пока всего до 1500 штук, но

Карпов рассчитывает увеличить свое производство.

66. Рыбий жир, получаемый на месте и употребляемый при выделке вышеупомянутой замши.

67–69. Образцы золы еловой, лиственничной и смешанной из этих двух, идущих в дело при начале обработке шкур.

70–75. Шкура белого песка, недопеска, синяка, крестоватика, норника и копанца; на этих образцах можно проследить, как из вполне темного песец постепенно становится все светлее и светлее, пока не примет совершенно белого цвета.

76–79. Шкурки из лап белого песка, недопеска, синяка и крестоватика употребляются в качестве мелкой разменной монеты; идут на шитье подкладок под дохи, под шубы и отличаются большей прочностью.

80–81. Две шкуры молодых волков, употребляемые на обшивку одежды, а главным образом — на украшение жертвующим богам приношений.

82. Шкура молодого лисенка, вскормленного в чуму, что бывает сравнительно часто; делается это с практической целью: вынимая из гнезда еще совершенно молодых, воспитывая их дома, инородцы затем их убивают и шкуры или продают, или жертвуют богам; надо только заметить, что шкура животного, выросшего в неволе, никогда не бывает такой хорошей, как шкура дикого.

83. Лисьи лапы употребляются на шитье мехов, отличающихся своей крепостью.

84. Шкура собаки — амп, идет на обтягивание шаманского бубна и для обшивания различного рода одежд.

85. Шкура зайца; большим распространением, вследствие непрочности, сильно не пользуется, цена редко превышает 15 коп. за шкуру и нередко бывает дешевле белки.

86. Шкура колонка, который истребляется, главным образом, из-за своего пушистого хвоста, идущего на приготовление всевозможных кистей, особенно живописных; сама шкурка употребляется для подделки и подкраски под другие меха, хвост колонка ценится до 2 р.— 2 р. 50 к., а сама шкурка только 25–50 копеек.

87. Шкура бурундука — *козьяр*; из нее делаются преимущественно кошельки, потому что не только инородцы, но даже и русские верят, что такой кошелек пуст не бывает.

88. Шкурки горностаев; в настоящее время, благодаря отсутствию спроса на них, они сильно понизились в цене — до пяти копеек за штуку, и то не всегда можно найти покупателя, потому что горностаи сильно размножились и стали истреблять разные запасы, что и заставляет за ними охотиться, несмотря на отсутствие спроса, главным образом, посредством разных ловушек.

89–91. Шкурки белок — выделанные: кондинская белка (самая лучшая в Северо-Западной Сибири, добывается в Кондинском участке Березовского округа); лиственничная — с красным хвостом, и белая — довольно редкий экземпляр, встречаемый в виде исключений. Шкурки с белок снимаются обыкновенно целиком и только иногда разрезаются.

92. Шкурки белок мятые и вполне выделанные; при выделке беличьих шкурок, как и других, впрочем, их прежде всего приходится очень долго растирать руками сперва сухие, затем с мукой и, наконец, с рыбьим жиром или с рыбьими толчеными костями; работа эта довольно утомительная и влияет на здоровье рук, вот почему так редко можно встретить женщин, которые преимущественно занимаются выделкой шкур, с правильными пальцами, большей частью они поражаются страданиями в сочленениях, чем вызывается появление шишек и т.д. Хорошая и опытная работница в день может выделывать при усиленной работе до 15–20 шкурок.

93. Беличьи хвосты; идут на приготовление дамских боа, спрос большой, и поэтому цена на них с каждым годом подымается и теперь доходит до пяти копеек за хвост, т.е почти такая же, что и за остальную часть шкурки, вследствие этого с каждым годом уменьшается количество белок, продаваемых с

хвостами; для беличьей шкурки потеря хвоста не имеет большого значения, но в то же самое время практикуется нередко и по отношению к соболу, лисице, волку, песцу, даже голубому, что имеет большое значение на уменьшение ценности шкурки; делается это потому, что, по установившемуся обычаю, хвосты составляют принадлежность жен, которые пользуются своим правом и немедленно, по возвращении мужей с удачной охоты, приступают к операции.

94–95. Меха из птичьих шкурок; идут на подкладку одежды, особенно детских; довольно прочны и красивы; ценятся сравнительно недешево — утиная шкурка доходит до 5 копеек, кроме утиных, употребляются также гусиные, лебединые, гагачьи и некоторые другие. За породой не гоняются, было бы мягко и тепло, чего обыкновенно и достигают.

96–99. Два мужских и два женских ножа в ножнах, причем одни ножны — *сытало* обделаны оленьей шкурой, а другие раскрашены и покрыты вырезанным узором, покупается у зырян обыкновенно только самый нож (мужской — *налтал казай кэр* и женский — *налтал махун казай*), а ручка делается самими, причем обделывается иногда разными узорами и имеет почти всегда знак собственности — тамгу, цена железу 20–40 коп. за штуку.

100. Точило — *лэстан*, всегда носится в чехле — *лэстан хузыт*; приобретается у зырян за 50–75 коп.

101–102. Инструменты — *ноудуп кэр*, употребляемые при выделке шкур и состоящие из небольшой загнутой пластин-

ки, вделанной в деревянную ручку, причем менее загнутым концом обрабатывают оленьи и лосиные шкуры и вообще грубые вначале, а более загнутым, при окончании работы, когда шкура уже становится мягче.

2. Принадлежности охоты, рыбной ловли и инструменты, употребляемые при их приготовлении

Жизнь инородца находится в полной зависимости от условий окружающей его обстановки, изменить которые он не может, да в большинстве случаев и не хочет. В прежнее время, когда его потребности были незначительны, когда он вполне удовлетворялся тем, что получал от своих вод, лесов и тундр, он был счастлив; теперь потребности с ознакомлением, при посредстве русских и зырян, с плодами цивилизации увеличились, а средства к их удовлетворению уменьшились. Оленьи стада, считавшиеся когда-то сотнями тысяч голов, исчезли, остались лишь печальные воспоминания в виде небольших стад в сотню-другую штук; леса, ютившие прежде в себе самых разнообразных зверей в громадном количестве, или выгорели, или вообще обеднели населением, ушедшим в более гостеприимные места, и только одни воды по-прежнему остаются ему верными, доставляя в изобилии рыбу и водяную птицу, хотя и здесь замечается поворот, и далеко не к лучшему, по крайней мере относительно рыбной

ловли: появляются новые рыбы — русские, отчасти зыряне, с новыми способами ловли, запрещенными даже законами, например, самоловами и переметами, с громадными сетями, захватывающими более половины реки. Но не в этом беда еще, а в том, что прежде всем убитым, всем наловленным инородец пользовался сам — шкурами одевался, мясом питался и только избыток сбывал, теперь же, наоборот, он ловит, стреляет с целью продать и только самое необходимое, несчастные остатки он оставляет себе, от этого и происходит увеличение смертности, так как ослабевший организм не может, понятно, уже так успешно бороться с болезнями, как организм здоровый. Такого рода перемена ведения хозяйства зависит от увеличения потребностей, удовлетворять которые и даже развивать являются всегда русские, а в последние года особенно — зыряне. Плоды знакомства инородца с народами, стоящими выше его по своему развитию, пока сказываются довольно печально — развивается

роскошь, сравнительная, конечно, в виде водки, табаку, чаю, разноцветного сукна и ситца, всевозможных металлических и стеклянных украшений, за которые приходится платить, что было бы и раньше трудно, а теперь, при общем обеднении, при увеличении болезней и замечаемой меньшей выносливости к разного рода невзгодам, постоянно случающимся при том образе жизни, который они ведут, тем более тяжело, и в результате всего этого — долги, затем кабала, соединенная с порчей нравов, и то население, которое когда-то поражало своей простотой, честностью и гостеприимством, теперь стало неузнаваемо — оно приобрело совершенно противоположные свойства — сделалось хитро, бесчестно, часто нахально и требовательно, и теперь его обмануть уже не так легко, как это было прежде, напротив, нередко оно само увлекает в обман; только на отдаленном севере, в тундрах, на берегах Ледовитого моря, в урманах — первобытных лесах, удаленных от удобных путей сообщения, замечается прежнее детское добродушие и наивная простота.

По образу жизни инородцы не все одинаковы, одни круглый год бродят со своими оленьими стадами с одного места на другое, летом удаляясь к северу, а зимой приближаясь к югу; другие охотники, рыболовы делают перекочевки,сообразно с условиями охоты, то в теплое

время селятся около рек и озер, то в холодное время отправляются в леса и там проводят месяцы, причем хотя семья, большей частью, и остается дома, но этот дом уже не летний берестяной чум, а зимний — деревянный или из оленьих шкур, и расположенный, если представляется какая-нибудь возможность, в лесу, в защите от ветров и холодов; и, наконец, третьи, живущие ближе к югу, например, по Иртышу и по Оби, при впадении в нее Иртыша — оседлы, имеют постоянные дома, занимаются скотоводством, разводят огороды, и хотя охота и рыбная ловля точно так же составляют их занятия, но они никогда не отвлекают инородца слишком надолго от его постоянного места жительства.

Инородцы, живущие, главным образом, оленеводством, находятся в лучших условиях, чем звероловы и охотники, хотя и у последних обыкновенно бывают небольшие олени стада. Прежде трудно было встретить инородца, у которого не было бы нескольких десятков голов оленей, а бывали и такие, которые их считали десятками тысяч, теперь этого нет. Оленеводство сильно падает, и это служит главной причиной замечаемой перемены в образе жизни — перехода от кочевого к оседлому. Объяснений упадка оленеводства надо искать в общих причинах обеднения, высказанных раньше: в увеличении потребностей, ко-

торые заставляют оленеводов продавать и убивать оленей более, чем это следовало бы; в ухудшении ухода вследствие развивающегося пьянства и усиленных эпидемий, и, кроме того, в увеличении болезни среди оленей, что, по всей вероятности, зависит от более частых сношений с оленями севера Европейской России, которых теперь их новые владельцы — зыряне стали перегонять на восточную сторону Урала; или снимая в аренду тундры у их вотчинных владельцев, или пользуясь ими самовольно и бесплатно; затем усиленное воровство, благодаря которому иногда оленевод, бывший владелец нескольких сот голов, в одну ночь делается нищим. Главными деятелями на этом поприще являются зыряне, про которых, кстати надо сказать, что они гораздо более опасные враги целости инородца, чем русские, так как одинаковый образ жизни с инородцами дает им большое преимущество перед русскими.

Инородец-олeneвод получает от своего стада решительно все, что ему необходимо в жизни и чем он прежде обыкновенно довольствовался и удовлетворялся. Олени его одевают и летом, и зимой своей шкурой, которая идет также и на устройство зимнего шалаша — чума, своим мясом они его кормят, они его возят, дают возможность вести меновой род торговли и за все это требуют только одного, чтобы он

им не мешал идти туда, куда их влечет инстинкт. Летом — к морю или в горы, где меньше комара и мушкарки, а зимой в равнины, где больше для них корма. И живет себе оленевод спокойно, заботится только о том, чтобы волк или медведь не обижал его стада да чтобы далеко не отбежали не-смирные олени; но у него есть деятельные помощники в виде собак, которые зорко следят за вверенным им стадом, и горе оленеводу, если они у него пропадут вследствие каких-нибудь причин: стадо разбегается, зверь начинает сильно тревожить оленей, и хозяин не знает, что делать. Вот почему оленьими собаками так дорожатся и так сравнительно ухаживают за ними; не всегда можно приобрести их, тем более что старых, больных или увечных убивают, и их шкурки с длинным белым пушистым волосом (они все такие) идут на отделку разных частей зимней одежды. Не годные почему-либо для охраны стада употребляются иногда для перевозки небольших тяжестей, но это бывает редко — они недостаточно сильны, и для этого берут, главным образом, брак из охотничьих собак; ценность хорошей оленьей собаки иногда доходит до 3—5 оленей, т.е. на наши деньги, кладя оленя средним числом по 7 рублей, от 21—35 рублей.

Инородец — охотник и рыболов, особенно, если у него нет совершенно оленей, что теперь стало встречаться сравнительно

часто, находится в полной зависимости от результатов своей охоты, вот почему он должен тщательно изучить привычки каждой птицы, зверя и рыбы, иначе ему грозит если не голодная смерть, то во всяком случае в высшей степени бедственное существование; и вот почему трудно найти среди ученых биологов-зоологов такого знатока жизни животных, каким является всякий мало-мальски порядочный охотник среди инородцев.

Зимой или, вернее сказать, по снегу, т.е. и ранней весной, и поздней осенью, охота сосредоточивается, главным образом, в лесах и тундрах, между тем как летом, поздней весной и ранней осенью — на водах рек, морей и озер. Лишь только вскрываются реки, что бывает при тех громадных расстояниях, какие существуют на севере, в разное время (например, Обь у Обдорска обыкновенно вскрывается около 5 июня, замерзает около 29 октября, а Северная Сосьва у Березова вскрывается около 25 мая и замерзает около 30 октября), инородец собирает свои пожитки, обыкновенно довольно скудные и состоящие из одежды, рыболовных снастей, ружья со всеми принадлежностями, из предметов домашнего быта, хлеба, если имеется, и вяленой рыбы, идет со своей семьей к реке, приготовляет лодку, иногда две, смотря по величине семьи, и отправляется вниз по реке на свои рыболовные угодья. По существующим

законоположениям инородцы являются собственниками всех угодий, расположенных в местах их обитания, и русские или зыряне могут только арендовать, но не покупать то или другое место. Не буду здесь говорить об этом подробно, но скажу только, что вследствие переселения из одного места в другое, вследствие брачных союзов инородцы часто имеют звериные или рыбные угодья, расположенные далеко от места их жительства, иногда на несколько сот верст, и поэтому многим приходится весной из притоков Оби спешить на саму Обь, чтобы успеть к началу хода рыбы.

Высота уровня Оби в разные времена года и в различные года не всегда бывает одинакова, и это имеет большое влияние на жизнь населения, обитающего в его водах, а также и на жизнь населения берегового — человека. Одним из главнейших факторов, которые влияют на периодические явления обских рыб, надо считать то состояние воды, которое известно под названием замора, замирания, духа. Это состояние начинается обыкновенно после покрытия реки льдом и продолжается до весны, до его таяния, причем вода краснеет, издает неприятный запах, делается отвратительной на вкус и невыносимой для рыбы, которая обыкновенно при этом умирает, если не находит более удобных мест, какими являются так называемые живцы, ключи, если

они только не замерзают, что не всегда бывает: если осенью, при отсутствии снега, были сильные морозы, то ключи замерзают, и тогда рыба погибает в громадном количестве. Если же осень была теплая, если снег выпал раньше морозов, то тогда рыба благоденствует и сосредоточивается около ключей, где обыкновенно ее ловят; но обыкновенно рыба как бы предчувствует наступление гибельного для нее периода и направляется частью в верховья небольших рек, впадающих в Обь, частью в верховья Иртыша и самой Оби; но иногда, именно при сильных осенних морозах, замор распространяется и на такие реки, которые прежде не были ему подвержены, и тогда рыба при первых его следах устремляется назад, и тут-то, в устьях, она попадает в руки рыболовов. К рыбам, заходящим в верховья рек, принадлежат: чебак, налим, окунь, яз, ерш, елец, отчасти щука. Кроме того, некоторые рыбы, например, стерлядь, зимуют постоянно в одних и тех же местах — в среднем и верхнем течении Иртыша, а также в верховьях Оби, где замора не бывает. Простоявши зиму, рыбы оставляют свои становища и стремятся в те места, где больше корму, преимущественно вниз по течению рек и, главным образом, в Обь, в которой в это время вода, благодаря половодью, освежается, и рыбе открывается большой простор для отъедания и метания икры. В то время, как

верховая рыба идет вниз, к ней навстречу из Обской губы идут вверх представители семейства лососевых: сырок, нельма, муксун, пыжьян, шекур и осетр, которые также прежде всего идут в сора, т.е. или в озера, сообщающиеся протоками с Обью, или в сильно вдающиеся заливы. В этих сорах они обыкновенно остаются до спада вод, когда рыбы верховые начинают расходиться по рекам из мест мелководных в более глубокие, а низовые тянутся вверх по Оби и ее притокам, иногда почти до самых верховьев; это движение низовых рыб вверх начинается со вскрытия рек и продолжается до осени, когда происходит метание рыбы, которая в первое время их появления в Оби бывает совершенно незрелая. К концу лета идут вверх по рекам и верховые рыбы, как бы предчувствуя приближение зимы, а вместе с ней и замора. Низовые рыбы идут не в одно время и не с одинаковой быстротой: прежде всех идет сырок с быстротой до 40—50 верст в сутки, затем нельма — самая быстрая, так как появляется почти одновременно и в верхних, и в нижних частях Оби, затем пыжьян, муксун, шекур и осетр, самый ленивый и медленный в движении и уходящий не более 10 верст в сутки. Дольше всех в сорах остается сырок, затем он, как и нельма, нередко заходит в побочные реки, тогда как муксун идет, главным образом, по самой Оби. Все эти рыбы идут

громадными стаями и во время хорошего хода попадают сотнями и даже тысячами в одну тоню. Конечно, бывают года, когда не окупаются затраты на снасти, но это бывает очень редко; в большинстве случаев бывает совершенно обратное, когда, вследствие обилия рыбы и неумения хорошо заготовлять ее впрок, приходится пойманную или продавать за бесценок, или даже выбрасывать; особенно обилен бывает лов при низком летнем уровне воды, когда рыба не находит себе достаточно простору в низовых сорах и заливах и подымается вверх; имеют также немалое влияние на ход рыбы и дельфины, которые, охотясь за ней, гонят ее перед собой и иногда так увлекаются этим, что сами делают, попадая на мелководье, добычей рыболовов.

Удобные для ловли неводом места называются песками. Они обязательно должны иметь ровное дно с постепенной покатостью от берега в глубину, без ям; необходимо, чтобы фарватер не лежал далеко от берега, иначе трудно будет захватывать рыбу, идущую обыкновенно по стрежу; в этом отношении наиболее удобны те места, где река островом разделяется на две части и где, значит, фарватер легко достигим. Пески не представляют из себя нечто неподвижного, напротив, они очень часто меняют свой характер и или улучшаются, или ухудшаются; зависит это от из-

менения фарватера реки, от его удаления или приближения, от размыва песков, от наноса в половодье деревьев и т.д.

Прибывши на свои вотчинные пески, если только они не сданы в аренду, что в последнее время бывает все чаще и чаще, инородец ставит себе берестяной чум, около него устраивает из сучьев и тростнику как бы беседку для развешивания снастей и принимается за рыбную ловлю.

Ловят утром, вечером. Если рыба хорошо идет, то и днем, сетью, завозя один конец ее на лодке, а другой таща по берегу; если семья невелика, то обыкновенно соединяются по нескольку семей вместе и пойманную рыбу делят по числу участников; споров при этом обыкновенно не бывает, если поймана большая рыба, то решают по жребию, кому она должна достаться, и тогда другие получают соответствующее число меньших. Рыбу сейчас же начинают чистить, затем, если она большая, то ее солят, причем количество соли кладут различное: на 1000 муксунов употребляют 25 пудов соли, на 1000 сырков — 10 пудов; на пуд осетра и нельмы — 15 ф., но вообще способны засола в высшей степени нехороши и вследствие этого и происходит то, что обская рыба, замечательная в свежем виде по своему вкусу, соленая почти не может употребляться в пищу, до того она делается жесткой и невкусной, мелкую же рыбу обыкновенно

новенно вялят для собственного потребления и затем несколько поджаривают. Если погода дождливая, то эта рыба, нанизанная рядами на палки, успевает предварительно испортиться, но это нисколько не мешает ее употреблению в пищу.

Кроме сетей, рыбу ловят также, особенно в нижнем течении реки, переметами и самоловами, способами, хотя и запрещенными законом, но затем не менее не только не исчезающими, но даже развивающимися. Особенно большой вред приносят самоловы со своими сотнями без наживы крючков; не тем, конечно, что на них попадает рыба, а тем, что много пропадает напрасно, срываясь, уходя и умирая. Около самоловов всегда находится немало мертвой рыбы, и это пугает остальную, которая иногда даже возвращается назад, и таким образом рыбаки остаются при тщетных ожиданиях; эти способы, главным образом, практикуются русскими и только в последние года стали перенимаемы инородцами; кроме того, рыбу ловят еще особым мешком колыданом, в притоках Оби — небольшой сетью — *пал хулып* без камней и *ах-тас хулып* — с рядом камней внизу; ловят камгой, напоминающей нашу морду и делаемой из кедровых или других прутьев, хотя этот способ преимущественно практикуется зимой, когда перегораживают реки; наконец, осенью — по вечерам и ночам ездят с огнем лучить рыбу трехконец-

ной остройгой, напоминающей собой трезубец Нептуна; иногда осенью же бьют рыбу и днем остройгой или даже стрелой из лука, но это требует большой ловкости, и поэтому охотников на такой способ ловли мало. Осенью, по возвращении с песков, рыбная ловля вполне не прекращается, но начинается особая забота искусно перегородить реку, чтобы не дать рыбе возможности уйти; эти перегораживания — *язы*, практикуемые обыкновенно на небольших речках, делаются из толстых кольев, оплетаемых ветвями, причем остаются только в некоторых местах как бы ворота, куда рыба и стремится, но здесь стоят камги, и она в них застревает; искусство устроить хорошо яз заключается в том, чтобы рыбе не было никакого ходу помимо ворот и чтобы язы были настолько прочны, что могли бы выстоять всю зиму. Такой способ ловли, единственно практикуемый зимой на притоках Оби, доставляет в хорошие года немало рыбы, оставшейся зимовать в речках, но главное занятие инородцев зимой не рыбная ловля, а охота, на которую всякий здоровый из них и стремится, лишь только настанут заморозки, лишь только замерзнут болота и, особенно, когда выпадет снег.

Помимо тех язов, которые устраиваются зимой, весной также перегораживают устья соров, куда заходит рыба для откармливания, тогда рыба является как бы запертой, и ее ловля, если

устье заперто хорошо, не представляет никакого затруднения, иногда даже проток, соединяющий сор с рекой, заваливают землей, но это запрещается, хотя существенной пользы от этого запрещения не видно, так как все-таки продолжают поступать по-прежнему; главный вред такого способа загороживания протоков заключается в том, что тогда же и мелкая рыба не может выйти, и она или погибает, или вся вылавливается.

Продукты рыболовства поуже остаются для собственного употребления, и из них готовятся запасы на зиму, а лучше продаются русским, зырянам, которые сами приезжают на пески или ездят за ними на Обдорскую ярмарку. Цены на эти продукты несколько варьируют, но средняя цена их остается более или менее одна и та же. Как единицей ценности между шкурками служит шкурка белки, так единицей ценности среди рыбы в разных частях Оби является мерный муксун, девяти вершков длины, измеряемый от середины глаза до основания хвостового плавника; в среднем течении Оби, между устьем Иртыша и Березовым, муксун ценится в 12 копеек, ниже Березова и Обдорска ценность его падает до 10 коп., ниже Обдорска до 8 коп., в Обдорской губе до 5 коп., и, наконец, в Надыме до 4 коп. штука; если муксун несколько меньше девяти вершков, то до 8 $\frac{1}{2}$ вершка он считается не-

домуксунком и их дается два за одного муксуна; если меньше 8 $\frac{1}{2}$ вершка, то называется колезнем, и его ценность равняется одной второй недомуксуна и одной четвертой муксуна. Если принять во внимание ряд обманов, практикуемых при измерении, например, пригибание головы к туловищу и т.п., то приобретение рыбы делается очень выгодным для рыбопромышленников, но еще более выгоды получает он, когда ведет меновую торговлю; тогда он берет в Надыме, например, за пуд муки 13–15 муксунов, за соль 25–30, за табак 250–300, за фунт чаю 50–60, за фунт сахара 25–30, аршин сукна, стоящего копеек 75–90, отдается за 40 муксунов и т.д., все в том же роде: пуд осетра (до 5 четв.) доходит до 2 р. 50 к.—3 р., пуд нельмы мерной до 3 р., пуд сырца до 1р.—1 р. 50 коп., пуд язя до 80 коп.—1 р. 20 коп., пуд шуки до 75–90 к., пуд налима до 70 коп.—90 коп., осетровая вязига до 2 руб. пуд, икра до 6 рублей, клей тоже до 6 рублей, рыбий жир до 2 рублей.

В последнее время, благодаря отчасти и увеличивающейся опытности самих инородцев, и отчасти вследствие усиления конкуренций между рыбопромышленниками, ценность рыбы и ее продуктов подымается и становится хотя маломальски возможной, но пользы от этого, если не изменятся другие условия, ожидать нельзя — только лишний раз будет пьян

муж да жена больше купит себе разных погремушек.

Количество вылавливаемой рыбы определить трудно, контроля нет, и приходится только основываться на словах самих рыбопромышленников, на что особенно полагаться нельзя; кроме того, не надо упускать из виду, что все лето и большую часть зимы инородец питается, главным образом, рыбой, которую истребляет в громадном количестве, например, когда хороший улов и когда ему некуда продавать рыбы, тогда он ежедневно съедает 3–4 мерных муксуна, т.е. фунтов до двадцати. В 1878 году с низовьев Оби вывезено осетра 6405 пудов, нельмы 1267, муксуна 22696, недомуксунка 6998, колесна 14494, налима 2340, язя и шуки 237, сырка и пыжьяна 14308, сухой рыбы 13184, жиру 739, икры 134, вязиги 12 и клею 37 пудов.

Об уменьшении рыбы в настоящее время судить очень трудно, хотя почти все жалуются на это, но необходимо иметь в виду то, что число промышленников увеличилось и то, что прежде попадало в руки пяти–шести человек, теперь распределяется между несколькими десятками; кроме того, появились новые места сбыта — Сургут, с одной стороны, и Архангельская губерния, при посредстве зырян, с другой. Во всяком случае, если уменьшения рыбы нельзя видеть теперь, то можно поручиться, что если рыбное хозяйство будет ве-

стись так же, как оно ведется теперь, что и этот последний верный источник существования местных инородцев исчезнет, и чем они будут тогда жить, ответить трудно.

Наряду с рыбной ловлей весной, летом и осенью сильно распространена охота за птицей, причем с ружьем охотятся мало, а, главным образом, ее ловят при помощи особых приспособлений. Дичь лесная — рябчики, тетерева, куропатки, — хотя и служит предметом охоты в продолжение всего года, но она не имеет такого значения, как птица водяная — утки, гуси и лебеди.

Долина реки Оби в всех отношениях представляет из себя одно из самых удобных мест для гнездования птицы, для вывода детей и для линьки. Обилие заливов и протоков; масса побочных рек и речек; тысячи мелких островов, покрытых то низким, то высоким тальником, осокой и пыреем и т.п., образуют непроходимые для человека места и дают простор гнездящейся и линяющей птице.

Но при массе удобств долина реки Оби представляет некоторые и невыгодные стороны. Большая часть пород уток делает гнезда тогда, когда р. Обь стоит на довольно низком уровне, но бывают года, в которые вода в середине лета до того поднимается, что затопляет все гнезда, расположенные на островах, и только одни плавуны, большие плавающие участки расти-

тельной земли, остаются целыми со всем своим пернатым населением, которое не оставляет свободным ни одного клочка; при таких заливах обыкновенно погибает масса птицы.

Со второй половины апреля начинается на юге, около Тобольска, перелет водных и болотных птиц, которые, если встречаются на севере льды и холода, возвращаются назад, в южные места, так что когда на севере Тобольской губернии, например, весна холодная, тогда средние и южные части ее изобилуют дичью, а северные ею сравнительно бедны; и наоборот — с теплыми веснами на севере большинство птицы улетает туда, перелет бывает короткий, и поэтому места южные дичью не богаты. Весной и осенью, во время перелета гусей и лебедей, охотники, выставляя гусиные и лебединые чучела в тех местах, где птица охотно садится, сами прячутся в шалаш и в ямы и, смотря по пролетающей мимо птицы, подражают ей с замечательной точностью; гуси и лебеди, видя своих собратьев, сделанных обыкновенно довольно искусно, слыша их призывные крики, спускаются к ним, но тут их встречают ружейными выстрелами, и они делаются добычей охотника.

Иногда вместо чучел около шалашей выставляют живую птицу, особенно гусей, так называемых манщиков, которые до того приучены, что стараются всячески привлечь внимание

диких — кричат, бегают и т.д. Прежде, когда не было ружей, а иногда и теперь, гусей и лебедей ловят особыми сетями, причем пользуются услугами тех же манщиков; при таком способе нередки бывают недели, когда на человека приходится до 100—200 гусей.

Наиболее распространенные теперь способы ловли — это перевесы и линный. Перевесами ловят, главным образом, во время весеннего перелета и отчасти в начале лета; они представляют из себя сеть, верхние углы которой имеют веревки, продетые сквозь блоки, укрепленные на верхних концах шестов, настольно высоких, что они иногда превышают окружающий лес. Концы веревок от верхних блоков идут в руки ловца, которым могут быть и мужчина, и женщина, старый и малый, и который сидит перед сетью и держит также веревки и от нижних углов сети. Самым удобным и выгодным местом для устройства перевеса считается перешеек между двумя озерами, из которых одно лежит севернее другого; обыкновенно такого рода перешейки бывают покрыты довольно высоким березняком, осинником и ивняком, поэтому делают просеку сажень до 5 ширины и поперек этой просеки и протягивают перевес.

Ловля производится исключительно вечером и ранним утром, когда вообще не совсем светло, в это-то время между пти-

цей и замечается наибольшее движение. Свой перелет птицы обыкновенно держат на север, поэтому охотник должен садиться лицом к озеру, находящемуся на севере, так, чтобы сеть была перед его глазами. Птица, поднимаясь с южного озера, направляется на северное, причем вначале держится очень низко в воде; подлетая к лесу, она отыскивает просеку, летит через нее, в темноте не замечает стоящей на пути сети, с силой ударяется в нее и, если сеть плоха, то разрывает ее, но обыкновенно маломальски опытный ловец до этого не допустит; лишь только птица ударится в сеть, он быстро опускает веревки, идущие к блокам, и сеть падает, затем он тотчас же подтаскивает, при помощи новых систем блоков, нижние углы сети, и сеть тогда образует нечто вроде мешка, наполненного дичью. Охотник берет одну птицу за другой и перекусывает каждой голову, раздробляя весь череп.

Хороший ловец во время лова перевесами может поймать до 500 уток и несколько десятков гусей; наиболее бедные, имеющие плохие снасти, ловят все-таки штук по десяти каждый вечер и каждое утро. Пойманная дичь большей частью готовится впрок — солится и идет также на продажу.

В середине лета, когда птица линяет, существует другой способ ловли — ланный, который иногда бывает еще прибыль-

нее ловли перевесами. Обыкновенно ночью или рано утром подъезжают к какому-нибудь небольшому острову из менее посещаемых и наиболее уединенных (а таких на Оби тысячи) и на одном конце его, полукругом или несколько ломаной линией, расставляют сети, причем стараются сделать это так, чтобы сети были скрыты травой или кустарником и чтобы нижний конец их касался плотно земли; делается это с соблюдением самой строгой тишины, и вообще, до того момента, когда все уже расставлено, чем тише, тем лучше. Когда сети расставлены, охотники на лодках отправляются на другой конец острова, хотя бы он был длиной с версту или даже более, и начинают медленно пододвигаться вперед с криком и стуком. Картина меняется: тихий, с гробовым молчанием, остров оживает, со всех сторон слышится гоготание, крякканье, плеск воды и т.д., — это обитатели острова, избегая опасности стремятся вперед и попадают в сети, где запутываются и делаются добычей охотников. Позади сетей или сбоку, в скрытом месте, всегда находится сторож, который принимает меры, если сеть прорывается или если птица выпутывается. Иногда птица замечает плохо скрытые сети, возвращается назад, несмотря на крики, и тогда охотникам приходится перебираться на другой остров. Две или три сотни штук уток да сотня гусей,

пойманные заразы, не представляют особенно редких случаев.

Во время гнездования немалое собирают также яиц утиных и гусиных, до нескольких тысяч иногда на одном плавуне, которые идут не только на собственное употребление, но и на продажу. Породы гусей и уток, встречаемые здесь, довольно разнообразны: гуменник (*Anser cinereus*), черный (*Anser arvensis*), чигвой (*Anser pulchricollis*), казарка (*Anser erithropus*), кырэм (*Anser minutus*) из гусей и шилохвост (*Anas acuta*), чирок (*Anas strepera*), кряква (*Anas boschas*), савка (*Anas hiemalis*), соксун (*Anas clypeata*), гачка (*Anas mollissima*) и чернавка (*Anas nigra*) из уток — все птицы довольно частые из представителей пернатого царства. Из лебедей здесь встречается шипун (*Cygnus olor*), кликун (*Cygnus musicus*) и малый (*Cygnus Bewickii*).

В остальных случаях охота носит случайный характер и только на тетеревей по зимам устраивают особые западни из бревен, расставляемые в большом количестве всюду, где только водятся тетерева, и доставляющие иногда немало птицы своему хозяину. Западни эти становятся у опушки леса, где-нибудь в узком месте, и таким образом, чтобы проход с обоих боков был затруднен и птице оставалось бы идти только по среднему, где и стоит приготовленное приспособление, состоящее из ряда нетолстых бревен, связанных меж-

ду собой, и один конец которых лежит на земле, а другой, при посредстве подставки, поднят аршина на полтора; птица вступает в пространство, на котором находятся эти бревна и где иногда насыпана какая-нибудь приманка, например, орехи, задевает обязательно одну дощечку, касающуюся подставки; подставка падает, бревна также, и птица умирает, иногда, превращенная в лепешку, в редких случаях в такую же западню попадает лиса, заяц и другой какой-нибудь мелкий зверь.

В продаже лебединая шкурка ценится 75 коп. и до рубля, гусинная 20–30 к., утиная 5–10 к., пуд соленого мяса, гусиного или утиного (лебединого в пищу не употребляется), доходит до 2 р.—2 р. 50 коп., сотня яиц 40–50 копеек, пуд пуха 6–10 р., пуд пера 1–2 р.

Подходит Покров, наступают холода, вода замерзает, пора в урман — густой, еле проходимый хвойный лес, где кедр, сосна, лиственница и пихта перемешиваются между собой и где обитают наиболее характерные звери: лось, медведь, россомаха, выдра, соболь, белка, в более южных местах (у Иртыша) — рысь, и где инородец по зимам находит себе источник существования, а нередко и смерть. В настоящее время тот золотой период, когда Сибирь вообще и в частности Северо-Западная считалась и была неисчерпаемым богатством по отношению пушного товара, исчез.

Хороши урманы тогда, когда они целы, когда они вскармливают тысячи зверей и птиц, но зато как они безжизненны и унылы, когда лесные пожары производят свои опустошения, а таких-то урманов в настоящее время большинство; некоторые из них выгорели уже давно, другие — в шестидесятых годах, когда были сильные пожары, третьи выгорают понемногу и теперь; на протяжении сотен верст иногда виднеются только одни обгорелые пни. И вот эти-то лесные пожары и служат причиной уменьшения зверей, которые, или захваченные дымом и пламенем, умирают, или же, что бывает чаще, переселяются в другие места, так как выгоревший лес не представляет, понятно, такого удобства, как нетронутый; одним словом, ни одно из человеческих средств, клонящихся к истреблению животных, не приводит к таким печальным результатам, как лесные пожары, и особенно это влияние заметно на соболях и лосях; там, где лоси прежде бродили стадами, теперь их почти не видать, там, где прежде били соболей десятками, теперь радуются, если добудут хоть одного.

В настоящее время наиболее бедными пушным зверем считаются места, лежащие к востоку от низовьев Оби, наиболее же богатыми признаются расположенные к западу от нижнего течения Иртыша и от Ендырского протока.

Отправляясь в урман, инородец не нуждается в больших запасах: на маленькую нарту-сани, запряженные иногда одной, двумя собаками, он кладет запас муки, лепешек, соли, иногда вяленой рыбы, берет порох, свинец для пуль, дробь, топор и сверло (без которых он никуда шагу не сделает), рыбы кости для собак, берет ружье, иногда лук со стрелами, лыжи, особый шест в человеческий рост, на одном конце которого сделана лопаточка для отгребания снега в случае нужды, а к другому прикрепляется небольшой кружок для опоры при ходьбе на лыжах, и идет месяца на два иногда, причем в большинстве случаев совершенно один — артельно ходят редко, и только одни собаки разнообразят его одиночество. Вместе со взрослыми опытными собаками он берет в урман и молодых, чтобы они научились у старых отыскивать зверя, выслеживать его и давать знать хозяину об его присутствии. Молодые собаки, походившие зимы две со старыми, перенимают все их привычки и сами становятся хорошими охотничьими собаками. Иногда бывает, что собака одинаково хорошо ходит за белкой, соболем, выдрой, медведем, лосем и т.д., но такие многосторонние собаки редки, а большей частью они специализируются, и тогда белковая собака не обращает внимания на соболя, лосиная — на медведя и т.д., но и такая собака обыкновенно толь-

ко отыскивает зверя, гонит его, но не схватывает; несмотря на это, собака, наряду с оленем, является самым полезным, самым деятельным помощником человека, не мудро поэтому, что он приписывает ей божественное происхождение и появление с неба.

У инородцев редко бывает, чтобы охотник жил в лесу целый год, обыкновенно он возвращается первый раз в половине декабря, затем после Рождества идет на охоту опять, а весной промышляет, главным образом, по насту, оленей и лосей, и эта охота бывает иногда самой выгодной, особенно если наст слабый, а снег глубок; зверь тогда проваливается, а охотник с собакой нет, иногда лоси и олени при этой охоте до того утомляются, что не могут двинуться вперед, и их тогда не только стреляют, но даже и режут; бывает, что на охотника приходится при этом по десяти и более штук. Кроме охоты по насту за лосем и за оленем — животным, более редким, чем лось, лося добывают еще и другими способами. Обыкновенно он бродит по урманам, и вообще лесам, питаясь ветвями хвойных деревьев, березы, ивы и т.д., во время лета комар, овод и мушкар делают для него местопребывание в лесу невозможным, и он выходит на открытые места, отыскивает речки, озера, вообще всякое водохранилище, погружается туда до того, что только одна голова тор-

чит, чем и пользуются охотники; затем ловят его также ямами: на дороге к водоюю, около опушки, устраивают из сухих деревьев с сучьями заборы и оставляют только где-нибудь посередине на тропе (лоси обыкновенно к водоюю идут по одной дороге) узкий проход, в котором и делается яма, искусно закрываемая сверху землей и мохом; лось, не найдя другого, более удобного пути и не замечая ловушки, попадает в яму и делается добычей охотника, причем при падении нередко убивается или ломает себе ноги. Ввиду того, что у каждого охотника бывает таких ям по несколько штук, раскинутых на десятки верст, он не в состоянии часто их осматривать, и нередко бывает, что зверь за это время успеваеет испортиться или им пользуется другой охотник до мяса — медведь, который любит осматривать вообще чужие ловушки, почему около них обыкновенно устраивается угощение и для него — в виде самострелов. Эти самострелы представляют из себя длинные толстые луки до сажени и более величины и до 3—5 вершков толщины; на них, при помощи особых приспособлений, накладываются две-три стрелы до полутора аршина длины с большим железным наконечником; от ттивы, толстой прочной веревки, идет чрез целый ряд маленьких деревянных приспособлений безчевка, которая проходит чрез тропу, обставленную совершен-

но так же, как и при ямах; достаточно малейшего колебания бечевки, тетива спускается, и стрелы со страшной силой пролетают чрез тропу на высоте приблизительно роста лося или другого зверя, смотря по тому, на кого самострел настрожен, и если зверь не успел еще пройти, он большей частью тут же умирает; мне приходилось видеть лосей, которых стрелы пробили насквозь. Подобные ямы и самострелы делаются иногда вместе, причем дно ямы убивается кольшками, чтобы лишить зверя возможности выйти. Для охоты за диким оленем иногда приучают домашнего, который настолько искусно разыгрывает роль маншика, что дает возможность охотнику близко подойти и или убить, или даже поймать арканом доверчивое животное.

Но самым обыкновенным зверем является белка, которая и делается, главным образом, добычей охотника, ее стреляют из ружья, редко из лука, хотя в последнее время это стали практиковать чаще, потому что, как говорят, ружьем убьешь одну, а разгонишь десяток, лук же не слышать, и поэтому на одном небольшом участке можно добыть несколько шкур; охотиться за белкой, как и за соболем, без собаки нельзя — она указывает их местопребывание и, кроме того, старается загнать на дерево, что ей большей частью удается, по крайней мере с белкой; а без этого убить, особенно со-

боля, при его ловкости и быстроте, — невозможно.

Уменьшение соболя особенно заметно за последнее время. Во многих местах Северо-Западной Сибири он исчез совсем и только уцелел в так называемой Полуденной горе, расположенной на левой стороне реки Оби, хотя и здесь встречается только в самых глухих лесных трущобах, почти непроходимых и недоступных для человека, который с большим трудом вместе с собакой продирается здесь, встречая на каждом шагу препятствия. Здесь-то и спасается соболь, здесь он и выводит своих детей. Только настоящие собольщики, занимающиеся почти исключительно охотой за соболями, рискуют отправляться в такие трущобы, большинство же предпочитают места, где водится белка, зверек, хотя и дешевый, но чаще встречающийся и легче поддающийся, а за сободем хлопот много — это быстрый, ловкий зверь, он везде пролезет, везде проскользнет; кучка моху, древесные корни, каждая шелка — для него убежище, там, где собака не сделает ни одного шага, соболь успеет их сделать десяток, да и стрелять неловко, — мелькнет то здесь, то там, а стрелять надо в голову, а то шкурку испортишь. Хорошо, если умная собака выгонит его на чистое место или загонит на дерево, но и это редко удается — понятлив соболь и умеет избегать угрожающей ему опасности. В урманах, более доступных челове-

ку, соболь попадаетея реже, а конкуренции больше — чаще охотники встречаются; так что обыкновенный охотник рад, если ему за зиму удастся хоть одного зверька раздобыть, а то и целая артель, человек в пять, приносит не больше двух. Соболя Северо-Западной Сибири не особенно хороши — темно-угольных почти не встречается, обыкновенно же они бывают здесь довольно большие, обладают мягким пушистым мехом, но зато цвета рыжеватого. К причинам их уменьшения надо отнести и то обстоятельство, что они приносят детей вообще мало — 2–3, и, кроме того, в конце апреля, в начале мая, когда лесные пожары уже начинаются и когда вместе с лесами истребляются и гнезда.

По берегам рек нередко встречаются следы выдры, которую ловят капканами, бьют ружьями и самострелами, ставя их на дороге перехода выдры из одного плеса в другой; росом, волков и зайцев бьют преимущественно ружьем или они попадают в капканы, отличающиеся, главным образом, друг от друга только величиной.

Наименее распространенным здесь животным является бобр, который прежде встречался сравнительно гораздо чаще, как о том можно судить по названиям речек «бобровок» и по рассказам местных стариков. Теперь он живет исключительно в реках, впадающих в Пелым и Северную Сосьву в их верхних

течениях. Тот доход, который получается от бобра и который достигает цифры 50–75 рублей, настолько завлекателен, что заставляет инородца деятельно за ним охотиться, но, несмотря на это, в руки скупщиков редко попадает более 3–5 шкурок за целый год. Такое малое количество зависит не только от редкости, но и от трудности добывания бобра, на которого инородец смотрит, благодаря его уму и сметливости, как на животное, обладающее многими человеческими способностями, и в том числе даже даром понимания человеческой речи, почему при охоте за ним охотники объясняются при посредстве знаков или условного языка. Этот ум, эта сметливость дает возможность бобру отлично устраивать свое жилье, расположенное на небольших речках, шириной от одной до трех сажений и глубиной не более сажени, в этих-то глубоких местах, не промерзающих вполне даже в самые сильные морозы, бобр и живет; если речка мелка, то устраивается плотина, для чего подрываются деревья, преимущественно березы и ивы, растущие у самого берега, которые сами обыкновенно и сваливаются затем в реку, так как они подгрызаются со стороны воды; если же деревье на таком близком расстоянии от речки нет, то они приносятся чурбанами четвертей до пяти длины и до 5–6 вершков в диаметре; деревья сваливаются в воду,

промежутки заваливаются сучьями, даже глиной, и после усиленных работ целой семьи в 5–8 членов плотина готова, и затем приступают к устройству дальнейшей части собственно жилого помещения: на близком расстоянии от плотины, вверх по течению, устраивается в берегу нора довольно значительных размеров, служащая как бы столовой и местом сохранения пищи, т.е. коры и молодых побегов березы и ивы, затем, на расстоянии нескольких саженей, иногда десятков и более, устраивается другая нора с несколькими отделениями по числу особей в семье, которые служат спальнями, отсюда идет целый ряд выходов и других помещений,строенных на случай опасности. При охоте за бобрами прежде всего стараются отыскать входы в столовую и спальню, затем строят поперек реки два забора: один выше спальни, а другой между нею и столовой, если нет плотины (в глубоких речках она не устраивается), то делают третий забор ниже столовой, затем или перед каждым отверстием делают дугой загородку и начинают копать самое помещение, или же в заборе, устроенном между столовой и спальней, делают двое ворот, в которые вставляют по ловушке в виде камги, одну отверстием вверх по течению, другую — вниз, и начинают вскапывать столовую и затем спальню; испуганный бобер выскакивает, бежит, наталкивается

на забор, ищет прохода, находит ворота и попадает в ловушку.

Значительный доход, получаемый от бобра, зависит от того, что, кроме шкуры, оцениваемой в 6–12 рублей, от него получают еще 5–25 золотников ароматического вещества — бобровой струи, дорого ценимой (до 2 рублей золотник) инородцами ввиду того, что она употребляется при жертвоприношениях, при похоронах, на празднествах вообще, при очищении и т.д.

По мере того, как мы будем подвигаться к северу, по мере того, как леса начинают заменяться рощами или отдельными небольшими группами деревьев, состоящими на самом севере из низкорослой березы и полярной ивы, — начинает меняться и состав животных, из которых большая часть, свойственных лесной полосе, доходит лишь до Березова и редко опускается к Обдорску. Лось, рысь, выдра исчезают в соседстве с тундрой, соболь даже у Березова редок, медведь, бурундук, белка представляют из себя редких животных в окрестностях Обдорска и только к востоку от него, особенно в Надымском крае, встречается в изобилии волк, многочисленный обитатель среднего течения Иртыша, исчезает в лесном — среднем течении Оби, чтобы опять сделаться обыкновенным страшилищем инородцев и их оленьих стад в нижнем, где его бьют из ружей, ставят капканы, но все это не спасает от его

дерзости и кровожадности ни оленей, ни даже людей, и он является самым опасным хищником этих мест. Самыми характерными обитателями полосы, бедной лесами или совсем их лишенной, являются северный олень и песец, с которыми продолжает встречаться также и лиса, представляющая иногда все переходы от красной до черной масти и даже, правда, очень редко, попадаются белые, равно как и белые волки. Олень встречается не только в тундрах (в окрестностях Обдорска он даже избегает совершенно безлесных мест), но бывает и на юге по Иртышу почти до Тобольска, затем по Оби во всей ее лесной части, затем на возвышенностях, расположенных к востоку и западу от нижнего течения Оби, в верховьях, особенно Надыма и Полуя, где он составляет обыденный предмет охоты; интересен тот факт, что где много домашних оленей, там диких почти не встречается — они все переходят к домашним, хотя иногда встречается и наоборот, но это гораздо реже. Песец имеет более ограниченную область распространения и может скорее быть названным тундровым зверем, чем олень, хотя и он иногда добегают до Кондинского монастыря; встречается он то в очень большом количестве, так, что даже ловят сетями, то в очень незначительном — не попадает в капкан.

На Крайнем Севере бьют тюленей, бьют моржей, белых

медведей, которые с своим бурым сородичем играют большую роль в жизни инородцев.

Убить медведя — это не значит только добыть зверя, шкура которого представляет известную ценность, а мясо идет в пищу, нет, это указывает, что такой человек угоден богу Торуму, который наказал за что-нибудь медведя и исполнителем этого наказания избрал угодное себе лицо. Зависит это от известных религиозных взглядов, которых касаться я здесь не буду, это завлекло бы слишком далеко, но которые сводятся к следующему: медведь — божественного происхождения, он прежде жил на небе и только по его усиленной просьбе бог согласился опустить его на землю, которая нравилась ему своим разнообразием: то зеленела она летом всеми оттенками, то белела зимой, ярко отражая солнечные лучи. Отпустил его Бог и сделал представителем истины и справедливости на земле: «ешь только тех людей и тот скот, которые в чем-нибудь провинились и на которые тебе будет указано, других же не трогай, иначе сам будешь убит», вот что было сказано ему, когда он расставался с небом. Не мудро поэтому, что всякий, сознающий за собой грех (а у кого его нет?), невольно дрожит при встрече с медведем, который не только живой, но и мертвый страшен инородцу. Хотя и убитый, но все-таки он все видит и слышит и поэтому, если чем-то

недоволен, то мстит затем своему убийце, а причиной неудовольствия в данном случае бывает малое почтение, оказываемое ему. Вот почему бьется охотник из всех сил, чтобы доказать, как он любит и уважает медведя, рассчитывая, что все знаки проявления этих чувств вознаграждаются затем сторицей. Сдранная с разными церемониями шкура с целым черепом вносится в жилье, кладется на почетное место, обставляется едой и питьем, окуривается бобровой струей или чем-нибудь другим пахучим и вызывает со стороны всех присутствующих поклоны и приветы. Устраиваются пляски и песни в честь убитого зверя, исполняется нечто вроде драматических представлений, причем действующими лицами являются только мужчины, иногда переодетые женщинами, а сюжетом служит жизнь самого медведя, жизнь прежних богатырей и великанов, разные сцены из обычной жизни и т.д. Совершаются эти празднества по ночам и обязательно не менее пяти, если убитый медведь — самец, не менее четырех, если самка, и трех, если молодой; приезжают соседи, иногда за 200—300 верст; все веселится, все ест и пьет, и нередко бывает, что запасы, приготовленные на несколько месяцев, исчезают после 2—3 удачных охот, так что с этой точки зрения, убить медведя — не барыш, а убыток, но, тем не менее, как это было выше сказано, все стре-

мятся на охоту, хотя и со страхом, но с тайной надеждой, что он найдет грешного медведя, убить которого ему поможет Торум. После празднеств шкуру большей частью жертвуют богам, череп вешают где-нибудь в лесу, а клыки и когти вырывают, как предметы, имеющие религиозное значение. Почитают медведя еще и потому, что он познакомил людей с употреблением огня, который принесен им с неба.

Многочисленны и разнообразны представители животного царства в Северо-Западной Сибири, служат они нередко единственным средством к жизни для местного обитателя, не мудрено поэтому, что он изобрел целый ряд различных снарядов и приспособлений, которые дают ему возможность добывать себе этих животных и пользоваться их мясом, их шкурой.

В привезенной коллекции имеются следующие вещи, относящиеся до рыбной ловли и охоты:

1. Модель избы русских рыбопромышленников на рыболовных песках по р. Оби и ее притокам строится без соблюдения каких бы то ни было гигиенических правил: вонь, грязь, дым и сквозной ветер составляют обыкновенную их принадлежность, вследствие чего развиваются накожные и простудные болезни.

2. Модель садка; в последние годы на Оби и ее притоках стал практиковаться способ со-

хранения осенней рыбы в садах вплоть до морозов, при наступлении которых ее вынимают, замораживают и в таком виде отправляют в Тобольск и другие места; понятно, от этого ценность рыбы увеличивается, и рыбопромышленники получают большую выгоду; инородцы стали делать теперь то же самое.

3. Модель торговой лодки — каюк; употребляется местными жителями, преимущественно русскими, для торговых целей; делается различной величины, но всегда крытый, и разделяется на две части: переднюю — помещение для хозяина и заднюю — для кладки и гребцов в случае непогоды; приводится в движение веслами, иногда и парусом, обыкновенно хорошо повинуется рулю; шестивесельная стоит около шестидесяти рублей.

4. Модель четырехвесельной лодки инородцев — *нила нельпхан*; большей частью бывает гораздо меньше и тогда делается только из одного дерева — пришивных боков нет; в такой одноподеревке могут ехать три, даже четыре человека, зависит от величины дерева, из которого она сделана; снаружи лодка обмазывается смолой из хвойных деревьев; если есть бока, то они при-

шиваются полосками из кедровых корней; маленькая лодка управляется одним веслом довольно искусно; если много кладки, то две такие лодки соединяются вместе посредством небольшого помоста, тогда они становятся устойчивее. Цена лодки 4-весельной — 7–10 рублей; на носу и на корме таких лодок имеются развилки, которых на маленьких не бывают*.

5. Модель стрежевой лодки со всеми принадлежностями — неводом, станком для его развешивания, с веслом, на который опираются при вытаскивании невода, и черпаком для воды; величина лодки и невода различна, зависит от состояния, числа участников в ловле и от мест; иногда невод достигает величины 100 и более сажень; бывают случаи, когда он захватывает больше половины реки, и хотя это законом запрещено, но практикуется до сих пор пока совершенно свободно; цена мережи 7–10 к. аршин; покупается у русских и отчасти у зырян.

6. Модель переметной лодки с переметом и доской для его складывания. Переметом называется веревка, на которую навязывают на маленьких бечевках довольно часто крючки, и обя-

* Весло гребное остроконечное овальное называется *сызи тѳп* или *ленк*; весло кормовое — четырехугольное рулевое — *кат тѳп*; место, в которое вставляется *ленк* — *сызи тѳп ленк*; место, в которое вставляется *кат тѳп* — *сызи тѳп пак*; парус — *парус*; мачта для паруса — *парус ангвыл*; корма — *посым*, нос — *нел*; перекладыны, поперечные на лодке — *товыт*; перекладина для мачты — *парус ангвыл товыт*, развилка носовая — *нел соп*; кормовая — *посым соп*.

зательно с наживой; называется переметом потому, что переметывается с одного берега на другой чрез небольшие речки и притоки; благодаря бревну, к которому прикрепляется обыкновенно в виде якоря камень, перемет находится на одном месте; крючки подвязываются на разной глубине, что зависит от хода рыбы — более или менее глубокого; благодаря движению воды, крючки колеблются, рыба видит приманку, бросается на нее и попадает на крючки, которые большей частью делаются самими же рыболовами из проволоки; этот способ ловли очень любим и русскими, и инородцами, но принадлежит к числу запрещенных.

7. Самолов — рыболовный снаряд, состоящий из веревки с нанизанными на ней десятками и даже сотнями крючков без наживы; пускается по течению, поддерживается на известном уровне, смотря где есть рыба, плавающим бревном и грузилами; самый хищнический способ ловли, безусловно воспрещенный законами, но он продолжает все-таки существовать; употребляется, главным образом, в низовьях Оби и ее притоках; введен русскими, но теперь практикуют и инородцы; главным образом, ловятся осетры; вред зависит от порчи массы рыбы, из которых всякая, какая плохо зацепилась, срывается, но без куска мяса.

8. Кольдан — снаряд, при помощи которого совершается

самый любимый инородцами способ ловли рыбы; кольдан представляет из себя мешок, иногда довольно значительной (до 1 кв. сажени) величины, сделанный из крупноячейной мережи; к нижней стороне его посередине прикреплена палка с камнем в фунта 3—4; при погружении мешка в воду эта палка вместе с камнем ложится на дно реки, от камня идет чрез кольцо, находящееся на середине верхней стороны мешка, веревка в руки кольданщика; кроме того, чтобы верхняя часть мешка не упала бы на нижнюю и чтобы мешок, опущенный в воду, был открыт, в руки ловца идут еще от верхнего края мешка несколько нитей; лишь только рыба заходит в такой мешок и начинает искать выхода из него, как сотрясение, производимое ею на стенки кольдана, передается рыболову, он моментально спускает веревки, верхняя часть мешка падает, и рыба ловится; этот способ ловли, главным образом, употребляется на Оби, и им ловят крупную рыбу: осетра, нельму, муксуна, пыжьяна, сырка и др.

9. Грузило для кольдана — *хултнэ ахтас*; сделан из камня — *лоу*, встречаемого в изобилии на левых притоках Оби в нижнем и среднем течении; интересен способ прикрепления к веревке, напоминающий собой грузила жителей свайных построек, все равно как и

10. Представляющий из себя нижнюю часть лосиного рога —

уй *аньт аны*, употребляемую для лучшего прикрепления камня, как грузила к колыдану.

11. Важан — небольшая сеть, натянутая с боков на палки; употребляется на Оби и ее притоках для ловли некрупной рыбы, особенно зимой во время замора у живцов.

12. Сеть для ловли язей (главным образом) — *ахтас хулып*, шириной $1\frac{1}{2}$ –2 сажени, ставится в быстринах и имеет две тетивы — *хулып сыпад*, причем нижняя — с камнями, помещенными в особых кольчиках (грузила — *ахтас хулып*, как и вся сеть), этими грузилами существенно отличается от

13. *Пал хулып* или просто *хулып* — сети без нижней тетивы и без грузил; шириной она не больше сажени, становится в тихих местах, и ею ловят всякую рыбу.

14. Морда — *камга*, главным образом, употребляется в заборах-язах, где и ставится в реках; делается из прутьев тальника или другого дерева, причем отдельные прутья связываются полосками из кедровых корней: форма различная, преимущественно у маленьких — конусообразная, а у больших — четырехгранная, широкая с одного конца и узкая с другого; величина варьирует сильно, от

одного аршина длины до 5; в широком конце находится внутренний конус, узким концом обращенный внутрь, причем ветви, из которых он делается, на конце не обрезаются; рыба, входя через этот конус камги, выйти оттуда не может, так как ей мешают эти концы; с другой стороны камга имеет отверстие, закрываемое дверкой, причем через отверстие и вынимается рыба; камги осматривают: когда хороший улов, каждый день, а то не более двух раз в неделю*.

15. Скребок деревянный — *хул хартне ив*, посредством которого вытаскивают рыбу из камги.

16. Сак деревянный с переплетом из кедровых ветвей — *теп*, употребляется для вынимания рыбы вообще и льда из проруби.

17. Деревянная колотушка, употребляемая для глушения крупной рыбы.

18. Берестяной надглазник — *посьян сас*, употребляемый при лучении рыбы.

19. Модель пешни, употребляемой для пробивания льда в прорубях при рыбной ловле.

20. Модель саней-нарт для перевозки рыбы из язов домой; перевозится или лично, или при помощи собак.

* Внутренний конус — *сеут*; конец этого конуса — *турах*; ручка, при посредстве которой или которых (у большой камги их две) они вытаскиваются на поверхность — *нял ив*. Деревянный обруч широкого конца — *э́нын ив*; отверстие, через которое вынимают рыбу — *камга патта*; его задвижка — *камга патта соль*.

21. Модель носилок для переноски только пойманной рыбы в садки.

22. Сачок, переплетенный веревками, употребляемый при летней рыбной ловле.

23. Образцы бродней-сапог, в которых производится обыкновенно рыбная ловля, как русскими, так и инородцами. При найме на работу обязательно выговаривается пара-другая бродней, ценность их 1р. 50 коп.—2 р. 50 копеек.

24. Тонкое сверло — *ося пазыхлап*; употребляется преимущественно для лодок: представляет из себя в высшей степени интересный инструмент, вполне достигающий своей цели как по быстроте работы, так и по легкости ее выполнения; делается преимущественно маньзами, причем только одна железная часть покупается у зырян за 25–40 копеек.

25–26. Два инструмента, при помощи которых делают лодки; обыкновенно их готовят из старых ножей, но они, несмотря на свою простоту, во многом облегчают делание лодки, при работе которых прежде всего выжигают осторожно се-

рину дерева, а затем уже начинают его выскабливать.

27. Невыделанные корни кедра — *уартал тār* (русские называют сарга); достают их всегда, когда нужно, но лучше весной, потому что тогда они сочнее и более гибки.

28. Выделанные корни кедра — *уарим тār*; при выделке их распаривают, очищают от оболочек и разрезают на полосы, иногда заменяются сосновыми корнями, употребляются при приготовлении лодок, морд и других рыболовных и иных принадлежностей.

29. Смола — *хап онх* или *маньзи онх*; употребляется для осмолки лодок; готовится из еловой и кедровой коры, причем поступают так: кладут ее в котел, наливают водой, укрепляют сверху обруч с мережей, чтобы она не могла подниматься, и кипятят 10–15 часов.

30. Перевес — *надас**; описание его приведено раньше, употребляется как инородцами, так и русскими, причем с каждым годом число охотников увеличивается, благодаря улучшениям способов сохранения птицы и большому спросу на нее.

* Верхняя веревка, на которой висит сеть, называется *нуми сыпад*, нижняя — *юли сыпад*, боковые — *пох сыпад*; веревки, которыми сеть привязана к столбикам, вбитым в землю — *лавыль куалых*, шесты, к которым прикреплена сеть — *падыс калтл*, блок, по которому движется веревка, опускающая сети — *векса*: веревка, на которой держится блок — *векса куалых*, веревка, за которую опускают сеть — *падыс куалых*; обруч, сквозь который проходит падыс куалых — *сени лякв*, петля, расположенная справа — *туитне лякв*, палка, которую выдергивают — *падыс соль*, крючок, к которому прикреплен блок — *падыс уангрып*.

31. Ловушка на тетеревей — *щопор няиль**, употребляется преимущественно осенью и зимой и ставится так, что птице единственным проходом остается путь, расположенный под бревнами; такой ловушкой обыкновенно добывается немало птицы, которая идет, главным образом, на собственное пропитание; такой способ ловли практикуется преимущественно инородцами, живущими по левым и правым притокам среднего течения Оби.

32. Гусь-манщик — *люнд имда*, чучело гуся, которое употребляется весной и осенью в качестве манщика для пролетающих гусей; охотятся с ним на таких небольших озерах и реках, чтобы ружье доставало противоположные берега, причем манщика ставят на два колышка во избежание подмочки, от которой он скоро портится, и головой против ветра в подражание настоящим гусям, которые тоже всегда так сидят, охотник обыкновенно скрывается тоже где-нибудь поблизости: или в кустах, или же даже в нарочно вырытой для этого яме; охота эта обыкновенно довольно удачная, иногда за несколько часов убивается по десятку, так как гуси охотно летят на манщика; про уток этого ска-

зать нельзя, за исключением черных, которых тоже иногда ловят при помощи чучел.

Набитый гусь принадлежит к породе *я-люнд*, в переводе — речной гусь, русские зовут его гумеником; прилетает он обычно раньше всех других гусей, потому что, как говорят маньзи, он раз поспорил с оленем, кто раньше принесет потомство, и хотя проиграл, потому что он несет яйца в то время, когда олень уже телится, но все-таки кладка яиц у него оканчивается очень рано, принимая во внимание время его прилета; лебедь, например, прилетающий раньше, несется позже. Кроме этой породы; на р. Северной Сосьве и других притоках среднего и нижнего течения р. Оби довольно обыкновенны: *ас-люнд* — ревун, *маньюнд* — казарка (обе эти породы встречаются и на Оби, почему первая прямо зовется обской: *ас-Обь*); *сяквой* — чигвой, самый малый из всех гусей, немного больше селезня; самца от самки различают тем, что у самцов на крыльях с наружной стороны — концы пестрые, а у самок одного цвета с остальной их частью.

33. Лебедь-манщик — *хотан'г имда*, употребляется с той же целью, как и гусь-манщик, только лебеди летят на манщи-

* Бревна, расположенные наверху — *няиль сысна*, боковые доски — *пох ив*, деревянный брусок, скрепляющий спереди бревна — *няиль эгнаспе ив*, веревка, поддерживающая бревна спереди — *няиль эгнасе нйр*, палка, поддерживающая бревна и к которой привязана пукля — *няиль альман ив*, палочка, придерживающая пуклю — *тос ив*, дощечки, по которым идет птица — *емасэ ив*, колья, стоящие спереди и сбоку бревен — *няиль сыпад*.

ка гораздо охотнее весной, чем осенью, когда их приманивать очень трудно: спешат в теплые страны, как это объясняют иногородцы; набитый лебедь принадлежит к породе *яных хотан* 2; т.е. больших лебедей, кроме этого, встречается еще на Северной Сосьве *соттал хотан* 2; на Оби встречается еще несколько видов лебедей, охотятся за ними только ради шкурок, так как мясо их почти никто не ест.

34. Лук — *еут*, прежде служивший единственным метательным оружием, в настоящее время почти совершенно вытеснен ружьем, делается длиной до сажени и склеивается, при посредстве оленьего клея, из двух полос разного дерева — кедра и сосны (обыкновенно), для большей упругости и прочности, снаружи весь обматывается полосками из тонкой бересты для предохранения, главным образом, от сырости; когда он не в употреблении, то плотно связывается с прямым шестом во избежание искривления и обматывается полосами грубой толстой бересты; при стрельбе лук держат вертикально в левой руке, а правой натягивают тетиву, захватывая, при согнутой в кулак руке, стрелу двумя пальцами — указательным и средним, точно так же держат и левую руку. Тетива, делаемая обыкновенно из пеньковой веревки, а то и из оленьих жил, имеет на концах петли, которыми и надевается на развилки лука; когда лук не на охоте,

то тетива снимается; из лука больше стреляют подростки да некоторые старики, которые привыкли к нему; к удобствам лука относится его тишина при стрельбе, благодаря чему зверь не пугается. Лук старый ценится дороже нового вследствие того, что он уже вполне окреп и не подвержен растрескиванию и искривлению, как это нередко бывает с новым, ценность лука равняется 3 рублям.

35. Стрела — *собг'ным нял*, длиной до 5 четвертей, с прямым железным наконечником из старого ножа в 1–2 вершка, употребляется при стрельбе лося, медведя, волка, лисицы, выдры и зайца, делается обыкновенно из елового дерева.

36. Стрела — *собг'ным нял*, длиной до 5 четвертей с прямым железным наконечником из старого ножа в 1–2 вершка, наконечник развилкой, употребляется при охоте на птицу — лебедей, гусей и уток.

37. Стрела — *махун нял*, длиной до 5 четвертей с деревянным тупым утолщенным концом во избежание порчи шкурки; употребляется при охоте за соболем и за белкой, при подобной же охоте употребляется и

38. Стрела — *махун нял*, оканчивающаяся тоже утолщением, в которое только вставляется небольшая кость с крючком на конце, по-русски такая стрела называется «тамара».

39. Колчан — *нял таут*, деревянный, составлен из двух

частей — нижней плоской и верхней, сильно выпуклой, связанных между собой ремешками; сверху несколько отверстий по числу стрел (не больше шести); весь украшен разными узорами, сделанными красной краской — нэрип; в настоящее время он не употребляется, оставлен не более 40 лет; найден при раскопках, по рассказам стариков, носился не за спиной, а у пояса с левой стороны, подвешенным в наклонном положении.

40. *Ясан* — костяная овальная пластинка длиной не более 1 1/2 вершка, подвязывается ремешками при стрельбе из лука к кисти левой руки во избежание удара тетивой; украшена резными узорами, иногда делается из дерева, теперь употребляется весьма редко.

41. *Хондуп* — шест длиной в человеческий рост, с которым прежде, теперь очень редко, зимой ходили по лесу; низ оканчивается лопаткой, чтобы удобнее было отгребать снег, доставать убитую добычу и даже пить воду из котла, а наверху находится небольшой кружок — *сукис*, чтобы можно было опираться и не проваливаться, идя по снегу на лыжах.

42. Лыжи — *еза*, длиной до 3 аршин и шириной до 3–4 вершков, снизу подбиты шкурой, содранной с оленьих ног (самой прочной), сверху раскрашены красной краской — *нэрип*. Место для ноги сделано из тонких вываренных деревянных полос, пе-

редние концы приподняты, задние — нет; такие лыжи, подбитые шкурой, употребляются только по веснам, чтобы во время оттепели не приставал снег, зимние же лыжи вполне деревянные и немного меньше, ценятся до 5–6 рублей, составляют необходимую принадлежность каждого охотника и оленевода.

43. Ружье — *пизаль*, в настоящее время почти вполне вытеснил лук, встречается у всех охотников и в большинстве случаев по несколько штук, так как бывает разных родов: ружья, из которых стреляют соболей, куниц, колонков, белок и вообще зверей небольших и вместе с тем представляющих какую-нибудь ценность, имеют очень толстые стенки и узкое, с горошину, отверстие дула во избежание порчи шкурок; ружья, которыми бьют оленей, лосей, медведей и вообще животных больших, имеют более узкие стенки дула и более широкие отверстия, середину между этими ружьями занимают те, которыми бьют дичь. Стреляют преимущественно пулями, которые делают сами из палочного свинца, отламывая и даже откусывая небольшие куски, которые затем жуют, придают им круглую форму, и получают пули, правда, не особенно ровные, но тем не менее вполне достигающие своей цели, дробью стреляют сравнительно редко. Все ружья — кремневые, и хотя часто поку-

паются пистоновые, но затем они тотчас переделываются на кремневые, так как они гораздо удобнее: реже осечки, не так легко сыреют и затем не приходится покупать пистонов, которых, к тому же, часто не бывает; под курком всегда находится кусочек кожи с шерстью, предохраняющий отверстие от засорений и от ржавчины, носят ружья обыкновенно сзади на левой стороне, при помощи ремня, идущего через плечо. Пороху идет на заряды разное количество, зависящее от размера отверстия дула; средним числом из фунта получается от 60—110 зарядов, которые в большинстве случаев бывают небольшие; ружья, свинец и дробь приобретаются от русских и зырян, ценность первых от 6 до 15 р., ценность второго — до 30 копеек фунт и дробь до 40 коп., продажа пороха частными лицами воспрещена (хотя нередко практикуется): он весь получается из казенных складов по 60—80 коп. фунт, но ввиду того, что вахтеры, заведующие подобными складами — пороховыми и хлебными — не дают казенного добра в долг и предлагают, если у инородца нет денег, что бывает довольно часто, взять у них лично займы за большие проценты или же купить их собственный порох, но только по 1 р.—1 р. 20 коп. фунт, то дешевизна пороху только служит часто средством заработать лишние день-

ги вахтеру или вообще русскому, так как каждый из них имеет право покупки казенного пороха; нередко ружья покупаются по частям — дуло, замок отдельно, а все остальное устраивается самостоятельно.

44. Кремневый ружейный замок — *пизаль найкэр*, покупается большей частью у зырян по рублю штука.

45. *Пизаль пукля* — костяная пластинка, служащая для спуска курка в кремневых ружьях, делается самими инородцами из кости оленьей или лосиной.

46. Мерка для пороху — *мера*, из кости с узорами, иногда из дерева, подвешивается обыкновенно к ружью.

47. Пороховница — *селя кол*, приобретается у зырян и русских за 50—75 коп.

48. Капкан для горностаев — *сельзи сопкас*, представляет из себя лучок, тетива — *яндев* которого сделана из черемухи, к ободку лучка неподвижно прикреплена деревянная лопатка с квадратным почти отверстием, в вершок приблизительно величины, к тетиве прикреплена лопатка чуть поменьше, которая при движении тетивы движется также, и то вполне закрывает отверстие в большей лопатке, то его открывает; благодаря небольшим деревянным пуклям можно натянуть лучок, открыть таким образом отверстие, но, при малейшем колебании маленькой палочки, находящейся в этом отверстии,

тетива спускается, и отверстие с страшной силой закрывается; такой капкан ставится на горностаевой тропе, маскируется чем-нибудь и бока заваливаются, чтобы единственным проходом было отверстие в лопатке: горностай туда попадает, колеблет палочку, тетива спускается, и горностай с перешибленной спиной делается добычей охотника; подобные капканы ставятся также и перед норой.

49. Капкан для белок — *янан'э*, устроен подобно предыдущему, только гораздо больше и вместо неподвижно прикрепленной лопатки с отверстием к лучку привязывается две деревянные пластинки, связанные плотно на одном конце и раздвинутые вершка на три на другом, этот раздвиг и образует отверстие, через которое стремится белка и где она обыкновенно убивается; иногда такой же капкан ставится и на горностаев.

50. Модель самострела на зайцев — *соур еут*, состоит из лука с черемуховой тетивой и из деревянной пластинки, неподвижно прикрепленной с зазубринами снизу; посредством пуклей и зазубрин лук натягивается, на пластинку накладывается стрела таким образом, чтобы при спуске тетивы она летела бы вперед, и снаряд, таким образом устроенный, ставится между двух деревьев поперек следа в некотором только от него расстоянии, и загребается сверху

снегом так, чтобы на поверхности осталась только одна стрела, против которой на другой стороне следа вколачивают небольшой колышек, от которого протягивают к самострелу белую оленью жилу, совсем незаметную; заяц, а иногда и другой подобный зверь, идя своей тропой, трогает жилу, тетива спускается, и стрела, большей частью на месте же, убивает животное, или оно несколько пройдет, но, оставив после себя кровавый след, всегда может быть найдено; только иногда какой-нибудь хищник — волк, лиса воспользуется даровой пищей, но против этого трудно уберечься, особенно при том большом количестве всевозможных самострелов и капканов, которые бывают у инородцев.

51. Модель самострела на лося, оленя и медведя — *уля еут*, устраивается совершенно так же, как и предыдущий, только делается гораздо больше и становится выше, сообразуясь с ростом животного, на которое насторожен самострел; при этом, как уже было сказано, стараются загородить все боковые проходы; чтобы дать понятие о величине такого рода самострелов, приведу измерение одного из них, вполне тождественного с другими: длина самого лука 4 аршина 5 вершков, окружность его 6 вершков, длина тетивы, сделанной из простой веревки, — 3 аршина 6 вершков, длина ложа, на кото-

ром лежат стрелы и снизу которого устроены зарубки — 1 арш. 12 вершков, стрел — *уля еут нял* при таком самостреле, было три (бывает иногда и две), длиной они были 27 вершков, из которых 6 вершков шло на железный наконечник в виде копья и сделанного из старого ножа; на подобных стрелах перьев не бывает. У хороших охотников, усиленно занимающихся охотой за лосями, оленями и медведями, бывает таких стрелков по нескольку десятков.

52. Капкан — *кэр нял*, употребляемый инородцами на зайцев, лис и песцов, приобретает обыкновенно у зырян по 1 р. штука; ловят им, главным образом, зимой, расставляя везде, где только есть следы зверей; иног-

да у охотника находится их более сотни.

53. Капкан — *кэр-нял*, употребляемый инородцами на росомах, волков и выдр, ценность его 1 р. 50 к.—1 р. 75 к.

54. Модель капкана на медведя, с зазубринами по краям, уменьшена в 10—12 раз, употребляется русскими, живущими в Северо-Западной Сибири; инородцы медведей капканами пока не ловят.

55. Модель капкана на волка уменьшена в 4—5 раз, употребляется русскими (устроен так же, как и №50).

56. Модель капкана на выдру с острыми, заходящими друг на друга двумя зубцами, уменьшена в 4—5 раз, употребляется инородцами и русскими, живущими на Оби.

(Окончание в следующем номере)

Прабабушка югорских библиотек

Одна из старейших библиотек Западно-Сибирского Севера — Березовская центральная районная библиотека. В начале июня 1999 года праздновалось ее столетие. Надо сказать, что праздник этот прошел несколько преждевременно. Факт открытия библиотеки в день столетия со дня рождения А.С. Пушкина, до недавнего времени считавшийся бесспорным, опровергает тобольская газета «Сибирский листок», неоднократно называвшая другую дату — 19 февраля (ст. ст.) 1900 года. В этот день, сообщала газета, в здании Березовского уездного училища, где приняла своих первых читателей библиотека, был отслужен молебен, и смотритель училищ, он же заведующий библиотекой, Петр Никандрович Грязнов выступил с речью. 19 февраля 1901 года библиотека уже отмечала свою первую годовщину, и с отчетом о ее работе выступил тот же П.Н. Грязнов. Прямые же библиотекарские обязанности исполнял учитель Федор Филиппович Ларионов.

Найденные недавно в государственном архиве Томской области документы подтверждают, что библиотека открылась позднее июня 1899 года, и по-

зволяют проследить, как ходатайство березовской общестственности, желавшей приохотить к чтению почти поголовно грамотных горожан, двигалось по ступеням бюрократической лестницы. Казалось бы, библиотека — дело березовцев, и только их, но на деле открытие ее могло состояться не раньше, чем на то было получено соизволение свыше. Оно и пришло осенью 1899 года.

11 октября управляющий Министерством народного просвещения и директор департамента (подписи неразборчивы) уведомили из Петербурга попечителя Западно-Сибирского учебного округа о том, что разрешено учредить при Березовском уездном училище общественную библиотеку на изложенных в проекте правил условиях и присвоить ей наименование «Пушкинской». Через некоторое время из Томска через Тобольск эта весть дошла до Березова.

Кроме публикуемых в номере служебных писем, протокола заседания педагогического совета уездного училища и правил библиотеки, много интересного сообщающих о том, как она обслуживала своих читателей, в

архивном деле есть еще два списка книг, пожертвованных библиотеке разными лицами (к сожалению, они не называются) в январе и феврале 1900 года. В эти два месяца было получено 188 томов: собрания сочинений Пушкина, Державина, Лермонтова, Гончарова, Писемского, Шекспира, Байрона, Ж. Верна, отдельные тома Грибоедова, Баратынского, Полежаева, Кольцова, Сервантеса и других русских и зарубежных авторов.

На полках массивных высоких шкафов, изготовленных учителем профессионального класса уездного училища, превосходным столяром Иваном Семеновичем Колесниковым, стояли и книги о Сибири: «В снегах» К. Носилова, «Описание Березовского края» Н. Абрамова, «О достопримечательнейших памятниках сибирской древности» Спасского. Две последние библиотека приобрела в Императорском Русском Географическом обществе. Кроме того, планировалось выписать на пожертвованные деньги книги В. Бартенева «На крайнем северо-западе Сибири: Очерки Обдорского края», «Сибирь как колония» и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» Н. Ядринцева и «Антропология» Э. Петри.

Копии всех упомянутых документов переданы Березовской центральной районной библиотеке. Возможно, кто-то из ее сотрудников захочет проследить пути книг, столетие назад зало-

женных в фундамент библиотеки благомыслящей березовской интеллигенцией. Это мог бы быть увлекательный поиск.

9 июля 1899 г.

**Господину Управляющему
Западно-Сибирским учебным
[округом]**

Педагогический совет Березовского уездного училища в заседании 26 марта сего года, желая ознаменовать день празднования столетнего юбилея А.С. Пушкина, постановил открыть при уездном училище публичную библиотеку по уставу библиотек при Кольванском и Барнаульском городских училищах. Основной фонд этой библиотеки могут составить: 1) 50 рублей, собранные в прошлом году на устройство ученического сада. Этот сад не будет открыт вследствие того, что Тобольская консистория разрешила на указанном месте между церковной оградой и женским училищем устроить сад для учеников церковно-приходской школы; 2) деньги, которые даст подписка в день торжественного акта 27 мая и 3) пожертвования частных лиц книгами и журналами. Находя открытие такой библиотеки в г. Березове желательным и желая приурочить открытие ее к дням празднования 100-летнего юбилея Пушкина, члены педагогического совета, возбуждая ходатайство об этом, просят наименовать эту библиотеку «Пушкинской».

Так как при представлении этого ходатайства смотрителем училищ не было приложено проекта правил для библиотеки, которую предполагено поместить в здании уездного училища, то мною было предложено выработать проект правил для учреждаемой Пушкинской библиотеки и условий пользования книгами из оной. В настоящее время проект выработан и представлен мне для дальнейшего движения ходатайства, возбуждаемого педагогическим советом Березовского уездного училища.

Принимая во внимание то, что почти все население г. Березова грамотно, желающих читать много, а читать нечего, и что при устройстве проектируемой библиотеки собрано по подписке частных лиц до 200 рублей, и на будущее время библиотека обеспечивается денежной платой от 5 руб. до трех в год от желающих пользоваться книгами, имею честь почтительнейше представить ходатайство Березовского уездного училища на благоусмотрение и зависящее распоряжение Вашего Превосходительства.

Протокол за № 14 и проект правил при сем прилагаются.

Директор [училищ Тобольской губернии] **Петр Панов.**

5 июня 1899 года

**Протокол педагогического
совета Березовского уездного
училища**

Присутствовали: председатель педагогического совета

штатный смотритель Березовских училищ П.Н. Грязнов, законоучитель протоиерей о. Георгий Поникаровский, учитель русского языка Ф. Ларионов и секретарь педагогического совета учитель истории и географии А. Гушин.

Штатным смотрителем П.Н. Грязновым был предложен на обсуждение совета проект устройства Пушкинской публичной библиотеки, открываемой в ознаменование столетнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина.

Члены совета, найдя устав библиотеки, составленный применительно к уставам публичных библиотек при Кольванском и Барнаульском городских училищах вполне согласным с местными условиями, постановил: представить его господину директору училищ Тобольской губернии и просить Его Превосходительство возбудить ходатайство перед высшим начальством об учреждении упомянутой библиотеки в г. Березове при Березовском уездном училище с присвоением ей названия «Пушкинской».

Председатель педагогического совета штатный смотритель П. Грязнов.

Законоучитель протоиерей Георгий Поникаровский.

Учитель русского языка Фед[ор] Ларионов.

Секретарь педагогического совета учитель истории и географии А. Гушин.

Правила для Пушкинской общественной библиотеки, помещавшейся при Березовском уездном училище

А. Общее положение

1) Пушкинская общественная библиотека при Березовском уездном училище должна быть учреждена на деньги, во-первых, собранные по подписке 14 июня 1898 года на торжественном акте уездного училища в количестве 59 рублей, во-вторых, на деньги, которые должны поступить по подписке в день празднования 100-летнего юбилея со дня рождения А.С. Пушкина. Дальнейшее существование библиотеки может быть обеспечено подписной платой с подписчиков и устройством в пользу библиотеки спектаклей, чтений и проч.

2) Пушкинская общественная библиотека имеет целью дать возможность всем жителям г. Березова за небольшую плату пользоваться книгами, журналами и газетами.

3) Библиотека должна помещаться в уездном училище и состоять в ведении штатного смотрителя Березовских училищ.

4) Выбор книг, журналов и газет для этой библиотеки должен производиться при участии штатного смотрителя Березовского уездного училища и с утверждением попечителя Западно-Сибирского учебного округа.

5) Подписчики библиотеки могут пользоваться книгами и периодическими изданиями лишь для чтения на дому; в помещении же библиотеки чтение газет и журналов не дозволяется.

6) Книги должны выдаваться в определенные дни и часы, во время, свободное от классных занятий.

Б. Условия для пользования книгами

1) Выдача книг из библиотеки производится библиотекарем, избираемым из членов педагогического совета Березовского уездного училища, по назначению штатного смотрителя училища.

2) Выдача книг должна производиться по средам и субботам с 12 до 2 часов дня.

3) Все учащиеся и окончившие курс в уездном училище мальчики и ученицы женского приходского училища пользуются книгами бесплатно; это же право предоставляется всем беднейшим жителям города, кои предъявят из полицейского управления удостоверение о бедности.

4) Для прочих читателей устанавливается подписная цена: 1) за право пользования всеми книгами и журналами — 5 рублей в год, 3 рубля в полгода и 50 копеек в месяц; 2) при условии пользо-

вания всеми книгами и журналами прежних лет — 2 рубля в год, 1 руб. 20 коп. в полгода и 25 копеек в месяц.

5) При подписке оставляется читающими 3 рубля залога. Залог может быть заменен ручательством лиц, известных библиотеке.

6) Деньги за чтение и залог вносятся при начале подписки, в получении их подписчику выдается квитанция. Залог возвращается по окончании срока абонементов и по возвращении всех библиотечных книг.

7) Срок пользования книгами и прошлогодними журналами полагается две недели, новыми журналами и газетами — от выдачи до выдачи.

8) Книги могут быть взяты на вторичный срок, если на них не было заявлено требования другими лицами.

9) За просроченные дни полагается особая, сверх подписной, плата: за каждую книгу — 10 копеек, за новый журнал — 15 копеек и за номер газеты — 3 копейки за все просроченное время (т.е. от выдачи до выдачи).

10) За утрату и нечаянную порчу книг виновные уплачивают стоимость утраченного и испорченного. За вырезывание же листов и картин из книг, а равно и за подписи на книгах взыскивается двойная стоимость испорченной и испачканной книги, и виновный лишается права пользования книгами с обращением уплаченных им денег за чтение и залога в пользу библиотеки.

11) За один раз книг выдается не более двух, по одной книжке из месячных журналов, по одному номеру из недельных газет и журналов и по три номера ежедневных газет.

12) Каждому подписчику выдается записная тетрадь, в которую записывается все, что будет отпущено из библиотеки по его требованию.

13) Без представления означенной тетради ни по записям, ни лично нельзя получать из библиотеки книг.

14) Если подписчик по окончании срока подписки в течение месяца не возвратит библиотечных книг, не возобновит подписки и [не] сделает расчета с библиотекой, то он исключается из числа подписчиков, и залог его зачисляется за взятые им из библиотеки книги и за их чтение после срока абонементов.

15) Деньги, уплаченные за чтение, обратно не выдаются, но право на чтение может передаваться другому лицу или отдаляться до другого времени, не далее года.

16) Книги ученикам и ученицам выдаются по рекомендации учителей или учительниц, которые отвечают за пригодность их для учащихся.

17) Выдача книг учащимся записывается в особой записной книге библиотеки, каждая за особым номером.

18) Книги выдаются учащимся один раз в неделю по воскресеньям с 11 до часу дня.

19) Запрещается оставаться для чтения книг или журналов, или газеты в помещении училища.

«Еще могу сделать орудию...»

Зимой 1877 года штаб-офицер Омского окружного артиллерийского управления штаб-капитан гвардии Сергеев отправился в инспекторскую поездку по Тобольской губернии. Кроме осмотра вооружения в частях, расквартированных на территории губернии, он имел задание ознакомиться с личностью некоего Галкина и «заявленными им изобретениями». Результаты этого ознакомления сохранились в архивном деле «Об изобретении крестьянином из ссыльных Ишимского округа Готопутовской волости Федором Галкиным ружья, митральезы, подводной лодки, парохода, действующего без паров, и часов с автоматами» в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области¹.

Из документов видно, что почти одновременно в августе и октябре 1886 года ишимский крестьянин из ссыльных Федор Петрович Галкин обратился с

прошениями к тобольскому губернатору и командующему войсками Омского военного округа, в которых сообщал о своих изобретениях и просил оказать помощь в изготовлении моделей (Л. 8—9 об, 14—15 об).

Во время своего визита зимой 1887 года Сергееву удалось осмотреть некоторые модели и чертежи изобретения Галкина. Из бесед с изобретателем им было также установлено, что Галкин еще до 1866 года изготовил три образца скорострельной пушки, которые были рассмотрены в 1866—1868 годах местными комиссиями в Тобольске и Омске. В 1869 году его с этими моделями отправили в Петербург в Главное артиллерийское управление. Модели были изучены артиллерийским комитетом в октябре 1870 года. В заключении комитета говорилось, что Галкин изобрел оригинальный механизм, позволявший ускорить стрельбу из орудий.

¹ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 33. Д. 633. В дальнейшем все ссылки на листы этого дела делаются в скобках в тексте статьи.

Суть изобретения заключалась в следующем: вблизи казенной части орудия был устроен рычаг, при движении которого (вверх—вниз или вправо—влево) в одну сторону открывались отверстия в казенной части ствола, в его канал из особой воронки попадал снаряд и из мерки засыпался заряд, одновременно капсюль надевался на запальный стержень. При движении рычага в другую сторону отверстие в казенной части ствола закрывалось, и ударный молоток ударял по капсюлю. Таким образом, по уверению изобретателя, можно было делать до 30 выстрелов в минуту. Но, будучи человеком невоенным и слабо знакомым с особенностями артиллерийской стрельбы, Галкин не учел два обстоятельства. Во-первых, он не предусмотрел особых приспособлений, которые препятствовали бы прорыву газов, и, во-вторых, «вовсе упустил из виду свойство всякого орудия получать отдачу при выстреле», из-за чего после каждого выстрела орудие приходилось вновь наводить на цель. Чтобы ликвидировать этот недостаток, все пушки в натуральных размерах достигали бы веса в 350 пудов, а размах рычага и усилие для приведения его в движение увеличились настолько, что едва ли можно было достигнуть этим пу-

тем десяти и даже пяти выстрелов в минуту. Поэтому комитет признал изобретение Галкина не заслуживающим внимания². Однако, принимая во внимание труды и желание принести пользу отечеству, Главное артиллерийское управление ходатайствовало перед государем императором о выделении денежного пособия изобретателю в размере 200 рублей для возвращения к прежнему месту жительства либо «на некоторое время в возможности к проживанию в Петербурге для приискания какого-либо места соответствующего специальности» (Л. 20 об.—21).

По словам Федора Петровича, эти три модели скорострельной пушки сгорели в 1871 году в селе Грязнухи Пермской губернии во время обратного путешествия домой. Однако это печальное происшествие не обескуражило сибирского умельца, и он продолжал неутомимо заниматься любимым делом. В 1874 году он вновь подает прошение на высочайшее имя, в котором заявляет об изобретенном им скорострельном ружье, митральезе³, способной делать тысячу выстрелов в минуту. По словам Галкина, из Петербурга пришел ответ с приглашением прибыть в столицу, правда, за свой счет. Такой роскоши Галкин позво-

² Обзор журналов Артиллерийского комитета // Артиллерийский журнал. 1871. № 2. С. 112—115.

³ Митральеза — французское название картечницы многоствольного огнестрельного оружия на лафете или треноге. Во второй половине XIX века имели от 5 до 25 стволов и могли производить до 600 выстрелов в минуту.

лить себе не мог. Зато в идеях ограничен не был, а фантазию будоражили известия о достижениях зарубежных изобретателей, которые доходили до Федора Петровича через письма чиновника строительного отделения Тобольского губернского правления Жилина. Сергеев познакомился с перепиской Галкина и Жилина. Например, в письме от 30 января 1875 года он сообщал Галкину о том, что принятое недавно на вооружение в прусской армии ружье Маузера «стреляет на 2 версты, а наша малопульная берданка на одну только версту и сильно отдаёт в щеку и что в газете Голос 1874 № 358 напечатано, что некто г. Томашевич проектировал винтовку, заряжающуюся в 3 секунды и им же изобретено пневматическое ядро, которое действовать будет кругом себя на 20 сажень» (Л. 22).

Сергеев отмечает в докладе, что Галкин, поддерживаемый восхвалениями и такими сведениями, после 1874 года уже не устраивал моделей, а всецело занялся «проектами» и «додумывается до устройства орудия с митральезом, о разборном орудии на части, об ядре напоминающем шрапнель, о возможности устройства движения парохода без расхода на топливо и без водяного пара при помощи химического соединения, об устройстве спасительного снаря-

да в виде запасного судна и о применении в разрывных снарядах вератрина для производства чихания в неприятельских войсках» (Л. 22–22 об.)⁴.

В 1886 году уже вместе с местным заседателем Удольским Галкин спроектировал пароход, винт которого был рассчитан на привод не паровой машиной, а ветряными крыльями, а при неимении ветра — «рычагами вручную через зубчатые колеса» (Л. 22 об).

Обо всех этих изобретениях и сообщал в довольно живописной и бесхитростной манере в августе и октябре 1896 года тобольскому губернатору и командующему Омского военного округа. Изобретатель Галкин заявлял об изобретении им скорострельного ружья с железной ложей и устройством в прикладе топоре, «который ни толко можит заминить штык, при обороне но им можно будит что угодно рубить и резать, ни причиняя никокого вреда самому оружию». Далее он утверждал, что может сделать «орудию с митральезом, которое будит зарижадтца с казенной части посредством рычага, и она орудия можит выстреливать тридцать раз в одну минуту, но митральез до тысячи раз в минуту, и она орудия будит поварачиватца на право, и налево тоже одним рычагом при самом легком нажими рычага и при она орудии прислуги бу-

⁴ Вератрин—алкалоид, имел вид белого или сероватого порошка, не имеющего запаха, возбуждающего сильное чихание, на вкус — острый, жгучий, при приеме внутрь — сильный яд.

дит только два чиловека. 3-е, еще митролез без орудии, которой тоже будит выстреливать до тысеци раз в минуту и оной митролез будит стрелять ридами и залпаом (т.е. залпом?). 4-е, орудия которая будит все разбиратца в самое скорое время, и точно также собиратца для пириправы чрез ниудобные места, как то чериз реки, болота, а особенно при подняттии на горы. 5-е, едро для орудии которое будит стрелять во время своего полету из зделаит несколько выстрилов в тот предмет, куда онно будит пушено, а потом уже оно и само явитца. 6-е, еще могу зделать модель подводной лодки со всем ея внутриним миханизмом, которая была мною зделана в 1852-м году, ну по случаю пожару в 1871 году згарела. 7-е, еще пораход без топлива, которой буит действовать одними холод[н]ыми парами от чиво можит быть громадное сбирение лесу. 8-е, еще могу зделать спаситильной снаряд для карблей и также для параходов во время нисчасных случаев, в котором могут несколько чиловек спастись как бы его волны ни бросали ну он никогда ни можит захлибнутца водой и ни можит опрокинутца, ну кроме онова в моем спаситильным снаряди спасающия лица наитить все нужная средства для жизни их, хоша бы их носили волны целай месии или больши.

Ну кроме оных предмитов у меня много планов для устройства разных полезных вешей, ну

бедность и отдаленность от матириалов и ни имея инструментов ришительню ни дают мне никакой возможности исполнить онова» (Л. 14—15). Ну чем не сибирский Леонардо до Винчи?!

Проживая среди лесов и болот, Галкин проектирует пароходы, подводную лодку, «спасительный снаряд» Для движения подводной лодки, модель которой он создал в 1852—1855 гг., Федор Петрович приспособил часовой механизм с двумя колесами, располагавшимися по бортам лодки. В движение механизм приводился сильной пружиной. Для поднимания и опускания лодки в воде были приспособлены особые поршни для впуска воды в нижнюю стенку лодки и особые приспособления для закачивания воздуха. Автор полагал, что люди могут находиться в этой лодке до 6 часов. Модель лодки вместе с моделями пушек сгорели в 1871 году. За неимением средств Галкин не смог довести ее до Петербурга и представить на обсуждение компетентной комиссии (по дороге в столицу он оставил лодку в Нижнем Новгороде). Стоила модель 150 рублей. Сумма весьма значительная.

В другом варианте устройства двигательной части парохода Галкин предлагал вместо топлива использовать химическое соединение: соды, разведенной в воде, и серной кислоты, «отчего, думаю, будет образовываться углекислый газ, который

при расширении будет производить давление на поршни» (Л. 7).

Для «спасительного снаряда» Галкин предполагал устроить некое подобие лодки в виде поплавка с шарообразным верхом и суживающимся книзу корпусом. Для придания устойчивости в нижней части помещались припасы или просто балласт.

Осмотрев некоторые модели и чертежи Ф.Л. Галкина, штабс-капитан Сергеев отметил оригинальность замочного и спускового механизма скорострельного ружья, в котором при открывании затвора одновременно происходило сжатие боевой пружины. Правда, ускоренный режим заряжания при помощи откидного затвора и воспламенение капсюля патрона иглой в то время уже были осуществлены. И в целом Сергеев пришел к выводу, что едва ли какое из изобретений Галкина «применимо к военным целям». Скорострельное ружье было громоздким и тяжелым. Пусковой механизм и затвор насчитывали 40 частей, притом затвор не имел выбрасывателя для пустых гильз и предохранительного взвода. Вес железной ложи, предложенной Галкиным, достигал 4,5 фунтов, тогда как в принятом в то время на вооружении русской армии ружье Бердана — менее трех. Кроме того, железная ложа имела ряд существенных неудобств: при стрельбе она нагревалась, а в хо-

лодное время была «неудобна для держания в руках».

Орудие с митральезой было очень тяжелым — вес одних только снарядов составлял 12 пудов, не считая веса барабана и других приспособлений. Кроме того, конструкция Галкина не имела устройства наводки оружия для стрельбы на различные расстояния.

Принцип разборности орудий уже был опробован в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. (свинтные мортиры), а картечные гранаты употреблялись уже с 1808 года. Необычной Сергеев признавал идею применения в разрывных снарядах вератрина для воздействия на живую силу противника. Устройство же подводной лодки, использование в качестве движущей силы энергии химической реакции признавались им невозможными, а устройство «спасительного снаряда составляет фантазию» (Л. 23—26).

Кроме указанных изобретений военного назначения, Сергеев осмотрел карманные часы, «устроенные в большом раз- мере в виде столовых» и куклы-автоматы, приводимые в движение часовыми механизмами. Одна из этих кукол руками поднимала стаканы, стоящие на столе, и наклоняла голову. Другая кукла была сделана в виде девушки, прядущей нить.

Несмотря на невозможность практического использования изобретений Галкина, Сергеев

счел необходимым рекомендовать приобрести автоматы для Тобольского музея, открывшегося в день трехсотлетия города. Считал полезным и приобретение моделей ружья и митральезы после того, как Галкин устранит указанные недостатки, а «развившаяся страсть к изобретениям для пользы отечества» в довольно пожилом возрасте — 71 год — и неимение средств к дальнейшей жизни «заслуживает ходатайства о признании крестьянина Галкина на старости к дальнейшему существованию из земских сборов» (Л. 26 об.).

Поражают энтузиазм и настойчивость Ф.П. Галкина, тогда уже пожилого человека, в своем стремлении принести пользу отечеству. Спустя три года после первого визита штабс-капитана Сергеева (во второй раз он побывал в Готопутово 7 августа 1889 года), в июне 1890 Галкин вновь обратился с просьбой об оказании материальной помощи для продолжения работ. В «докладной», поступившей в губернское правление 12 июня 1890 года, он писал, что, следуя указаниям господина Сергеева «занятца еще скорострельным ружьем и митральезом» из-за отсутствия средств, но при «ревности для пользы своего отечества решился продать свой дом», переехал на квартиру и занялся доработкой ружья, которое успел окончить. «Оное ружье имело сложности всего 10 штук кроме

штыка, и могло выстреливать более 20 раз в одну минуту». Затем он обратился к доработке митральезы, способной стрелять со скоростью тысяча выстрелов в минуту, но не успел ее закончить, так как дом, в котором он жил, «зажгли злодеи злоумышленно 7-го июля в 10 часов дня, а я в оное время был в доми один. При испуги онова и при старости моих лет, я ни успел ничего спасти и лишился всего, как своего имущества и инструменту, в натоющая время нахожусь в бедном положении» (Л. 12).

22 декабря 1890 года Галкин обращается за помощью в губернский музей и просит «приказать мне сделать для музея какую-нибудь редкость, которая бы могла антирисовать публику, удивлять или забавлять». Таких «редкостей» он готов был сделать четыре: «1-е, я могу сделать автомата с чисами и музыкой, которой будит показывать всякой час разные штуки. 2-е, еще для увисиленья публики автоматы которой будит плесать под музыку. 3-е, еще автомат которой будит делать разные позы тоже под музыку. Я в полной уверенности что мои автоматы легко привликут к себе публики. 4-е, еще модель бронзового парахода которой будит действовать одним воздухом без топлива»⁵.

В подписке, которую дал Галкин 8 марта 1891 года земскому заседателю первого участка Ишимского округа Глухов-

⁵ ТГИАМЗ. № 889. Л. 33—33 об.

цеву, он выражал готовность «создать афтоматы для увеселения в течении 8 месяцев с музыкой и часами» при условии выделения средств (Л. 32).

Примерно в это же время Галкиным заинтересовалась администрация. 22 ноября 1890 года (очевидно, реагируя на «докладную» изобретателя от 12 июня) тобольский губернатор поручил ишимскому окружному исправнику собрать подробные сведения об образе жизни, семейном положении, средствах к существованию, занятиях и поведении Галкина. Предоставить эти сведения надлежало с заключением о том, насколько необходима ему материальная помощь. Исправник был обязан также осмотреть все имеющиеся у изобретателя модели и «предложить ему уступить их для хранения в тобольском губернском музее с назначением за это платы» (Л. 18 об). «Своевременная» реакция, не правда ли?

10 апреля 1891 года ишимский окружной исправник доносил, что крестьянин Ф.П. Галкина «поведения хорошего, жизнь ведет скромную ни в чем предосудительном замечен не был». В молодости имел дом и небольшое хозяйство, по старости дом и скот продал, а остальное имущество сгорело во время пожара, «бывшего в деревне Боковой в 1887 году». В 1891 году Галкин вместе со старухой женой жил на квартире родственников и «средств к жиз-

ни никаких не имеет». Ввиду этих обстоятельств исправник считал необходимым оказать материальную помощь «со стороны начальства хотя в размере 3 рублей в месяц». Что же касается изобретений, «то такие все сгорели в пожар, бывший в квартире Галкина в 1887 году в настоящее время у Галкина вновь изобретений никаких нет» (Л. 16—16 об.).

Неизвестно, была ли оказана помощь престарелому изобретателю (в 1891 году ему было уже около 75 лет). Тем не менее Ф.П. Галкин не прекратил своей работы, несмотря ни на возраст, ни на бедственное материальное положение. 5 октября 1891 года он вновь обратился в губернское правление. В своей «докладной» он писал, что в результате постоянных занятий скорострельными орудиями «в настоящее время мною разработана такое орудие, которая может поистине принести большую услугу дорогому нашему отечеству во время военного дела, подобного орудия еще нигде нету, которая даже может удивить во время военного дела на 3-х верстом расстоянии. Ну оной секрет я храню у себя!». Далее Федор Петрович писал, что если бы ему было выделено пособие, то он смог бы окончить орудие и представить его «на вит» правительству, потому что хотя и лишился имущества, «ну все еще миня влечет делать пользу своему царю!» (Л. 36).

Однако в то время губернские власти уже потеряли интерес к крестьянину-изобретателю. Поэтому началась обычная бюрократическая чехарда. «Докладную» Галкина из губернского управления переправили в местную 26-ю бригаду. Оттуда ее вернули с указанием, что изобретения, касающиеся оружия, должны направляться в артиллерийское ведомство (Л. 34, 35). После этого чиновники из управления предписали ишимскому окружному полицейскому управлению объявить «крестьянину села Готопутовского Федору Петровичу Галкину, что с заявлением об изобретенном им ружье он должен обратиться в Артиллерийское ведомство» (Л. 38). По отношению к 75-летнему старцу, не имевшему родственников и средств к существованию, такой ответ выглядит издевкой.

Дальнейшая судьба талантливого неутомимого изобретателя-самоучки, ссыльного крестьянина Федора Петровича

Галкина и его изобретений неизвестна. Впрочем, угадать ее несложно. Из-за отсутствия необходимых средств в последние годы он уже, по-видимому, никаких моделей и образцов не изготовлял. Чертежи, если они были, вряд ли представляли ценность для деревенского окружения изобретателя.

Малограмотному крестьянину трудно было соперничать в изобретении оружия с более образованными и обеспеченными специалистами. Но его настойчивое и бескорыстное стремление быть полезным отечеству, пронесенное и сохраненное им через всю жизнь, не может не вызывать уважения и восхищения. «Я постоянно стремясь к достижению цели. Я в твердой уверенности что это послужит на благо отечеству, ни привилегии, ни награды влукют меня, а желание выполнить заветную мечту для пользы нашего отечества, без корысталоубия», — так писал в одном из своих прошений Федор Петрович Галкин.

В одном из номеров «Лукича» была опубликована статья С. Кубочкина, посвящённая традиционным народным забавам, существовавшим в Тюмени в прошлом¹. Одной из таких забав были кулачные бои, издавна проходившие на реке Туре или её берегах. Своё повествование автор доводит до начала XX в., лишь предполагая, что эта традиция продолжала существовать и позднее. В тюменских газетах 1920-х годов мною было обнаружено немало подтверждений этой мысли С. Кубочкина. Последняя заметка такого рода, рассказывающая о «полюбях» — кулачных боях заречных парней на валу, — была опубликована в газете «Красное знамя» 2 октября 1928 под красноречивым заголовком «Народное уродство». Впрочем, вполне возможно, что в кулачном бою тюменцы сходились и позднее. Ниже вниманию читателей предлагается несколько любопытных, на мой взгляд, заметок, опубликованных в 1920-е годы в тюменских газетах. Орфография и пунктуация оригинала сохраняется.

Кулачные бои

На реке Туре в любой праздник можно видеть кулачные бои, на которых участвует молодёжь. «Бой» сначала начинают малыши, — а затем вяжутся в него подростки.

В результате такого «физического развития» молодёжь расходится с разбитыми носами, губами, а то и скулами, подбитыми глазами и проч...

Трудовой набат. 24 декабря 1922 г.

ТИШЕ ЕДЕШЬ — ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ!

Физкультура. Это слово в Тюмени объясняется очень просто:

— Культура битых физиий.

Эта физкультура по тюменски процветает в кулачном бою.

Стенка на стенку

Если же на девятом году революции появляются в Советской стране «стенки», то С.Ф.К. надо поторопиться

Трудовой набат. 8 января 1926 г.

КУЛАЧНЫЕ БОИ НА ТУРЕ. В ДНИ СТАРОГО РОЖДЕСТВА

В «доброе» старое время зимой на берегу Туры устраивались рукопашные бои — стенка на стенку. Обитатели Затюменки выходили померяться силами с жителями Зареки.

Вначале бой открывался как с одной, так и с другой стороны малышами.

— Бою подайте! Кричали малыши и сходились на кулачки.

Азарт драки от подростков передавался взрослым.

Постепенно к дерущимся присоединялись взрослые, даже из категории тех, что имеют седину в волосах.

Происходила жесточайшая схватка. В ход нередко пускались железки, спрятанные драчунами в рукавицы. С поля боя в большинстве уходили с подбитыми глазами, с синяками во всю рожу, с кровоподтёками, с вывихами рук и т.д. Не обходилось дело и без убийства.

Поглазеть на зрелище приезжали именитые городские люди — купцы. Дрожали от восхищения и чтобы развеять страсти бросали на круг деньги на водку.

— Дерись наша, даю четвертной билет.

— Ставлю ведро

В дни старого рождества по примеру старинки открылся бой между Затюменцами и Заречанами. В «битве» принимали участие до 100 чел. Бои шли два дня. Милиция несколько раз разогнала драчунов, но последние как только уезжали милиционеры снова возобновляли драку

Красное знамя. 11 января 1928.

¹ Кубочкин С. Старинные забавы//Лукич. 2000. Ч.2. С.103—111.

Уважаемый Юрий Лукич!

Благодарим вас за присланные книги. Хотелось бы выразить вам признательность за общественную пользу и созидательный труд, особенно в настоящее время, когда захирели, а то и совсем перестали выходить даже толстые журналы. Наш журнал «Енисей» дышит на ладан и зависит от прихоти «хозяина», а команде Лебеда ничего не надо, кроме захвата собственности.

А здесь целое краеведческое издательство, размах деятельности которого поражает воображение. Создавая наш литературный музей, мы хотели собрать в одном месте всю сибирскую литературу от Урала до Дальнего Востока. Эта задача оказалась сложной, но мы с ней справились. Мы использовали все варианты: старые книги, муляжи, новые издания. Библиотека наша достаточно богата, но пришлось прибегнуть к помощи библиотек Москвы, СПб, архивов.

Большую помощь оказали издания Восточно-Сибирского книжного издательства серии «Памятники литературы Сибири».

Ваше же издательство в современной книжной политике — уникальное. Дай вам Бог здоровья и силы в этом деле.

Видимо, в вас сочетается коммерческая предприимчивость с пониманием ценности интеллектуального потенциала прошлых эпох. И ваши книги будут иметь ту же ценность, что и первоисточники.

Очень хотелось бы с вами познакомиться лично. Мы приглашаем вас в Литературный музей.

Давно мечтаю побывать в Тобольске, Тюмени, но сейчас эту мечту можно осуществить только за свой счет.

Тобольская литература у нас представлена в разделе «Сибирская литература конца XVIII—XIX вв.»: летописи, П.П. Ершов, «Иртыш», Знаменский, Словцов, декабристы, поэт И. Варлаков (уроженец Тобольска), дьяк Григорий Скрябин, автор сатиры «Епиграммы о Красноярске», «Сатиры о плеши» (XVII в.).

Есть к вам предложение, ведь за предложение не бьют. Суть его в том, что в Красноярске живет писатель В.Я. Шанин, автор книги о В.И. Сурикове. Книга имеет уникальную историко-художественную ценность, что подтверждают рецензии специалистов.

Автор по договору с журналом «Енисей» начал печатать первую книгу, но из-за писательских склок автору отказа-

ли в дальнейшей публикации. К печати подготовлена, откорректирована первая книга, а вторая готовится к печати (будет трилогия). Все возможности для издания в местных издательствах исчерпаны.

Надеюсь на чудо. Вам должна быть близка тема «Суриков и казаки», ничего подобного нет в литературе, автор более 15 лет посвятил архивам, изучил первоисточники, собрал в одном романе несколько десятков исторических персонажей, изобразил их не только художественно, но и правдиво в историческом контексте эпохи, о чем я могу судить как литератор-краевед с 20-летним стажем.

Что касается писателя М. Плотникова (Хелли). Как я поняла из публикации, вам совсем

неизвестен его красноярский период. Во-первых, поэма «Янгал-Маа» впервые была опубликована в красноярском журнале «Сибирские записки» (1916 г.), автограф (может, просто рукопись?) рукописи хранится в фондах нашего музея, есть принадлежавшие ему две картины поэта-футуриста Д.Д. Бурлюка.

Одним словом, у нас тоже есть много интересного.

Если вас заинтересует роман В.Я. Шанина о Сурикове, сообщите об этом.

По вашему списку делаем новый заказ литературы.

Еще раз огромное спасибо за книги.

С уважением

*А.В. Броднева,
заведующая Красноярским
Литературным музеем*

Глубокоуважаемый Юрий Лукич!

Сегодня получила высланную Вами книгу М.Б. Шатилова «Ваховские остяки» (получила первую послеотпускную зарплату*) и смогла ее, наконец, выкупить. Спасибо! Конечно, хотела бы иметь сочинения и П.А. Городцова, и А.И. Сулоцкого. Высылайте их, пожалуйста, наложенным платежом по мере выхода (как и журнал «Лукич»).

С уважением Миненко Н.А.
7.Х.2000 г.

г. Екатеринбург

* Это не самый крутой анекдот о дороговизне книжек нашего издательства. То, что профессору УрГУ не по карману книжки вообще — не секрет ни для кого. А вот сотрудник ТОКМ В. Семенова, чтобы купить двухтомник С.К. Патканова, вообще была вынуждена продать свой холодильник. Издательство продолжает выпускать дорогие и очень дорогие книги, надеясь, что у В. Семеновой (и не только у нее) есть еще пылесос, телевизор и т.д.